

Р.М.Валеев

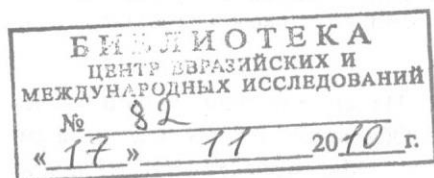
**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТСКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
(1769 - 1920-е гг.)**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Р.М.ВАЛЕЕВ

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
(1769—1920-е гг.)**

Рекомендовано Советом по востоковедению, африканистике
и регионоведению Учебно-методического объединения
по классическому университетскому образованию
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по специальности 022800 «Востоковедение, африканистика»

КАЗАНЬ
2003

УДК 930.1
ББК 63.3(0)
В 15

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Г.Г.Зайнуллин*,
доктор исторических наук, профессор *И.И.Шарифжанов*

Валеев Р.М.

В 15 Очерки истории казанского университетского востоковедения (1769—1920-е гг.): Учебное пособие.—Казань: Алма-Лит, 2003.—144 с.

ISBN 5-98245-003-0

В учебном пособии освещается формирование и развитие казанского университетского центра востоковедения в России в последней четверти XVIII в. — 20-х гг. XX в. Особое внимание уделено рассмотрению тесной связи казанской школы востоковедения с педагогической и научной деятельностью видных отечественных ориенталистов XIX — начала XX вв. Казанское университетское востоковедение рассматривается как составная часть системы российского образования и науки о Востоке. Предназначено для студентов-востоковедов высших учебных заведений.

Издано при финансовой поддержке Института «Открытое Общество» в рамках Программы поддержки кафедр (ППК) Мегaproекта ИОО «Развитие образования в России»

ISBN 5-98245-003-0

© Валеев Р.М., 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

История востоковедного образования и науки о Востоке в России, основные тенденции их развития — одна из важнейших проблем отечественной ориенталистики. Большой интерес вызывают процессы формирования и развития научного востоковедения в России XVIII — начала XX вв. Этот период характеризовался разнообразием и богатством российской ориенталистики, созданием обширной системы востоковедного образования и научных исследований, объединявшей деятельность Академии наук, университетов, лицеев, гимназий, духовных академий, семинарий и научных обществ. Российское государство и общество сыграли важную роль в становлении и развитии науки о Востоке. Востоковедение стало важной областью гуманитарных наук, достигшей значительных успехов.

Востоковедение в России представляет собой взаимосвязанную, развивающуюся и многоуровневую систему. Исключительную роль в истории науки и культуры народов России сыграло академическое и университетское востоковедение, тесно связанные между собой. На современном этапе совершенствования фундаментального востоковедного образования и сотрудничества ориенталистов академических институтов и учебных заведений этот опыт приобрел научно-практическую значимость.

Университетскому востоковедению в России, в том числе казанскому, в первой половине XIX в. предстояло решить проблему подготовки ученых-востоковедов, наиболее обострившуюся в отечественной ориенталистике на рубеже XVIII—XIX вв.¹ Именно в XIX — начале XX вв. в россий-

¹ Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.—М., 1972.—С. 11.

ском университетском востоковедении наиболее значимыми становятся преподавание востоковедных дисциплин и научно-исследовательская работа ориенталистов. В то же время казанское университетское востоковедение во второй половине XIX — начале XX вв. продемонстрировало снижение официального статуса образовательных востоковедческих дисциплин.

Известная акция перевода разряда восточной словесности в Санкт-Петербургский университет подрубила социальные и научно-образовательные корни казанского востоковедения, разрушила перспективные школы и направления. Тем не менее востоковедение сохраняется и развивается в Казани.

Во второй половине XIX — начале XX вв. значительно меняются масштабы востоковедных исследований и их организация. В России основную роль в развитии востоковедения начинают играть университеты, Академия наук и связанные с ними научные общества, а также специальные учебные заведения. Важнейший закономерный итог этого сложного и многоаспектного процесса — возникновение целостной системы востоковедческого образования и науки в начале XX в. История казанского университетского востоковедения рассматривается как составная часть этой системы со всеми ее основными элементами: педагогическим и исследовательским творчеством востоковедов, деятельностью учебных и научных центров, публикацией документальных источников и специальных трудов, научными путешествиями в восточные страны и регионы России и т.д. В XIX — начале XX в. в Казани проявились некоторые ведущие направления российского и мирового востоковедения.

В XIX — начале XX вв. Казань представляла собой крупнейший центр российского научного востоковедения. Известный востоковед-гуманист О.М.Ковалевский в 1837 г. на торжественном собрании университета говорил: «Казанский университет, находясь на рубеже Азии, как бы в сердце огромнейшей империи, простиравшей свои владения по всей северной Азии, по своему положению, ... в самое непродолжительное время сделал весьма значительные приобретения, так что он своими пособиями не токмо может соперничать с другими

заведениями в этом отношении, но даже получил перевес, слишком уже заметный. В нем, кроме преподавания арабского, персидского и татарского, возникли кафедры турецкая, монгольская и китайская, к которым, смеем надеяться, присоединятся и другие восточные, особенно тибетская и армянская».²

В отечественной историографии сложилось устойчивое мнение о приоритете казанской школы востоковедов первой половины XIX в. и снижении ее научного статуса и влияния во второй половине XIX — начале XX вв. Настоящее учебное пособие позволяет осмыслить реальные факты и события истории зарождения и развития университетского востоковедения в Казани на протяжении всего XIX в. и первых двух десятилетий XX в.

У истоков казанского востоковедения находится организация преподавания татарского языка в Первой Казанской гимназии с 1769 г., связанная с преподавательской деятельностью династии Хальфиных до 1829 г.

Начало функционирования первой кафедры восточных языков в университете в 1807 г. обозначило новый период в истории казанского научного востоковедения, который завершается в 1854/1855 гг. в связи с переводом разряда восточной словесности в Санкт-Петербургский университет. Вторая половина XIX в. — 1920-е гг. в истории казанского университетского востоковедения продемонстрировала следующий важный и целостный этап развития образования и знаний о Востоке.

Особенно органичной была связь казанского востоковедения с петербургским академическим и университетским востоковедением. Как известно, в основу развития научной школы востоковедения в Санкт-Петербурге во второй половине XIX в. была включена казанская университетская ориенталистика.

² Ковалевский О.М. О знакомстве европейцев с Азией. Речь произнесенная на торжественном собрании императорского Казанского университета, в 8-й день августа 1837 г. ординарным профессором Осипом Ковалевским. — Казань, 1837. — С. 35—36.

ГЛАВА I

ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В ПЕРВОЙ КАЗАНСКОЙ ГИМНАЗИИ (1769—1855 гг.)

Истоки официального преподавания восточных языков в университете и в целом в Казани связаны с Первой Казанской гимназией (1758), где с 1769 г. с учетом географического положения и наличия тюрко-татарских манускриптов был создан класс татарского языка.

Преподавателями татарского языка на протяжении многих лет были известные педагоги-просветители Сагит Хальфин (1732—1785), Исхак Хальфин (ум. в 1800) и Ибрагим Хальфин (1778—1829)³. Первая Казанская гимназия стала крупным светским учебным заведением России, где шло преподавание восточных языков. Она явилась учебно-педагогической и организационной базой становления и развития казанского университетского востоковедения в первой половине XIX века. Историк С.М. Михайлова справедливо пишет: «Преподавание татарского языка в гимназии подготовило почву для дальнейшего преподавания татарского языка и других восточных языков в университете, ибо уже были созданы первые учебные пособия, словари, азбуки по татарскому язы-

³ Ханбиков Я.И. Русские педагоги Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа.—Казань, 1968; Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (Первая половина XIX в.).—Казань, 1972; Михайлова С.М. Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья (1800—1861).—Казань, 1972; Куликова А.М. Новый документ о Сагите Хальфине // ППИПИКНВ. XIII годичная научная сессия ЛОИВАН.—М., 1977 и др.

ку, накоплен определенный опыт, разработана методика преподавания».⁴

Изучение восточных языков в Первой Казанской гимназии органично связано с формированием системы регулярно преподавания азиатских языков в общеобразовательных светских и духовных школах Российской империи — Иркутске (1726), Самаре (1737—1739), Москве (70-е гг. XVIII в.), Астрахани (1788), Омске (1789) и других.⁵ Преподавание и изучение восточных языков в общеобразовательных учебных заведениях России стали важной частью реорганизации всей системы российского образования XVIII — начала XIX вв. В первой половине XIX в. Казанская гимназия сыграла огромную роль в преподавании мусульманских и центрально-азиатских языков.

В 70—90-е гг. XVIII в. преподавание татарского языка в Первой Казанской гимназии не отличалось от других общеобразовательных учебных заведений России, где изучали восточные языки. В этот период Сагит Хальфин издает известную «Азбуку татарского языка...» (1778) и составляет «Русско-татарский словарь», который был переписан в 1785 г. его сыном Исхаком Хальфиным.⁶ «Татарский словарь, в пользу обучающегося при Казанских гимназиях юношества татар-

⁴ Михайлова С.М. Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья. (1860—1861).—Казань, 1972.—С. 33.

⁵ Булич С. Очерк истории языкознания в России // Записки Историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Ч. 75.—СПб., 1904; Веселовский Н.И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды Третьего Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге (1876).—СПб., 1879—1880. Т. 1.—С. 99—256; Кононов А.И. Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения.—М., 1960; Его же. История изучения тюркских языков в России.—Л., 1982; Куликова Н.А. Зарождение японоведения в России в XVIII в. // Народы Азии и Африки.—1990.—№ 4.—С. 101—112; Ес же. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.—1917 г.).—СПб., 1993; История отечественного востоковедения до середины XIX века.—М., 1990 и др.

⁶ Шамов Г.Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая (первая половина XIX века): Дис. ...канд. ист. наук.—Казань, 1956.—С. 46; Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. 2-е изд.—М., 1989.—С. 241—243.

скому языку, сочиненный при оных же гимназиях» (1785) Сагита Хальфина сохранился в трех рукописных списках в восточных фондах Казани, Москвы и Санкт-Петербурга.⁷ По оценке А.Н.Кононова, «Татарский словарь» Сагита Хальфина служит свидетельством глубокого знания в России тюркских языков и «является ценным памятником тюркской лексикографии, заслуживающим специального исследования».⁸

Заккрытие Казанской гимназии в 1788 г. на время прервало преподавательскую работу И.Хальфина. Восстановление гимназии 29 мая 1798 г. указом Павла I⁹ позволило продолжить обучение татарскому языку преподавателем Исааком Хальфиным в 1798—1800 гг.¹⁰

В 1800—1829 гг. преподавание татарского языка в Первой Казанской гимназии и с 1812 по 1829 гг. в Казанском университете продолжил лектор татарского языка и адъюнкт восточной словесности Ибрагим Хальфин.¹¹ С его именем связа-

⁷ Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. 2-е изд.—М., 1989.—С.243.; Дмитриева Л.В. Материалы по тюркскому языкознанию в собрании Института народов Азии АН СССР // Тюркологический сборник.—М., 1966.—С.51.

⁸ Кононов А.Н. Из истории отечественной тюркологии // Ученые записки Института востоковедения АН. Т.6.—1953.—С.272.

⁹ ПСЗ — I.—Т. 24.—№ 18228; Т. 25.—№ 18539.

¹⁰ Куликова А.М. Новый документ о Сагите Хальфине // ППИПИКНВ.—Л., 1977.—С. 90—93.

¹¹ См.: НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8794. «Об определении учителей Казанской гимназии французского языка Лейтера и татарского Хальфина лекторами 1-го немецкого и последнего татарского языков при Университете. 7.07.1812 г.» 16 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1245. «О прибавке жалования лектору Хальфину. 2 апреля 1820 — 29 апреля 1820 гг.» 20 лл.; Там же. Д. 1473. «О выдаче лектору Хальфину заимообразно 500 руб. 22 августа 1821 — 2 сентября 1821 гг.» 4 лл.; Там же. Д. 3003. «О смерти адъюнкта Хальфина. 25 января 1829 г.» 8 лл.; Там же. Д. 3 084. «О производстве вдовам и детям умершего адъюнкта Казанского ун-та Хальфиным пенсий». 19 июня 1829 г.» 3 лл.; Там же. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 176. «Документы о разборе Советом университета конфликта лектора И.Хальфина с женой. 3—21 января 1814 г.» 10 лл.; Там же. Д. 486. «Переписка с попечителем Казанского учебного округа, представление лектора И.Хальфина о разрешении студентам Юнакову и Бовину жить в Татарской слободе для практического изучения татарскому языку. 20 декабря 1819 — 2 марта 1820 г.» 3 лл.

но создание учебных пособий в области татарской грамматики и хрестоматии¹² и совместная с академиком Х.Д.Френем источниковедческая работа по подготовке к изданию «Родословного древа тюрков» Абулгази.¹³

Официальный запрос Министерства иностранных дел в августе 1806 г. «О заведении для восточных языков училищ в Казанском учебном округе», азиатским языкам оказал сильное влияние на развитие востоковедения в Первой Казанской гимназии и Казанском университете в первые десятилетия XIX века.¹⁴

В первой половине XIX в. в светских средних учебных заведениях России сформировалась определенная система подготовки знатоков восточных языков, переводчиков и кандидатов для последующего обучения в восточных отделениях институтов и университетов. Первая Казанская гимназия и в особенности разряд восточной словесности Казанского университета сыграли важную роль в подготовке учителей восточных языков для учебных заведений империи.

Фонды Министерства народного просвещения, представленные в Российском государственном историческом архиве в

¹² Азбука и грамматика татарского языка, с правилами арабского чтения.—Казань, 1809; Изд. 2.—Казань, 1812; Жизнь Джингис-хана и Аксак-Тимура, с присовокуплением разных отрывков, до истории касающихся, коих все слова для обучающихся расположены по алфавиту.—Казань, 1822; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 46. «О напечатании Азбуки и Этимологии татарского языка, сочиненной при Казанской гимназии. 30 марта 1804 — 12 мая 1804 г.» 2 лл.

¹³ Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете.—Казань, 1972; Валеев Р. Соображаясь с образом мыслей нашей нации...! // Гасырлар авазы — Эхо веков.—1997.—№ 1/2.—С. 54—61; НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 679. «Выписки из протоколов заседаний Совета и переписка с попечителем Казанского учебного округа, правлением и ректором И.Хальфина о рукописи Абулгази Багадур хана «История о монголах и татарах». 5 марта 1821 — 20 сентября 1823 г.» 8 лл.

¹⁴ РГИА. Ф.733. Оп. 39. Д. 45. Л.1.

Санкт-Петербурге¹⁵ и попечителя Казанского учебного округа в Национальном архиве Республики Татарстан,¹⁶ дают оригинальный материал о формировании и развитии восточ-

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 11. «Дела об увеличении жалованья учителю японского языка Иркутской гимназии Н. Колотыгину, о смерти его и об упразднении класса японского языка при Иркутской гимназии. 2 марта 1803 — 25 ноября 1816 г.» 64 лл.; Там же. Д. 29. «Дела об открытии Астраханской гимназии, о передаче на ее содержание некоторых оброчных статей, об учреждении при гимназии класса персидского языка, о распределении между учителями преподавания персидского и татарского языков, о введении преподавания армянского языка и закона божия грегорианского исповедания, о принятии 3-х русских воспитанников на казенное содержание. 22 июля 1805 — 6 июня 1843 г.» 58 лл.; Там же. Д. 236. «Дело об учреждении Неплюевского училища в гор. Оренбурге. 16 марта 1818 — 10 мая 1820 г.» 42 лл.; Там же. Д. 305. «Дело о предполагаемом учреждении Центрального татарского училища в гор. Казани. 18 октября 1819 — 29 ноября 1820 г.» Тут же проект, поданный муфтием Гусейном (Магомед Джан Гусейн — Р.В.) касательно учреждения татарских школ в Казани и Оренбурге. 23 лл. РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 75. «Дело о передаче в Иркутскую гимназию книг, купленных русским посольством в Китае. 30 марта 1823 — 26 марта 1824 г.» «Реестр книг на 2—4 лл.» 37 лл.; РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 51. «Дело об освобождении учеников Астраханской гимназии, обучающихся восточн. языкам от изучения славянского и немецкого языков, математики, физики, черчения и рисования. 17—22 декабря 1837 г.» 2 лл.; Там же. Д. 70. «Дела об учреждении калмыцкого училища в гор. Астрахани. 6 января 1837 — 5 августа 1841 г.» 33 лл.; Там же. Д. 130. «Дело об издании на средства армянского Агабабовского училища учебника арифметики Буссе, переведенного Х. Мардановым на армянский язык. 23 октября — 23 декабря 1838 г.» 8 лл.; РГИА. Ф. 733. Оп. 43. Д. 50. «Переписка с Министерством финансов об учреждении Коммерческого училища или училища азиатской торговли в гор. Казани. 8 декабря 1842 — 11 апреля 1845 г.» 38 лл.; РГИА. Ф. 733. Оп. 46. Д. 34. «Дело о введении преподавания татарского языка в Оренбургской гимназии. Распред. предметов преподавания в Оренбургской гимназии. 4 ноября 1851 — 1 октября 1853 г.» 30 лл. и другие.

¹⁶ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6. «О состоянии учебных заведений Оренбургской губернии и об успехах учеников, изучающих татарский язык. 1802 г.» 63 лл.; Там же. Д. 367. «О мусульманских училищах, находящихся в слободе Каргали (Сеитово), близ города Оренбурга.» 2 лл.; Там же. Д. 547. «О присылке книг для училища Иркутской губернии и об увольнении учителя японского класса Киселева от должности. 25 августа 1815 — 23 сентября 1815 гг.» 11 лл.; Там же. Д. 1277. «О заведении Азиатского училища в Омской крепости.» 243 лл.; Там же. Д. 1278. «Об учреждении училища для обучения российской грамоты татар в Астрахани. 17 июня 1821 г.» 52 лл.; Там же. Д. 1733. «О допущении 4-х учеников Тобольской семинарии к слушанию татарского языка в Казанской гимназии. 17 июня 1824 г.» 10 лл.; Там же.

коведческого образования и науки в системе гимназий и училищ России XIX в., тесно связанных с университетами.

Наиболее значимыми фактами в истории преподавания восточных языков в гимназиях и училищах Поволжья, Урала, Сибири, Ставрополя и Закавказья представляются следующие: в июле 1811 г. в Астраханской гимназии был учрежден «класс персидского языка» с преподавателем Мирзой Абдуллой, с 1817 г. началось преподавание татарского языка, с апреля 1835 г. татарский язык преподавал М. Бердиев, в июне 1835 г. в программу гимназии вновь включен персидский язык, а в июне 1843 г. было разрешено иметь сверхштатных учителей персидского и татарского языков; в январе 1852 г. в программу гимназии в г. Оренбурге введен татарский язык; в июне 1816 г. в Иркутской гимназии был упразднен «класс японского языка, в январе 1823 г. этой гимназии было передано собрание китайских, маньчжурских, монгольских книг, которое было приобретено членом Пекинской духовной миссии Е. Ф. Тимковским (1790—1875), с условием учреждения

Д. 2564. «О желании Николаева занять в Оренбургском военном училище класс арабского и персидского языков. 12 января 1828 г.» 7 лл.; Там же. Д. 3489. «О дозволении произвести Иванову испытание в знании татарского языка при Оренбургском уездном училище. 4 августа 1831 г.» 4 лл.; Там же. Д. 4339. «О том, сколько воспитанников Астраханской гимназии посвятили себя изучению Армянского языка. 29 октября 1835 г.» 36 лл.; Там же. Д. 4596. «Об учреждении в Астрахани калмыцкого училища. 28 января 1837 г.» 53 лл.; Там же. Д. 4667. «О назначении учителя татарского языка в Кизлярское училище. 8 декабря 1837 г.» 13 лл.; Там же. Д. 4669. «О жителях симферопольском Аджи Османе Аджи Кутлушове и бахчисарайском Абдураман Иелебе Мудерии Ариф Мегмет Эфенди оглу, желающих быть надзирателями при гимназиях. 26 февраля 1837 г.» 58 лл.; Там же. Д. 4779. «О назначении учителей в Ришельевский лицей по восточным языкам. 1 июня 1838 г.» 63 лл.; Там же. Д. 5487. «О рассмотрении ответов Тандова, ищущего звания учителя армянского языка в уездном училище. 4 июня 1843 г.» 17 лл.; Там же. Д. 5557. «О назначении преподавателей восточных языков в учреждаемое при Новочеркасской гимназии отделение восточных языков. 3 марта 1844 г.» 10 лл.; Там же. Д. 6141. «О рукописи на монгольском языке, составленной штатным смотрителем Армянского училища Поповым от 14 декабря 1848 г.» 14 лл.; Там же. Д. 6721. «Об упразднении Астраханского армянского Агабабовского училища от 23 октября 1851 г.» 22 лл.; Там же. Д. 7267. «О прекращении преподавания восточных языков в Астраханской гимназии от 22 ноября 1857 г.» 48 лл.

класса восточных языков; в феврале 1854 г. введено преподавание китайского, маньчжурского, монгольского и бурятского языков; в июле 1838 г. в Нерчинском уездном училище введен «необязательный» монгольский язык с назначением преподавателя Шергина¹⁷; в октябре 1825 г. калмыцкое училище присоединено к уездному училищу в Ставрополье, где преподавали калмыцкий язык; в августе 1829 г. утверждено «Положение о Закавказских училищах», в программах которых предусмотрено преподавание грузинского, армянского, татарского, лезгинского, осетинского языков, также в мае 1835 г. принято новое «Положение о Закавказских училищах», которое предусматривало восточные языки как необходимые «по местным условиям» и в декабре 1848 г. утверждено новое «Положение об учебных заведениях Кавказского учебного округа, который определил в программах гимназий: в Тифлисе — грузинский, армянский и татарский языки; в Кутаиси — грузинский и татарский языки; в Екатеринодаре — черкесский язык; в Ставрополе — татарский и черкесский языки и т.д.¹⁸ Эти официальные мероприятия имели исключительное политическое и социокультурное значение в истории и культуре народов Российской империи. Истоки отечественного востоковедения тесно связаны с преподаванием и изучением восточных языков в средних учебных заведениях России.

Первая Казанская гимназия и разряд восточной словесности Казанского университета до закрытия в 1854/1855 гг. готовили учителей восточных языков для общеобразовательных учебных заведений и переводчиков в ведомства управления восточными областями Российской империи.¹⁹

¹⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5211. «О составленной Шергиным монгольской хрестоматии с словарем. 7 апреля 1841 г.» 26 лл.

¹⁸ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.—1917 г.).—СПб., 1994.—С. 350—356; РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 29. Л. 36—60.

¹⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2564. «О желании Николаева занять в Оренбургском военном училище класс арабского и персидского языков. 12 января 1828 г.» 7 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3265. «Об определении Демидона к Оренбургскому военному губернатору в должность драгомана. 4 сентября 1830 г.» 16 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3489. «О дозволении произве-

В истории преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии и его развитии выделяются следующие значимые периоды и рубежи — до 1836 г.; 40-е гг. XIX в. и 1854—1855 гг., когда Министерством народного просвещения были приняты официальные меры «к упразднению в Казанском университете и в I-й здешней гимназии преподавания Восточных языков»²⁰ и об «оставлении в последней, по уважению местных обстоятельств края, преподавания татарского языка» с учителем М.-Г.Махмудовым.²¹

сти Иванову испытание в знании татарского языка при Оренбургском уездном училище. 4 августа 1831 г.» 4 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. «О принятии в Казанскую гимназию нескольких бурят для обучения русскому языку. 21 апреля 1835 — 25 августа 1850 г.» 218 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4459. «О желании адъюнкта Попова занять место в калмыцком суде Зарго. 15 января 1836 г.» 8 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4667. «О назначении учителя татарского языка в Кизлярское училище. 8 декабря 1837 г.» 13 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4779. «О назначении учителей в Ришельевский лицей по восточным языкам. 1 июня 1838 г.» 63 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4959. «О назначении к Астраханскому губернатору переводчика татарского языка. 22 сентября 1839 г.» 23 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5083. «О назначении учителя татарского языка в Казанскую областную гимназию. 11 июня 1840 г.» 32 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5335. «О приготовлении при Казанском университете членов для Пекинской духовной миссии. 5 ноября 1842 г.» 2 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5436. «Об определении из окончивших курс студентов переводчиком персидского языка в Астрахани. 12 июля 1843 г.» 18 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5437. «Об определении переводчика татарского языка в Азиатский Департамент из окончивших курс студентов. 1 ноября 1843 г.» 30 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5487. «О рассмотрении ответов Тандова, ищущего звания учителя армянского языка в уездном училище. 4 июня 1843 г.» 17 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5557. «О назначении преподавателей восточных языков в учреждаемое при Новочеркасской гимназии отделение восточных языков. 3 марта 1844 г.» 10 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5892. «О предложении занять места по Астраханскому калмыцкому управлению. 20 августа 1846 г.» 51 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6654. «О вызове лиц для занятия должности профессора института восточных языков в Ришельевском лицее от 29 апреля 1851 г.» 41 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6695. «Об отправлении кандидата Мокеева в учебное отделение восточных языков от 4 сентября 1851 г.» 34 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7014. «Об испытании Юсуфова на звание домашнего учителя татарского языка от 30 ноября 1855 г.» 3 лл.

²⁰ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 749. Л. 1 3.

²¹ ПСЗ — II. Т. 29. Отд. 1.—№ 28659; Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.—1917 г.).—СПб., 1994.—С. 350.

В 20-х гг. — первой половине 30-х гг. XIX в. в Первой Казанской гимназии идет формирование системы преподавания азиатских языков: в 1822 г. было впервые официально введено изучение арабского и персидского языков с преподавателем Ф.И.Эрдманом; в 1826 г. на должность преподавателя мусульманских языков был назначен Мирза Казем-Бек; в 1827 г. и 1833 г. И.Верниковский назначался преподавателем арабского языка; в 1828 г. А.Онисифоров стал преподавателем татарского языка; в 1833 г. К.Фойгт и А.Попов были утверждены преподавателями персидского и монгольского языков; в 1835 г. Мирза Казем-Бек стал преподавать турецко-татарский язык; в июне 1835 г. по докладу министра народного просвещения С.С.Уварова утвержден указ Николая I о введении преподавания в программу гимназии г. Казани арабского, персидского, татарского, монгольского языков с целью подготовки переводчиков для ведомств империи и т.д.²² Эти официальные мероприятия расширили круг восточных языков и определили статус основного востоковедного среднего учебного заведения в России в первой половине XIX в.

В 1825 г. преподаватель татарского языка гимназии Ибрагим Хальфин выступил с инициативой разделения на три разряда класса татарского языка Первой Казанской гимназии. Интересные материалы, касающиеся уровня и содержания преподавания татарского языка в гимназии, дают представление об истоках официальной системы изучения восточных языков в Казани, которая получила дальнейшее развитие в 30-х — первой половине 50-х гг. XIX в.

2 января 1836 г. был утвержден Именной Указ императора «с приложением положения и штата о преподавании в Первой Казанской гимназии восточных языков».²³ Значение этого официального распоряжения распространяется не только для Первой Казанской гимназии. Организационные и учебно-методические принципы системы востоковедного образования в

России сыграли колоссальную роль в российском востоковедении второй половины XIX в. — 1917 г.

Согласно «Положению о преподавании в Первой Казанской Гимназии Восточных языков»²⁴ были созданы три разряда: 1) арабский и персидский, 2) турецко-татарский и персидский и 3) монгольский и турецко-татарский; для четырех азиатских языков назначались учителя и для практического изучения языков надзиратели «из иноверцев, свободно объясняющихся на сих языках»; в число казеннокоштных воспитанников гимназии по восточным языкам могли приниматься «иноверцы, как-то: татары, буряты и другие» с разрешения попечителя учебного округа, лучшим воспитанникам предоставлялась возможность «поступать студентами в университет, на казенное содержание, для дальнейшего усовершенствования в языках восточных»; из 80 казеннокоштных воспитанников гимназии только 14 учеников могли обучаться восточным языкам, «а именно 4 — языкам: арабскому и персидскому; 6 — арабскому, турецко-татарскому и персидскому; 4 — монгольскому и турецко-татарскому» и т.д. Ключевые пункты «Положения» сохранялись до 40-х гг. XIX в.

Согласно «Положению» от 2 января 1836 г. преподавание в Первой Казанской гимназии монгольского, арабского и персидского языков началось 13 апреля 1836 г., а изучение турецко-татарского языка с 16 апреля 1836 г.²⁵

Особый интерес имеет 9 пункт «Положения», который поручал профессорам и преподавателям университета составить «подробное распределение преподавания Восточных языков». Часть этих «распределений преподавания восточных языков в

²⁴ Некоторые статьи «Положения о преподавании в первой Казанской гимназии восточных языков» в вольном изложении опубликованы в монографии Мазитовой Н.А. «Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века).—Казань, 1972.—С. 207—208.

²⁵ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3833. Л. 117.

²² Куликова А.М. Указ. соч.—С. 347—348.

²³ ПСЗ-П.—Т.11.—Отд.1.—№ 8742; НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3833. Л. 75.

гимназии» были опубликованы, часть сохранилась в рукописных вариантах, составленных в 1830—40-х гг.²⁶

В 30—50-е гг. XIX в. был сформирован основной преподавательский состав по изучению воспитанниками гимназии восточных языков: в апреле 1836 г. на должности преподавателей и практикантов восточных языков были утверждены — М.Казем-Бек (турецко-татарский язык), К.Фойгт (персидский язык), М.Первухин (арабский язык), А.Попов (монгольский язык), лама Г.Никитуев (практические занятия по монгольскому языку), Н.Сонин (практические занятия по персидскому языку), мулла М.Алиев (практические занятия по турецкому языку); в ноябре 1838 г. в программу гимназии был введен китайский язык и назначен преподавателем архимандрит Даниил; в 1842 г. Г.Гомбоев назначен преподавателем монгольского языка; в октябре 1842 г. введен армянский язык с преподавателем С.И.Назарьянцем; в январе-феврале 1843 г. М.-Г.Махмудов был назначен преподавателем восточной каллиграфии и до 1855 г. преподавал также турецко-татарский язык; в сентябре 1845 г. Абд.Казем-Бек определен сверхштатным лектором турецко-татарского языка; в 1848 г. на должности восточных языков были назначены: В.Михайлов (татарский язык), К.Попов (персидский язык), М.Навроцкий (арабский язык), Г.Гладышев (армянский язык); в декабре 1852 г. Ахмет бен Хусейн назначен надзирателем живого арабского языка; в 1853 г. прекратилось преподавание армянского язы-

²⁶ Распределение преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков в Первой Казанской гимназии, составленное адъюнктом-профессором Мирзой Александром Казем-Бекком. — Казань, 1836. — С. 1—54.; Распределение преподавания монгольского и начал тибетского языков в Первой Казанской гимназии, составленное э.о. профессором Ковалевским. — Казань, 1836. — С. 3—14; НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3833. «Об оставлении в Казанской гимназии преподавания восточных языков и с преобразованием в ней по Уставу 8-го декабря 1828 г.» 286 лл.; НА РГ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 489. «О составлении правила преподавания восточных языков в I-ой Каз. гимназии. 25.X.1845 г.» 7 лл.; НА РГ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 609. «О составлении проекта положения о преподавании восточных языков в Перв. Казанской гимназии. 20.II.1850 г.» 1 л.; НА РГ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 652. «О преподавании восточных языков в I-ой Казанской гимназии. 8.04.1851 г.» 37 лл.

ка, К.Голстунский стал исполнять должность учителя монгольского языка и утверждена «таблица распределения уроков по классам» с восточными языками: арабским, персидским, турецко-татарским, монгольским, китайским, маньчжурским и т.д.²⁷

В Первой Казанской гимназии преподавали восточные языки студенты и кандидаты университета: Ян (Иван) Верниковский (арабский язык), Сергей Рушко (китайский язык), Иван Ладухин (китайский язык), Иван Иванов (персидский язык) и др.

Историк востоковедения Н.А.Мазитова справедливо отмечает, что в этот период «I Казанская гимназия становится базой подготовки будущих студентов-востоковедов для университета. Востоковедение в университете и гимназии взаимно дополняли друг друга и находились в тесной связи между собой».²⁸

В 1836 г. были составлены проекты «Распределения преподавания восточных языков»: «Распределение преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков» Ф.Эрдмана, «Распределение преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков» А.Казем-Бека и «Распределение преподавания монгольского языка в Первой Казанской гимназии» О.Ковалевского.

Распределения преподавания арабского, персидского, турецко-татарского, монгольского и начал тибетского языков в Первой Казанской гимназии А.Казем-Бека и О.Ковалевского стали основными учебно-методическими пособиями до середины 40-х — начала 50-х гг. XIX в. Они были ориентированы на семилетний курс изучения гимназистами восточных языков.

В феврале 1839 г. попечителем Казанского учебного округа было утверждено «Расположение занятий гг. надзирателей с воспитанниками Первой Казанской гимназии Восточного отделения», составленное ординарным профессором Мирзой Казем-Бекком. Этот материал показывает учебно-методиче-

²⁷ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.—1917 г.). — СПб., 1994. — С. 347—350.

²⁸ Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века). — Казань, 1972. — С. 210.

скую систему занятий надзирателей персидского, турецко-татарского и монгольского языков с воспитанниками гимназии. Было проведено строгое разделение воспитанников восточных классов первого и второго года обучения между надзирателями Н.Сониным (Багирову Ибрагиму, персидский язык), Г.Никитуевым (монгольский язык), М.Алиевым (турецко-татарский язык) и Хаджи Османом Кутлуш оглы (турецко-татарский язык).

В архивных фондах сохранился «Список учеников Казанской гимназии, обучавшихся восточным языкам с 1800 года по 1841 год включительно».²⁹ Этот материал был подготовлен Первой Казанской гимназией в связи с поручением попечителя Казанского учебного округа профессорам университета Ф.Эрдману и О.Ковалевскому написать «Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков при Казанском университете». В декабре 1841 г. директор гимназии Николай Галкин докладывал: «...имею честь представить список учеников Гимназии, обучавшихся восточным языкам с 1800 года по 1841-й включительно, и... донести Вашему Превосходительству, что с 1808 года по 1812-й включительно списков учеников, обучавшихся Татарскому языку, не отыскано и, вероятно, они потеряны при перемещении Гимназии в то время в другие здания...»³⁰

Этот список включает всего 296 имен и фамилий выпускников Первой Казанской гимназии, которые изучали восточные языки.³¹ В списке значится большая группа гимназистов, которые представляли многие народы России.

Особенно в 40-х — первой половине 50-х гг. XIX в. произошли существенные изменения в организации и методике изучения восточных языков в Первой Казанской гимназии.

В дополнение к восточным языкам, установленным «Положением о преподавании в Первой Казанской гимназии восточных языков» (2 января 1836 г.), стали изучать китайский (с 1838 г.), армянский (с 1842 г.) и маньчжурский (с 1845 г.). К сожалению,

планируемое введение в 1842 г. преподавания санскритского языка в гимназии не состоялось в связи с тем, что Министерство народного просвещения потребовало «за лучшее ограничиться преподаванием этого предмета в Университете».³²

В 1841—45 гг. особые комитеты в составе профессоров разряда восточной словесности Казанского университета рассматривали «неудобства, которые были замечены в распределении преподавания восточных в первой Казанской гимназии» и сформулировали «надежные основания к успешности на будущее время» изучения восточных языков, а также составили новые распределения языков — арабского, персидского, турецко-татарского, монгольского и китайского.³³

Обсуждение университетскими профессорами системы изучения восточных языков в Первой Казанской гимназии и внесения дополнений был обусловлен следующими новыми факторами: введением преподавания армянского языка для гимназистов (в 1842 г.), разрешением Министерства народного просвещения «присоединить маньчжурский язык к числу преподаваемых предметов в I-й Казанской гимназии (в 1845 г.) и учреждением в университете «приготовительного класса для желающих вступить в университет по одному из разрядов азиатских языков».³⁴

Главным итогом деятельности комитетов в 1841—45 гг. стало составление «Правил для восточного отделения I-ой Казанской гимназии», «Положения о преподавании азиатских языков в I-ой Казанской гимназии» и новых «Распределений преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии», составленных Мирзой А.К.Казем-Бекон (арабский, персидский, турецко-татарский), архимандритом Даниилом (китайский язык, в 1841 г.), А.В.Поповым (монгольский язык), И.П.Войцеховским (китайский язык).

²⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5181. Л. 47.

³⁰ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3833. «Об оставлении в Казанской гимназии преподавания восточных языков и с преобразованием в ней по Уставу 8-го декабря 1828 г.» 286 лл.

³¹ Там же. Л. 49—51 об.

²⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5357. Л. 18—22 об.

³⁰ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5357. Л. 17.

³¹ Там же. Л. 22 об.

«Правила для восточного отделения I-ой Казанской гимназии» состояли из следующих положений: в отделение поступали ученики с 3-го класса гимназии; курс изучения азиатских языков распределялся на пять лет; воспитанники восточного отделения освобождались от изучения «высших частей математики, физики, немецкого и славянского языков, рисования и черчения»; в отделение принимались воспитанники «по удостоверению в их хороших способностях и совершенно основательном знании предметов, положенных для первых двух классов гимназии»; слабые ученики могли оставаться в отделении не более двух лет, не переводились в высшие классы или исключались из гимназии и другие.³⁵

По проекту «Положения о преподавании азиатских языков в I-ой Казанской гимназии» 1845 г. преподавание восточной словесности подразделялось на пять разрядов: 1) арабско-персидский, 2) арабско-турецкий, 3) армянско-турецкий, 4) китайско-маньчжурский и 5) монгольско-маньчжурский.

Из 80-ти казеннокоштных гимназистов учебного заведения восточные языки должны были изучать 15 воспитанников: 4 — арабский и персидский, 4 — арабский и турецкий, 3 — армянский и персидский (турецкий), 2 — китайский и маньчжурский и 2 — маньчжурский и монгольский.³⁶

Министерство народного просвещения в июле 1845 г., отмечая, что «проект означенных правил клонится отчасти к изменению высочайше утвержденного... Положения о преподавании в Первой Казанской гимназии восточных языков» и «введение преподавания новых языков после утверждения сего Положения требует установления нового разряда», потребовало представить на утверждение «новое Положение о преподавании восточных языков» с объяснительной запиской «по каким уважениям предполагаются в настоящем Положении изменения».

В 1848 г. был подготовлен новый проект «Положения о преподавании восточных языков в I-й Казанской гимназии»,

составленный первым отделением философского факультета университета. Данный проект включил основные пункты предыдущих материалов и обсуждений, проведенных в особых комитетах 1841—1845 гг. Некоторые пункты данного «Положения» были включены в высочайше утвержденное 21 марта 1849 г. мнение Государственного Совета об изменении некоторых статей устава гимназий.

С марта 1849 г. семилетний курс изучения восточных языков в гимназии стал четырехлетним. Ординарный профессор арабской и персидской словесности И.Ф.Готвальд в 1851 г. отмечал, что «этот срок... достаточен для достижения двоякой цели, предполагаемой при образовании воспитанников гимназии, т.е. с одной стороны приготовить их к занятию места при Уездных училищах, с другой передать им необходимый приготовительные познания для дальнейшего ученого усовершенствования себя в Университете».³⁷

В 1850—51 гг. прошел заключительный этап обсуждения и изменений в системе преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии и университете. Наиболее значительными недостатками профессора разряда восточной словесности считали: неудовлетворительное распределение преподавания языков в гимназии; низкий контроль за успешным преподаванием и изучением предметов восточной словесности; отсутствие связи между гимназическим и университетским преподаванием; постоянный переход воспитанников восточного отделения гимназии на другие факультеты университета и т.д.³⁸

Важным нововведением стала идея практической интеграции гимназических и университетских курсов по восточным языкам. Кроме того, было определено, чтобы «главный надзор за ходом преподавания как в гимназии, так и в университете всех восточных языков вверен был одному лицу, которое бы, вникнув во все обстоятельства, касающиеся не только самого преподавания, но и согласования его с общими основа-

³⁵ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3833. Л. 250 об.

³⁶ Там же. Л. 4—6 об.

³⁷ НА РГ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 652. Л. 1.

³⁸ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3833. Л. 291.

ниями гимназии и университета.»³⁹ Эту обязанность планировалось возложить на профессора разряда восточной словесности в должности директора восточного отделения при Казанском императорском университете.

Многие организационные и учебно-методические положения и идеи были систематизированы в «Проекте некоторых изменений в Положении, высочайше утвержденном 2-го января 1836 года о преподавании восточных языков в I-ой Казанской гимназии, согласно преобразованию гимназий, на основании высочайше утвержденного в 21-й день марта 1849 года мнения Государственного Совета» и «Проекте нового положения и штата о преподавании в Первой Казанской гимназии восточных языков».⁴⁰

Главные дополнения и изменения в существовавшей системе преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии в 1851 г. были сформулированы в следующих положениях: изучение восточных языков имело целью «особенное» образование воспитанников и начиналось с IV класса гимназии, так как они «должны основательно знать языки русский и французский» и иметь предварительный запас сведений для большего понимания теории «языков восточных сравнительно с другими языками»; преподавание монгольского языка дополнялось изучением турецко-татарского, как самого ближайшего к монгольскому языку «в лексическом и синтаксическом отношении»; преподавание восточных языков в I-й Казанской гимназии должно быть теоретическое и практическое, осуществляемое старшими учителями и надзирателями «из иноверцев»; старшие учителя преподают восточные языки в каждом классе по 2 урока или во всех четырех классах по 8 уроков, а надзиратели ведут занятия в свободное от общего преподавания время 8 уроков в неделю или по 2 урока в классе «под наблюдением старших учителей»; для изучения азиатских языков избираются «отличнейшие казенные воспитанники, преимущественно оказывающие способности в

языкознании»; «в I-й Казанской гимназии, как единственном учебном заведении в России, предназначенном для образования молодых людей по разным отделам восточного языковедения, должно быть положено казенных воспитанников для изучения азиатских языков 40 человек, из которых 15 назначаются по разряду арабско-турецко-татарского языка, 8 армянско-персидского, 8 монгольско-турецко-татарского, 5 маньчжурско-китайского и 4 армянско-персидского»; выпускники гимназии, желающие поступить в университет, зачисляются в штат казенных студентов или становятся стипендиатами Первой Казанской гимназии по разряду восточных языков.⁴¹

Профессорами и преподавателями университета были составлены новые программы преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии, которые сохранились в фондах Национального архива Республики Татарстан.⁴² «Проект нового положения о преподавании в первой Казанской гимназии восточных языков» констатировал основные учебные и методические принципы теоретического и практического преподавания арабского, персидского, турецко-татарского, монгольско-калмыцкого, китайского и армянского языков.

Теоретическая часть преподавания восточных языков включала следующие положения — «чтение и письмо» (IV класс); «подробное изложение этимологии» и «легкие переводы с тщательным этимологическим разбором и объяснением» (V класс); «краткое систематическое изложение синтаксиса» и «продолжение переводов» (VI класс); «продолжение чтения» и «толкование трудных переводов» (VII класс) и другие.⁴³

Практическое преподавание восточных языков в гимназии должно было ориентировать надзирателей: на «чтение печатных сочинений и рукописей, писанных разными почерками, с особым наблюдением за правильным произношением» (IV—V классы); «составление фраз из заученных слов» или «устные переводы», а также «разговоры» на азиатских языках

³⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3833. Л. 291 об.—292.

⁴⁰ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 652. «О преподавании восточных языков в I-ой Казанской гимназии. 8.04.1851 г.» 37 лл.

⁴¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 652. Л. 12—12 об.

⁴² Там же. Л. 13—22.

⁴³ Там же. Л. 26—28.

(V—VI классы); «заучивание наизусть и декламация избранных поэтических отрывков, и упражнения в сочинении частных писем и деловых бумаг, употребительных в общежитии» (VII класс) и т.д.⁴⁴

«Проект нового штата для преподавания в I-й Казанской гимназии восточных языков» включал шесть старших преподавателей арабского, персидского, турецко-татарского, монгольско-калмыцкого, китайского и армянского языков, семь комнатных надзирателей для «практического обучения воспитанников живым восточным языкам: персидскому, турецкому, татарскому, монгольскому, калмыцкому, китайскому и армянскому», а также учителя мусульманской каллиграфии «для обучения письму на языках: арабском, персидском и турецко-татарском по разным почеркам».⁴⁵

В 1853—55 гг. в восточном отделении Первой Казанской гимназии произошли переломные изменения, которые привели к закрытию востоковедного отделения в учебном заведении. Среди них следует выделить: прекращено преподавание армянского языка (май 1853 г.); определена новая «таблица распределения уроков по классам» в Первой Казанской гимназии, которая включила арабский, персидский, турецко-татарский, монгольский, китайский и маньчжурский языки (21 октября 1853 г.); прекращено преподавание восточных языков (за исключением татарского языка, 22 октября 1854 г.) и преподаватели восточных языков переведены на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета или оставили свои преподавательские должности и т.д.⁴⁶

⁴⁴ НА РГ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 652. Л. 28 об.—29 об.

⁴⁵ Там же. Л. 32 об.

⁴⁶ ЖМНП.—1853.—Ч. 79.—Отд. 1.—С. 46; ЖМНП.—1853.—Ч. 80.—Отд. 1.—С. 115—121; ПСЗ-II.—Т. 29.—Отд. 1.—№ 28659; ЖМНП.—1855.—Ч. 87.—Отд. 1.—С. 42; Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.—1917 г.).—СПб., 1894.—С. 350; РГИА. Ф. 733. Оп. 46. Д. 143 «Дело о прекращении преподавания армянского языка в 1-ой Казанской гимназии. 9—26 мая 1853 г.» 2 лл.; НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6798. «О прекращении преподавания армянского языка в 1-й Казанской гимназии и увольнении от этой обязанности Гладышева от 10 апреля 1853 г.» 5 лл.; НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6936. «О перемещении лектора Казембека адъюнктом в С.-Петербургский университет от 9 января 1854 г.» 4 лл.

В целом период середины — второй половины XIX в. в российском востоковедении связан с ограничением и прекращением изучения восточных языков в средних общеобразовательных заведениях России.⁴⁷ Проект централизации востоковедческого образования и науки в Санкт-Петербурге и его осуществление на базе факультета восточных языков университета в 1854/1855 гг. отразился на системе преподавания азиатских языков в гимназиях и училищах в России второй половины XIX в.

⁴⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 46. Д. 4. «Дело о принятии мер к устройству на службу окончивших отделение восточных языков КУ, о прекращении преподавания этих языков в Казани, о назначении проф. О.М.Ковалевского ректором ун-та и проф. И.Ф.Готвальда директором училищ Казанской губернии. 16 октября 1851 — 14 мая 1855 г.» 56 лл.; РГИА. Ф. 733. Оп. 48. Д. 212. «Дело о продолжении преподавания татарского языка в 1-ой Казанской гимназии и об отказе в увеличении жалованья ст. учителю татарского языка. 30 апреля — 15 декабря 1862 г.» 13 лл.; НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6721. «Об упразднении Астраханского армянского Агабабовского училища от 23 октября 1851 г.» 22 лл.; НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7267. «О прекращении преподавания восточных языков в Астраханской гимназии от 22 ноября 1857 г.» 48 лл.; НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8759. «Об упразднении преподавания татарского языка в Уфимской гимназии от 1 мая 1865 г.» 11 лл.; НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 15877. «О передаче находящихся в библиотеке Астраханской гимназии книг и рукописей в собственность Лазаревского института восточных языков. 7 октября 1884 г.» 21 лл.

ГЛАВА II

РАЗРЯД ВОСТОЧНЫЙ СЛОВЕСНОСТИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1807—1855 гг.)

К середине XIX в. разряд восточной словесности стал очагом университетского востоковедения в России и Европе. В первой половине XIX в. Казань становится одним из центров организации изучения восточных языков и Востока в России. Один из основоположников казанского университетского востоковедения О.М.Ковалевский в «Кратком обозрении хода и успехов преподавания азиатских языков при Казанском университете» отмечал, что Казань «в последнее десятилетие... после столицы, приобрела известность как рассадник азиатской учености».⁴⁸

В 1840 г. журнал «Отечественные записки» писал: «Всем известно, что восточное отделение философского факультета в Казани есть не только первое между русскими учебными заведениями..., но даже занимает одно из почетных мест в кругу подобных заведений и ученых азиатских обществ всей Европы. Взгляните на страницы парижского и лондонского «Азиатских журналов» — там увидите, как думают в Европе о казанских ориенталистах, богатых своими знаниями, но издающих свои дельные сочинения без шума, без неистовых возгласов, которыми иные-прочие хотят поддержать свои сочинения по части Востока».⁴⁹ Именно в первой половине XIX в. формируется высшая востоковедная школа в Казанском университете. Главной особенностью стало складывание и развитие оригинальной системы отечественного востоковедного

образования и науки о Востоке в Казани и в целом важного востоковедного центра в России и Европе.

Начальный этап востоковедения в Казанском университете охватывает 1804—1827 гг.

Университетский устав 5 ноября 1804 г. предусматривал на словесном отделении профессора восточных языков и лектора татарского языка.⁵⁰ Указом Александра I от 10 июля 1807 г. доктор философии и профессор Ростокского университета Х.М.Френ (Х.Д.Френ) (1782—1851) был назначен ординарным профессором восточной словесности в Казанском университете (1807—1817).⁵¹ Эти первые официальные мероприятия положили начало формированию казанского университетского востоковедения XIX в.

Первые опыты преподавания восточных языков в Казанском университете были связаны с татарским языком, которому обучались воспитанники под руководством И.Хальфина (1778—1829). Первый попечитель Казанского учебного округа (1803—1812) С.Я.Румовский (1734—1812) в августе 1805 г. поручил директору Первой Казанской гимназии и университета Яковкину выбрать 5 способных молодых юношей для дальнейшего обучения татарскому языку. Также было рекомендовано И.Хальфину заняться составлением новой грамматики татарского языка.⁵² В 1809 г. была напечатана «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения» И.Хальфина в университетской типографии. Через два года он был избран лектором татарского языка в Казанском университете. В последующее десятилетие традиции преподавания татарского языка в Казанском университете были тесно связаны с именем И.Хальфина, который также сохранял должность учителя татарского языка в Первой Казанской гимназии. В августе 1823 г. Совет университета избрал его адъюнктом восточной словесности.

⁵⁰ ПСЗ—I.—Т. 28.—№ 21500; Периодическое сочинение об успехах народного просвещения.—СПб., 1805.—№ 11.—С. 329—405; Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.).—СПб, 1994.—С.216.

⁵¹ Куликова А.М. Указ. соч.—С.218.

⁵² Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета. Т. I.—Казань, 1902.—С. 221.

⁴⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5357. Л. 34.

⁴⁹ Отечественные Записки.—1840.—Т. 9.—Отд. Смесь.—С. 16.

Целая эпоха в преподавании восточных языков в Казанском университете связана с педагогической и научной деятельностью К.М.Френа (Х.Д.Френ, 1782—1851).⁵³ Прибыв в Казань в августе 1807 г., уже с сентября 1807 г. ученый начал преподавание восточных языков в Казанском университете. Х.Д.Френ приступил к обучению студентов арабскому и персидскому языкам, желающих — еврейскому и сирийскому, к чтению курсов палеографии и золотоордынской нумизматики.⁵⁴ Период становления университетского востоковедения характеризовался отсутствием учебных пособий и книг, а также незнанием студентами латинского и немецкого языков, на которых вел занятия молодой представитель немецкого востоковедения. Первыми учениками профессора Х.Д.Френа в университете стали талантливые студенты С.В.Кручинин (ум. в 1809 г.) и первый казанский кандидат восточной словесности (1813) Я.О.Ярцов (1792—1861 гг.). 19 мая 1816 г. он успешно защитил магистерскую диссертацию «О восточных словах, находящихся в русском языке»⁵⁵, а уже 25 мая был утвержден в степени магистра восточной словесности.

С фигурой Я.О.Ярцова также связана одна из первых университетских научных командировок в России на мусульманский Восток. В период с января 1817 г. по январь 1818 г. Ярцов находился в составе российского посольства в Персии на должности канцелярского чиновника.⁵⁶ По итогам данной поездки Я.О.Ярцов представил в Совет университета «Краткий журнал путешествия в Персию», «Дневные записки, веденные во время переезда от Тифлиса до Астрахани» и «Рассуждение о религии персиян». Магистр даже был награжден персид-

⁵³ О жизни и деятельности Х.Д.Френа: *Дорн Б.А.* Академик Френ и его ученая деятельность.—СПб., 1855; История отечественного востоковедения до середины XIX века.—М., 1990; *Мазитова Н.А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. (Первая половина XIX в.).—Казань, 1972; *Савельев П.С.* О жизни и ученых трудах Френа.—СПб., 1855.

⁵⁴ *Ковалевский О.* Обзор хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете до настоящего времени.—Казань, 1842.—С. 7; *Савельев П.* О жизни и ученых трудах Френа.—СПб., 1855.—С. 17.

⁵⁵ НА РГ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 11. Л. 11.

⁵⁶ НА РГ. Ф. 92. Оп. Д. 822. Л. 1.

ским шахом знаком ордена Льва и Солнца второй степени за успехи в изучении персидского языка.⁵⁷

Однако переезд Ярцова со своим учителем Х.Д.Френом в С.-Петербург не позволили ему продолжить учебную и научную деятельность в Казанском университете. С утверждения в декабре 1818 г. Я.О.Ярцова в звании адъюнкта восточных языков Академии наук начался его петербургский период востоковедческой деятельности. В Академии наук Ярцов стал «первым русским адъюнктом по тюркским языкам».⁵⁸ Ученый оставил заметный след в истории российского востоковедения XIX в.⁵⁹

Реакционный правительственный курс после Отечественной войны в 1812—1819 гг., соединение Министерства народного просвещения с Синодом (1817 г.), «очищение и усмирение» Казанского университета, насаждение принципа «сочетания науки с религией», строгая регламентация преподавания и внутренней жизни университетов, ограничение их контактов с европейскими центрами отразились на судьбах начального этапа казанского востоковедения.

В первые два десятилетия казанского университетского востоковедения прослеживаются две противоположные тенденции, которые особо наглядно представлены в позициях профессора истории и политической экономии П.Кондырева и попечителя Казанского учебного округа в 1819—1826 гг. М.Л.Магницкого (1778—1855).

Программа развития востоковедения в университете была изложена профессором П.Кондыревым на торжественном заседании «Общества любителей отечественной словесности» 12 декабря 1814 г. В своей речи он отмечал: «Кроме общих пред-

⁵⁷ НА РГ. Ф. 92. Оп. Д. 822. Л. 17.

⁵⁸ Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.—М., 1972.—С. 403.

⁵⁹ Материалы для истории факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.—Т. IV.—СПб.—С. 25—26; *Загоскин Н.П.* История Имп. Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804—1904. Т. I.—Казань, 1902.—С. 226—227; *Булич Н.* Из первых лет Казанского университета (1805—1819).—Ч. 1.—Изд. 2.—СПб., 1904.—С. 166—169; *Шамов Г.Ф.* Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая (первая половина XIX века). Дис. ...канд. ист. наук.—Казань, 1956.—С. 50—53.

метов занятий, мы имеем еще некоторые такие, кои ближе к нам по обстоятельствам и на кои можем иногда с пользою обращать внимание. Мы живем между многими иноплеменными народами, в древнем татарском царстве, в виду бывшей болгарской столицы. Татары, чуваша, черемисы, мордва, вотяки, зыряне окружают нас. Армяне, персияне, башкиры, калмыки, бухарцы и китайцы ближе к ним, нежели к другим обществам. Мы удобнее можем иметь, касательно языка или словесности их, сношения и из оного делать употребление. Как полезно собирать различные песни сих народов, сказания, записки, повести, книги, надписи и т.п. и все сие еще весьма ново. В Астрахани можно познакомиться более с древностями Кавказских гор, с грузинскою, армянскою и персидскою словесностью..., в Иркутске и Троицкосавской крепости с китайскою словесностью; в первом городе с бурятскими и других народов памятниками. Составление словарей сих языков, филологическое их исследование также не бесполезно».⁶⁰

Период начала 20-х гг. XIX в. стал в становлении университетского преподавания восточных языков наиболее сложным и мучительным — ощущался недостаток слушателей кафедры восточных языков, а главное — не было преподавателей и целенаправленного процесса обучения, даже ставился вопрос о прекращении преподавания восточной словесности, не была выработана методика и организация обучения азиатским языкам. Известная университетская ревизия в 1819 г. М.Л.Магницкого существенно ограничивала преподавание восточных языков.

В официальной инструкции Магницкого, составленной в 1820—1821 гг., преподавателям восточной словесности Казанского университета вменялось в обязанность: «Профессор... не имеет нужды вдаваться излишне во все, что собственно принадлежит к... преданиям Магомета и первых учеников его ... Не нужно равномерно ему входить во все то, что писано об Алкоране, в отношении его к судопроизводству. Он покажет в истории их, из древнейших стихотворцев заимствованной, те

⁶⁰ Попов Н. Общество любителей отечественной словесности и периодическая литература в Казани с 1805 по 1834 г. // Русский вестник.—1859.—Т. 23.—С. 65.

баснословные предания, на коих она основана. Он покажет в поэзии их, сколько она поверхностна, и как отличается одним блеском мыслей и смелостью выражений ... Все сие представит профессор с тем намерением, чтобы открыть слушателям своим, что в арабской мудрости нет ничего особенного, что она почерпнута от греков и есть ни что иное, как философия Аристотеля, пламенным их воображением искаженная. Он вообще ограничится преподаванием языков арабского и персидского в том единственно отношении, в котором они торговым и политическим связям для России могут быть полезны».⁶¹ Последние годы деятельности М.Л.Магницкого будут отмечены попытками расширить преподавание восточных языков в учебном округе. В декабре 1822 г. университетский совет «принужден был распорядиться введением преподавания арабского и персидского языка в Казанскую гимназию и поручить профессору Эрдману избрать там надежных питомцев для приготовления их к поступлению со временем в число студентов по восточной словесности».⁶²

Вторым наиболее плодотворным этапом в развитии востоковедения в университете стали 1827 — 1846 гг.

В декабре 1827 г. попечитель учебного округа М.Н.Мусин-Пушкин, обосновывая новое разделение и «умножение» кафедр в университете, представленное в Министерство народного просвещения, считал эти перемены «первым началом учреждения при университете Восточного института, столь полезного для образования молодых людей, могущих быть: употребленными в постоянных торговых и политических сношениях России с государствами восточными, и отправленными путешествовать на Восток для узнания нравов, обычаев, законов и проч. народов там обитающих и России столь мало известных».⁶³

В проекте, направленном из Казани в Петербург, предлагалось в организуемом словесном факультете университета

⁶¹ Инструкция М.Л.Магницкого ректору Казанского университета // Журнал Департамента народного просвещения.—Ч. 21.—СПб., 1821.—С. 56—57.

⁶² НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5357. Л. 36 об.

⁶³ РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86. Л. 5 об.

образовать два разряда кафедр: в первом со «славянскими и прочими», а во втором с персидским, арабским, турецким, татарским, маньчжурским, монгольским и армянским языками. Однако в ноябре 1829 г. «Комитет устройства учебных заведений», рассмотрев эти предложения, «нашел необходимым, чтобы все наши университеты равны были по предметам преподавания и ни в одном из них не полагает иметь кафедры для языков восточных, а вместо сего положить учредить в С.-Петербурге особое отделение, обнимающее вполне все восточные языки...»⁶⁴

Программа формирования и развития университетского востоковедения в Казани была изложена попечителем учебного округа М.Н.Мусиным-Пушкиным 14 апреля 1833 г. в письме в Министерство народного просвещения. Он, оценивая состояние востоковедения в университете, писал, что студенты «многие изъявляют желание обучаться восточным языкам и многие из них с значительным успехом занимаются оными. Но трехлетнего академического курса при многообразности предметов в оный входящих недостаточно для усовершенствования в восточных языках. Сверх того, казенно-коштные студенты, занимавшиеся прилежно восточными языками, при окончании курса, определяются наравне с прочими в старшие учителя гимназии. И так все их труды, все их успехи, все их познания в языках восточных остаются совершенно бесполезными как собственно для них, так и для государства, и они, не имея в виду никакой цели побуждающей их к усовершенствованию и распространению сведений, оставляют наконец совершенно свои занятия».⁶⁵

По убеждению М.Н.Мусина-Пушкина, именно «Казань, соединяя Европейскую Россию с Азиатскою, служа складочным местом для товаров восточных, привлекая обширную торговлю своею азиатцев, заключая много татар, а в числе их довольно образованных, обучавшихся в Бухарии, — есть... то место, где весьма легко соединено быть может без больших издержек теоретическое и практическое изучение языков вос-

точных».⁶⁶ Как мы видим, попечителем была дана характеристика уровня и особенностей преподавания восточных языков в университете на начало 30-х гг. XIX в.

Для того, чтобы «студенты, посвятившие себя изучению языков восточных, могли делать желаемые успехи», он предложил: «1) Освободить их от изучения греческого языка. 2) Обучающихся монгольскому языку освободить от изучения арабского, персидского, татарского и турецкого, а обучающихся сим последним от изучения монгольского. 3) Оставить их по окончании 3-х летнего академического курса и испытания при университете еще на два года, в течение которых каждый из них, исключительно, должен заняться теоретическим и практическим изучением того языка, которому он себя посвящает. 4) По истечении дополнительных двух лет подвергать обучавшихся новому испытанию в том или в тех из восточных языков, которыми они особенно занимались. 5) Определять их на службу с правами, студентам присвоенными, по распоряжению министерств иностранных или внутренних дел в те места, где они познаниями своими в восточных языках полезны быть могут, с обязанностью прослужить в сих местах известное число лет».⁶⁷

11 мая 1833 г. министерство разрешило казенным студентам, изучающим восточные языки в университете, оставаться в его стенах еще на два года для усовершенствования познаний в восточных языках. Все остальные пункты не были разрешены до утверждения нового устава российских университетов.

Наиболее важными официальными мерами, которые сформировали систему казанского университетского востоковедения в конце 20-х — первой половине 40-х гг. XIX в., стали: приказ министра народного просвещения А.С.Шишкова от 31 октября 1826 г. о назначении А.К.Казем-Бека на должность лектора восточных языков; утверждение 11 мая 1833 г. С.С.Уваровым «Правил для обучающихся восточным языкам в Казанском университете» и введение дополнительного двухгодичного курса «теоретического и практического изучения» восточных языков; принятие «Общего устава императорских российских университетов» (26 июля 1835 г.), утвердившего в

⁶⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86. Л. 6—6 об.

⁶⁵ Там же. Л. 1—1 об.

⁶⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86. Л. 2.

⁶⁷ Там же. Л. 3—3 об.

программе философского факультета Казанского императорского университета предметы «восточной словесности»: арабский, персидский, турецко-татарский и монгольский языки. С 19 января 1837 г. указом Николая I увеличивается до 14 человек число казеннокоштных студентов «класса восточной словесности»; приказом попечителя Казанского учебного округа М.Н.Мусина-Пушкина (22 июня 1840 г.) утверждаются «Правила для выпускников Казанского университета, оставленных при университете для усовершенствования в восточных языках», включающие переводы, упражнения в разговорном языке, лекции, составление сочинений, преподавание азиатских языков в первой Казанской гимназии и др.; министром народного просвещения 26 марта 1843 г. утверждено «Распределение предметов по разряду восточной словесности в императорском Казанском университете» в шести разрядах — арабско-персидской, турецко-татарской, монгольской, китайской, санскритской, армянской словесности и т.д.⁶⁸

В 1835—1837 гг. согласно положениям «Общего устава императорских Российских университетов» основные курсы восточных языков: арабский, турецко-татарский, персидский и монгольский — были объединены в разряд восточной словесности философского факультета Казанского университета.⁶⁹

В ноябре 1836 г. попечитель учебного округа просил утвердить контингент студентов казенного содержания, обучающихся восточной словесности в университете в количестве двадцати, а именно: «1. Для арабского и персидского языков — 7; 2. Для арабского и турецко-татарского — 7; 3. Для монгольского и турецко-татарского — 6».⁷⁰ В официальных посланиях Министерства народного просвещения (30 декабря 1836 г.) и Комитета министров (19 января 1837 г.) было разрешено сверх определенного числа казенных студентов по восточной словесности зачислять еще 14 человек.⁷¹ Из этого ко-

личества 8 студентов-восточников определялись изучать арабский, персидский и турецко-татарский языки и 6 — монгольский и турецко-татарский языки.

Формирование семи специализированных восточных кафедр в университете, охватывающих крупнейшие ареалы Востока, стало значительным событием. Подобной широкой востоковедной специализации не было к середине XIX в. как в российских, так и европейских университетских центрах. История образования и деятельности востоковедных кафедр университета имеет особое значение. В архивных фондах С.-Петербурга и Казани сохранился огромный источниковый материал.⁷² К сожалению, в отечественной историографии

⁶⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 267. «Дело о составлении попечителем Казанского учебного округа проекта изменения в составе кафедр университета. 12 февр. 1827 — 30 августа 1833 г.» 18 лл.; РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 318. «Дела о командировании О.М.Ковалевского и студента А.В.Попова в Иркутск для изучения монгольского языка, об участии О.М.Ковалевского в русской духовной миссии в Пекине, о покупке им в Китае монгольских книг для ун-та, назначении О.М.Ковалевского и А.В.Попова адъюнктами Казанского университета и о введении преподавания в университете монгольского языка. 17.1.1826 — 23.3.1839 гг.» 225 лл.; РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 5. «Дела об учреждении в ун-те кафедры китайского языка, приобретении китайских книг и рукописей, назначении архимандрита Даниила проф. китайского яз., увольнении его и назначении на его место И.П.Войцеховского. 5 марта 1837 — 17 ноября 1844 г.» 70 лл.; РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 162. «Дело об учреждении кафедры армянского языка при ун-те, о рассмотрении ходатайств на занятие этой кафедры, в том числе Х.Абовяна, А.Авакова, Н.Бероева и о назначении С.И.Назарьянца адъюнктом Каз. ун-та для подготовки к занятиям кафедры армянского языка. 1.1.1839 — 23.3.1843 г.» 136 лл.; РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 289. «Дело об учреждении в КУ кафедры Санскритского яз. и о назначении воспитанника Дерптского профессорского института кандидата П.Я.Петрова адъюнктом по этой кафедре. 13 ноября 1841 — 12 сентября 1842 г.» 10 лл.; РГИА. Ф. 733. Оп. 43. Д. 78. «Дело об учреждении при Казанском университете кафедры калмыцкого языка и о присвоении проф. А.В.Попову звания ординарного профессора. 6 февраля 1843 — 15 сентября 1846 г.» 61 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3829. «Об учреждении при Казанском ун-те кафедры монгольского языка и об утверждении Ковалевского и Попова адъюнктами. 7 июня 1833 — 5 апреля 1839 г.» 65 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4306. «О назначении и замещении кафедр при образовании университетов по вновь установленному уставу. 6 августа 1835 г.» 429 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4599. «Об учреждении при Казанском университете кафедры китайского языка. 1 марта 1837 г.» 32 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5181. «О назначении кандидата Петрова преподавателем санскритского языка в Казанский университет. 8 сентября 1841 г.» 63 лл.; НА РТ. Ф. 92.

⁶⁸ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.—1917 г.).—СПб., 1994.—С. 216—228.

⁶⁹ Шофман А.С., Шамов Г.Ф. Восточный разряд Казанского университета (краткий очерк) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2.—М., 1956.—С. 423.

⁷⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 244. Л. 1.

⁷¹ Там же. Л. 8.

подробно изучены только некоторые из этих университетских востоковедческих кафедр.⁷³ Во многом в этой огромной лите-

Оп. 1. Д. 5256. «Об открытии при Казанском университете кафедры еврейского языка. 29 января 1842 г.» 12 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5451. «Об утверждении при Казанском университете кафедры маньчжурского языка. 28 марта 1843 г.» 2 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5529. «Об учреждении при Казанском университете кафедры индустанского языка. 15 января 1844 г.» 5 лл.

⁷³ *Бартольд В.В.* Работы по истории востоковедения // Сочинения: Т. 9.—М., 1977; *Веселовский Н.И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды третьего Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876.—СПб., 1879—1880.—Т. 1.—С. 97—256, 605—606; *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период).—М., 1973; *Загоскин Н.П.* История имп. Казанского университета. Т. I—IV.—Казань, 1902—1906; *Загоскин Н.П.* Материалы по истории кафедр и учреждений Казанского университета (1804—1826).—Казань, 1899; *Закиев М.З.* Влияние Казанского университета на развитие тюркологии в первой половине XIX века (до 1855 г.) // Вопросы татарского языкознания.—Казань, 1965.—С. 357—393; *Закиев М.З., Тумашева Д.Г.* Роль Казанского университета в развитии тюркологии // Проблемы тюркологии и истории русского востоковедения. Тезисы докладов и сообщений на межвузовской научной конференции, посвященной 40-летию ТАССР (6, 7, 8 июня 1960 года).—Казань, 1960.—С. 1—4; История отечественного востоковедения до середины XIX века.—М., 1990; *Ковалевский О.М.* Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете до настоящего времени.—Казань, 1842; *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Т. V. Очерки по истории русской арбистики.—М.-Л., 1958; *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.—1917 г.).—СПб., 1994; *Мазитова Н.А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. (Первая половина XIX в.).—Казань, 1972; *Михайлова С.М.* Казанский университет в духовной культуре народов Востока России (XIX век).—Казань, 1991; Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Казанском университете с 1842 по 1852 г.—Казань, 1853; *Рзаев А.К.* Мухаммед Али Мирза Казем-Бек.—М., 1989; *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения.—М., 1977; *Шамов Г.Ф.* Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая (первая половина XIX века). Дис. ... канд. ист. наук.—Казань, 1956; *Шамов Г.Ф.* Профессор О.М.Ковалевский: Очерк жизни и деятельности.—Казань, 1883; *Шастина Н.П.* Ученая корреспонденция монголоведа О.М.Ковалевского // Советское востоковедение.—1956.—№ 1; *Шастина Н.П.* Из переписки О.М.Ковалевского с бурятскими друзьями // Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. Труды. Вып. 16. Серия востоковедения. Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 2.—Улан-Удэ, 1965.—С. 210—221; *Шофман А.С., Шамов Г.Ф.* Восточный разряд Казанского университета // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2.—М., 1956.—С. 418—448.

ратуре не представлен разнообразный и комплексный архивный материал российских фондов, позволяющий обобщить историю востоковедческих кафедр Казанского университета XIX — первых двух десятилетий XIX вв. Судьба восточных кафедр университета и их учебно-педагогическая и научная роль была неоднозначной. В первой половине XIX в. ведущую роль играли кафедры, специализирующиеся по мусульманскому Востоку и Центральной Азии.

Основой разряда восточной словесности Казанского университета в 1828—1854 гг. стали арабо-персидская (1828), турецко-татарская (1828), монгольская (1833), китайская (1837), санскритская (1842), армянская (1842) и калмыцкая (1846) кафедры.

В 1828 г. на базе кафедры восточных языков были образованы первые две специализированные кафедры турецко-татарской словесности, возглавляемые до 1846 г. А.К.Казем-Бекком (1802—1870), а с 1846 г. экстраординарным и с 1854 г. ординарным профессором И.Н.Березиным и арабо-персидской словесности, руководимой до 1845 г. Ф.И.Эрдманом (1793—1863), в 1846—1849 гг. — А.К.Казем-Бекком, в 1849—1855 гг. — ординарным профессором И.Ф.Готвальдом.⁷⁴

25 июля 1833 г. в университете была учреждена первая в России и Европе кафедра монгольского языка. Ординарные профессора кафедры монгольского языка О.М.Ковалевский (1800—

⁷⁴ *Мазитова Н.А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (Первая половина XIX века).—Казань, 1972.—С. 21—149; НА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 36. «Формулярный список о службе исправляющего должность экстраординарного г. профессора Императорского Казанского университета по кафедре Турецко-Татарского языка коллежского асессора Березина. Составлен по 1-е декабря 1853 г.»; НА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 37. «Формулярный список о службе исправляющего должность ординарного профессора Императорского Казанского университета надворного советника Березина. Составлен 28 февраля 1855 г.»; НА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 43. «Формулярный список о службе ординарного профессора Императорского Казанского университета по кафедре Арабского и Персидского языка Готвальда. Составлен 1 сентября 1855 г.»; НА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 44. «Формулярный список о службе библиотекаря Императорского университета Носифа Федоровича Готвальда. Составлен 31 августа 1856 г.»

1878) и А.В.Попов (1808—1865) явились основоположниками университетского монголоведения в России и Европе.⁷⁵

11 мая 1837 г. также впервые в России была открыта кафедра китайского языка и словесности, в 1844 г. преобразованная в китайско-маньчжурскую кафедру. Первым профессором китайского языка в Казанском университете стал архимандрит Даниил (Д.П.Сивиллов (1798—1871), который преподавал в 1837—1844 гг. Преемником архимандрита Даниила в Казанском университете стал И.П.Войцеховский (1793—1850), заложивший основы научного маньчжуроведения в Казани в 1844—1850 гг. В 1851—1855 гг. кафедру возглавлял В.П.Васильев (1818—1900).⁷⁶

В Казанском университете в 1842 г. создаются две новые кафедры — армянского языка и санскрита. В 1842—1849 гг. кафедрой армянского языка руководил С.И.Назарьянц (1814—1879). В 1841—1851 гг. санскритский язык преподавал П.Я.Петров (1814—1875), возглавивший в 1842—1852 гг. кафедру санскритологии. Традиции санскритологии в Казани в 1852—1856 гг. были продолжены Ф.Ф.Боллензенем, получившим образование в Геттингенском университете. Библиотекарь гидрографического департамента Морского министерства

⁷⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 318. «Дела о командировании О.М.Ковалевского и студента А.В.Попова в Иркутск для изучения монгольского языка, об участии О.М.Ковалевского в русской духовной миссии в Пекине, о покупке им в Китае монгольских книг для ун-та, назначении О.М.Ковалевского и А.В.Попова адъюнктами Казанского университета и о введении преподавания в университете монгольского языка. 17.1.1826 — 23.3.1839 гг.» 225 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3829. «Об учреждении при Казанском ун-те кафедры монгольского языка и об утверждении Ковалевского и Попова адъюнктами. 7 июня 1833 — 5 апреля 1839 г.» 65 лл.; Шамов Г.Ф. Профессор О.М.Ковалевский: Очерк жизни и деятельности. — Казань, 1983.

⁷⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 5. «Дела об учреждении в ун-те кафедры китайского языка, приобретении китайских книг и рукописей, назначении архимандрита Даниила проф. китайского яз., увольнении его и назначении на его место И.П.Войцеховского. 5 марта 1837 — 17 ноября 1844 г.» 70 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4599. «Об учреждении при Казанском университете кафедры китайского языка. 1 марта 1837 г.» 32 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5451. «Об утверждении при Казанском университете кафедры маньчжурского языка. 28 марта 1843 г.» 2 лл.; Шамов Г.Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая (первая половина XIX века). Дис. ...канд. ист. наук. — Казань, 1956.

Ф.Ф.Боллензен 6 февраля 1852 г. был определен ординарным профессором кафедры санскритского языка университета.⁷⁷

В 1846 г. в университете открылась кафедра калмыцкого языка, возглавляемая монголоведом и калмыковедом А.В.Поповым.⁷⁸ К сожалению, эта кафедра не получила в дальнейшем организационного и научно-методического развития. В 40-х гг. XIX в. планировалось открытие трех новых восточных кафедр — индустанского, тибетского и еврейского языков.⁷⁹

В первой половине XIX в. в Казани традиции семитологии и гебраистики были тесно связаны с Казанской духовной академией. В университетском востоковедении учебное и научное изучение еврейского языка и письменности не получило логического оформления и развития. Попытки ввести в 1843 г. преподавание еврейского языка и создать кафедру еврейского языка в Казанском университете означали тенденцию вывести общесемитологические и гебраистические исследования за рамки официальной православной церкви и богословия. Это научно-организационная тенденция получила развитие на восточном факультете Петербургского университета во второй половине XIX — начале XX вв.

⁷⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 162. «Дело об учреждении кафедры армянского языка при ун-те, о рассмотрении ходатайств на занятие этой кафедры, в том числе Х.Абовяна, А.Авакова, Н.Бероева и о назначении С.И.Назарьянца адъюнктом Каз.ун-та для подготовки к занятиям кафедры армянского языка. 1.1.1839 — 23.3.1843 г.» 136 лл.; РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 289. «Дело об учреждении в КУ кафедры Санскритского яз. и о назначении воспитанника Дерптского профессорского института кандидата П.Я.Петрова адъюнктом по этой кафедре. 13 ноября 1841 — 12 сентября 1842 г.» 10 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5181. «О назначении кандидата Петрова преподавателем санскритского языка в Казанский университет. 8 сентября 1841 г.» 63 лл.

⁷⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 43. Д. 78. «Дело об учреждении при Казанском университете кафедры калмыцкого языка и о присвоении проф. А.В.Попову звания ординарного профессора. 6 февраля 1843 — 15 сентября 1846 гг.» 61 лл.; Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.—1917 г.). — СПб., 1994. — С. 221.

⁷⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5529. «Об учреждении при Казанском университете кафедры индустанского языка. 15 января 1844 г.» 5 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5256. «Об открытии при Казанском университете кафедры еврейского языка. 29 января 1843 г.» 12 лл.

Ректор Н.И.Лобачевский от имени совета Казанского университета 28 января 1843 г. писал в представлении к попечителю Казанского учебного округа: «Известно, что языки арабский, древний персидский и армянский принадлежат к корню так называемых семитических языков, т.е. еврейского, халдейского и арамейского. Все эти отрасли основательно могут быть изучаемы только в теснейшей связи, существующей между ними. По сей причине знание еврейского языка, как одного из главных корней семитических языков, необходимо. Молодые ориенталисты по окончании курса отправляются и в такие азиатские края, в которых они с помощью этого языка могут сделать новые открытия на сохранившихся там памятниках. Таковые страны...: Палестина, Сирия, Египет».⁸⁰ Совет университета планировал открыть кафедру еврейского языка и преподавание еврейского языка ввести для студентов разрядов — арабско-персидской и армянской словесности.

Адъюнктом русской словесности В.Сбоевым был составлен «План преподавания еврейского языка в императорском Казанском университете».⁸¹ В нем он писал: «Несправедливо...считали и считают у нас этот язык исключительно принадлежностью духовной школы. И вне пределов богословской герменевтики он имеет высокое значение как для филолога вообще, так для ориенталиста в особенности».⁸² Однако попечитель Казанского учебного округа в своем ответе 21 июня 1844 г. отмечал, что «введение этого языка, я ныне не нахожу нужным».

Наравне с основными профессорами разряда восточной словесности вели занятия лектора, адъюнкты и преподаватели восточных языков — А.Мир-Моминов (персидский язык, 1839—1845), А.Сосницкий (китайский язык, 1840—1843 гг.), С.Рушко (китайский язык, с 1843 г.), И.Жуков (арабский язык, 1843—1847 гг.) М.-Г.Махмудов (восточная каллиграфия, 1843—1855 гг.), Абдуссатар Казем-Бек (турецко-татарский язык, лектор этого языка с 1 августа 1845 г., в 1849—1855 г. преподавал

персидский язык и словесность), И.Иванов (персидский язык, 1845—1850 гг.), М.Навроцкий (арабский язык, с 1846 г.), Н.Сонин (персидский язык, с 1846 г.), И.Холмогоров (арабский и персидский языки, 1849—1852 гг.) и Г.Гладышев (армянский язык, 1843—1853 гг.), И.Абдекаримов (китайский язык, 1853—1855).⁸³

Лектора и преподаватели восточных языков в Первой Казанской гимназии и разряде восточной словесности университета назначались по рекомендации профессоров азиатских кафедр.

В 1836—1838 гг. директор Астраханского училища А.Рыбушкин предложил лекторами персидского языка Мирзу Амина Джаферова и Мир Маамеда Али Сеид Алиева.⁸⁴ В 1838 г. Мирза Казем-Бек предложил на должность лектора персидского языка мазендаранского персианина Мир Абуталиба Мир Моминова. Казем-Бек в своем представлении обращал внимание на то, что А.Мир-Моминов «принадлежит к числу персиан, известных в своих отличных сведениях в отечественном своем языке. Он провел большую часть своей жизни в образовании молодых людей азиатских и европейских, которые в не продолжительное время оказывали весьма удовлетворительные успехи в своих предприятиях, руководимых прекрасною методою преподавателя. Сверх этого, Аджи Мир Абуталиб обладает отличным пером в персидском языке, в совершенстве знает каллиграфическое искусство и говорит чистым, красноречивым персидским языком».⁸⁵

В 1854 г. исправляющий должность экстраординарного профессора В.П.Васильев, рекомендуя И.Абдекаримова, писал: «Практическое преподавание китайского языка безвозмездно, предпринятое в университете с прошлого года надзирателем Первой Казанской гимназии Абдулькэримовым, не

⁸⁰ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5256. Л. 1.

⁸¹ Там же. Л. 6—11.

⁸² Там же. Л. 6. 19

⁸³ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.—1917 г.).—СПб., 1994.—С. 216—222; Фойгт К.К. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год.—Казань, 1852.—С. 7; Дульский П. Казанский каллиграф Али Махмудов // Вестник научного общества татароведения.—1930.—№ 9—10.—С. 172—177.

⁸⁴ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4630. Л. 1—10.

⁸⁵ Там же. Л. 19—19 об.

сомненно по своей пользе; при том же так как в нынешнем году поступили из Первой Казанской гимназии в студенты китайско-маньчжурского разряда молодые люди, учившиеся разговорному китайскому языку, то было бы очень жаль; если бы они не могли более усовершенствоваться и забыли уже приобретенное, — вообще случай приобрести практические познания в китайском языке от природного китайца есть едва ли не единственный в Европе».⁸⁶

В июне 1840 г. попечитель Казанского учебного округа М.Н.Мусин-Пушкин утвердил «Правила для действительных студентов и кандидатов, занимающихся восточными языками». Действительные студенты и кандидаты, «оставленные при университете для усовершенствования себя в восточных языках», обязывались: посещать лекции профессоров и адъюнктов восточного разряда; упражняться в разговорном языке; ежемесячно представлять сочинения, состоящие из извлечений «важнейших произведений восточной литературы», из «изъяснений труднейших писателей, рассматривая их в историческом, географическом, литературном и критико-филологическом отношении», переводов «лучших мест из восточных авторов» на русский язык и «в упражнениях переводами с русского на языки восточные»; заниматься преподаванием восточных языков в Первой Казанской гимназии и т.д.⁸⁷

В 1842 г. система университетского преподавания восточных языков в Казани состояла из шести разрядов: арабско-персидской, турецко-татарской, монгольской, китайской, санскритской и армянской словесности. В разрядах наряду с основными азиатскими языками были определены вспомогательные восточные и европейские языки.

В разряде арабско-персидской словесности изучались по выбору студента турецкий, французский, немецкий, английский языки.

В разряде турецко-татарской словесности из восточных языков преподавался арабский язык, а из европейских — английский, французский и немецкий языки по выбору. Для раз-

ряда монгольской словесности вводился татарский язык и санскритский язык по выбору студента, из европейских — немецкий и французский языки.

Студенты разряда китайской словесности изучали из восточных языков монгольский, а из европейских — латинский, французский и английский языки. В разряде санскритской словесности вспомогательными стали монгольский, французский, английский и немецкий языки также по выбору студентов. Воспитанники разряда армянской словесности должны были по программе изучать по выбору персидский и татарский языки, а также латинский, греческий и немецкий языки.⁸⁸

В соответствующих разрядах восточной словесности для студентов I—IV курсов читали «главные предметы», связанные с историей и литературой народов Востока. Это: «Политическая история персидского государства» (I курс), «История арабской словесности» (II курс), «История древних турецко-татарских народных племен» (II курс), «История монголов» (II курс), «Политическая история китайского государства» (II курс), «История персидской словесности» (III курс), «Политическая история османского государства» (II курс), «История китайского государства» (III курс), «История индийских древностей» (III курс), «История армянского народа» (III курс), «Азиатская нумизматика» (IV курс разряда арабско-персидской словесности), «История османской словесности» (IV курс), «История монгольской словесности» (IV курс), «История китайской словесности» (IV курс), «История санскритской литературы» (IV курс) и «История армянской словесности» (IV курс).

В числе вспомогательных («побочных») курсов для студентов-восточников Казанского университета особо выделим следующие: «Древняя история» (I курс всех шести разрядов), «История общей литературы» (I—IV курсы всех шести разрядов восточной словесности), «Средняя и новая история» (II курс всех разрядов), «Российская история» (III курс всех разрядов), «История философских систем» (IV курс всех разрядов) и др.⁸⁹

⁸⁶ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 726. Л. 84.

⁸⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 357. Л. 2—2 об.

⁸⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5272. Л. 1—4 об.

⁸⁹ Там же. Л. 1 об.

Университетское востоковедение в Казани в 20—40-х гг. XIX в. органично включало организацию научных путешествий в страны мусульманского Востока и Центральной Азии. Наряду с практическими занятиями воспитанников с носителями живых азиатских языков, непосредственное знакомство с историей, языками, культурой, бытом и нравами во время научных командировок и путешествий стали отличительной чертой казанской школы востоковедов XIX — начала XX вв. В архивных фондах гг. Казани, С.-Петербурга и в отечественной историографии представлен огромный материал, посвященный научным путешествиям воспитанников разряда восточной словесности Казанского университета — О.Ковалевского и А.Попова в Центральную Азию (1828—1833 гг.), В.Васильева в Китай (1840—1850 гг.) и И.Березина и В.Диттеля на Ближний Восток (1842—1845 гг.).⁹⁰ Традиция

⁹⁰ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. «Об отправлении двух студентов Казанского университета в Иркутск для обучения монгольскому языку.» 741 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. «Об отправлении студентов Казанского университета Васильева, Навроцкого и Рушко в Пекин для изучения китайского, монгольского и маньчжурского языков. 14 марта 1838 г.» 453 лл.; Там же. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. «Документы о научном путешествии в Иркутск и Монголию кандидата О.Ковалевского и студента Попова. Т.1. 23 апреля 1828 — 15 мая 1832 г.» 168 лл.; Там же. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. «То же. Т. 2. 27 апреля 1828 — 2 июля 1834 г.» 114 лл.; Там же. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. «О командировании и пребывании магистра Васильева В.П. в Китае с Пекинской духовной миссией.» 115 лл.; Там же. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2450. «Об ученом путешествии магистров Березина И.Н., Диттеля В.Ф. по Европейской Турции, Малой Азии, Персии, Сирии и Египту. (1841 г.)» 128 лл.; Там же. Ф. 977. Оп. Ректор. Д. 654. «О путешествиях магистров Диттеля и Березина. 21 мая 1845 г.» 12 лл.; Там же. Ф. 977. Оп. Ректор. Д. 837. «О годичном путешествии по Восточным странам магистров Каз. ун-та Диттеля с целью приобретения для музеев университета восточных манускриптов и монет. 25 января 1847 г.» 66 лл.; РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 90. «Дела о назначении ст-ов ун-та В.П.Васильева, Н.Навроцкого и С.М.Рушко в Пекинскую дух. миссию для изучения языков тибетского, санскритского, монгольского, маньчжурского и китайского. Краткий отчет о занятиях в Пекине магистра ун-та В.П.Васильева, лл. 205—256. 17 марта 1838 — 5 декабря 1852 г.» 327 лл.; Там же. Ф. 733. Оп. 42. Д. 306. «Дело о командировании магистров ун-та В.Диттеля и И.Н.Березина в научную экспедицию в Турцию, Малую Азию, Персию, Сирию и Египет. При деле находится «План ученого путешествия» магистров Каз. ун-та В.Диттеля и И.Березина на Восток, составленный в 1841 г. А.К.Казем-Беком. Годичный отчет путешествующего по Востоку магистра И.Н.Березина. 30 мая 1841 — 24 декабря 1847 г.» 446 лл.; *Мазитова Н.А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. (Первая половина XIX в.).—Казань, 1972.—С. 71—96; *Шамов Г.Ф.* Профессор О.М.Ковалевский: Очерк жизни и деятельности.—Казань, 1983.—С. 19—68.

научных путешествий в зарубежные страны Востока сохранялась и развивалась в казанском востоковедении во второй половине XIX — начале XX вв.

В 1842 — 1852 гг. общее число студентов разряда восточной словесности составляло 348 человек, а закончили полный курс всего 75 студентов.⁹¹

Период 1846—1855 гг. представляется значимым и трагичным в развитии восточного разряда университета. В 1851 г. историк казанского университетского востоковедения К.К.Фойгт писал: «...будущность молодых ориенталистов Казанского университета представляет отрадную картину. Надобно надеяться, что, при избранных и избираемых мерах, число их будет постепенно увеличиваться и с избытком вознаградит как попечения наставников, так и щедрые пожертвования, которые правительство ежегодно изливает на разряд восточной словесности».⁹²

Однако уже в 1852 г. были подготовлены предложения об объединении арабско-персидского и арабско-турецкого разрядов историко-филологического факультета Казанского университета.⁹³ Более того, профессора разряда восточной словесности Казанского университета — А.К.Казем-Бек (с 1849 г.), С.И.Назарьянц (с 1849 г.) и П.Я.Петров (с 1852 г.) были переведены в Санкт-Петербургский университет, Лазаревский институт восточных языков и Московский университет.⁹⁴

В 1851—1854 гг. указы Николая I «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете и о создании в Петербурге Азиатского института» (ноябрь, 1851 г.) и «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете» (октябрь, 1854 г.) предопределили новую правительственную политику по созданию ведущего востоковедного центра в России во

⁹¹ *Фойгт К.К.* Обзор хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете, за десятилетие с 1842 по 1852 год.—Казань, 1852.—С. 33.

⁹² Там же.—С. 33.

⁹³ Там же.—С. 33.

⁹⁴ *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.—1917 г.).—СПб., 1994.—С. 222.

второй половине XIX — начале XX вв.⁹⁵ «Эта реорганизация привела к тому, что в огромной стране, значительную часть населения которой составляли народы Востока, в системе МНП фактически осталось только одно высшее учебное заведение, где изучались восточные языки».⁹⁶

В 1855 г. в Казанском университете было прекращено преподавание восточных языков, профессора и преподаватели В.П.Васильев, И.Н.Березин, Н.Сонин, М.Т.Навроцкий и студенты восточного отделения Казанского университета были переведены на факультет восточных языков Петербургского университета. В этом же году были переданы основные восточные фонды библиотеки и нумизматического кабинета Казанского университета.

⁹⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. В 17-ти т.—СПб., 1864—1904.—Т. 2.—С. 1110—1112; ПСЗ-II.—Т. 29.—Отд. I.—С. 875—876.

⁹⁶ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года.—М., 1997.—С. 7.

ГЛАВА III

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ МУСУЛЬМАНСКОГО ВОСТОКА, МОНГОЛИИ, КИТАЯ И ЮЖНОЙ АЗИИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

В первой половине — середине XIX в. разряд восточной словесности Казанского университета становится учебным и научным центром изучения истории и культуры народов мусульманского Востока. Этот период связан с истоками и развитием научных дисциплин — тюркологии, иранистики, арабистики, исламоведения. Страны зарубежного мусульманского мира — Османская империя, Персия, Арабский Восток и регионы традиционного распространения ислама Российской империи (Поволжье и Приуралье, Кавказ и Средняя Азия, Крым) стали объектом исследования в трудах и статьях казанских университетских востоковедов: Х.Д.Френа, И.Хальфина, Ф.И.Эрдмана, А.К.Казем-Бека, С.И.Назарьянца, И.Н.Березина, В.Ф.Диттеля, И.Ф.Готвальда и др. Преподавание и изучение мусульманских языков было неотделимо от научно-исследовательского изучения жизни, истории и культуры народов мусульманского и христианского Востока. Их трудами были сформированы определенные научные традиции, которые развивались в российских востоковедных центрах России во второй половине XIX в.

Исследование истории и культуры народов мусульманского мира было сконцентрировано по следующим основным направлениям: подготовке и изданию учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий, словарей; комплектации фонда восточных рукописей и книг; сбору, изучению и публикации письменных и материальных восточных памятников и источников; переводов восточных авторов; осуществлении

научных путешествий на мусульманский Восток; оригинальных филологических, исторических, культурологических, естественно-географических, археологических и этнографических публикаций и т.д.⁹⁷ Эти научные направления были представлены в учебной и исследовательской деятельности кафедр разряда восточной словесности — арабско-персидского, турецко-татарского, армянского языков. Научно-исследовательская и педагогическая деятельность представителей казанского университетского востоковедения отличалась многообразием, тесной связью с рядом близких дисциплин и востоковедами других центров научной ориенталистики. Большинство преподавателей и ученых-востоковедов университета до середины XIX в. были питомцами разряда восточной словесности. Труды первых поколений университетских востоковедов в Казани сформировалась солидная база научного востоковедения в России.

В 20—50-х гг. XIX в. профессора кафедр мусульманских языков подготовили и выпустили серию учебно-методических программ и пособий, учебников, хрестоматий и словарей.⁹⁸ Учебные пособия были востребованы практикой преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков. В 1835—1836 академическом году профессор Франц Эрдман один раз в неделю толковал «своим слушателям избранные отрывки из Ибн-Арабшага и третью беседу Гаририя»; объяснял «избранные места из персидского биографа Давлетшага и стихотворца Гафиза»; руководствовал «своих слушателей в

⁹⁷ История отечественного востоковедения до середины XIX века.—М., 1990.—С. 137.

⁹⁸ Березин И.Н. Дополнение к тюркской грамматике.—СПб., 1846; Березин И.Н. Грамматика персидского языка, составленная И.Березиным, проф. Казанского ун-та.—Казань, 1853; Его же. Турецкая хрестоматия.—Т. 1.—Казань, 1857; Т. 2. Вып. 1.—Казань, 1862; Т. 3.—Казань, 1876; Т. 2. Вып. 2.—СПб., 1890; Казем-Бек А.К. Грамматика турецко-татарского языка.—Казань, 1839; Казем-Бек А.К. Общая грамматика турецко-татарского языка.—Казань, 1846; Махмудов М. Практическое руководство к изучению татарского языка, составленное старшим учителем 1-й Казанской гимназии Махмудовым.—Казань, 1857; Хальфин Ибрагим. Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в Императорской Казанской гимназии.—Казань, 1809 и др.

переводах с русского на арабский и персидский языки»; два раза в неделю проходил «вторую часть истории арабской словесности и первую часть истории персидского государства».⁹⁹

В этом учебном году адъюнкт восточной словесности Александр Казем-Бек преподавал по одному разу в неделю: «1) арабскую грамматику по Ричардсону с прибавлением своих примечаний, 2) персидскую грамматику по Дононесу также с присовокуплением нужных примечаний по своим запискам, 3) татарскую хрестоматию по Хальфину и своим тетрадям». Кроме того, занимался со студентами чтением печатных книг и рукописей, объяснял синтаксические правила и общие свойства мусульманских языков и переводил «постепенно трудные места из хрестоматий Болдырева, Барона Сильвестра де Саси, из истории Абулгази-Багадур-хана..., иногда из рукописи Раулет-уссефа сочинения Мирхонда».¹⁰⁰

Одна из первых учебных программ преподавания арабского языка в Казанском университете была составлена в октябре 1807 г. профессором кафедры восточных языков Х.Д.Френном.¹⁰¹

В 1829—1834 гг. отделение словесных наук, Совет Казанского университета и академики — востоковеды Х.Д.Френ и Я.И.Шмидт обсуждали предложение Ф.Эрдмана «о составлении словаря татарского языка».¹⁰² Ф.Эрдманом было предложено отправить специалиста, знающего восточные языки, в Казанскую, Астраханскую, Оренбургскую и Тобольскую губернии для сбора лингвистического материала. Собранный материал должен был лечь в основу «полной грамматики» и словаря, «который бы обнимал весь татарский диалект во всех его различных отраслях и к подробному и верному изложению истории татарской литературы».¹⁰³ В дальнейшем Ф.Эрдман считал, что это исследование позволит «сравнить с точностью татарский диалект с турецким» и в целом откроет

⁹⁹ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4336. Л. 9.

¹⁰⁰ Там же. Л. 10 об.

¹⁰¹ Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (Первая половина XIX века).—Казань, 1972.—С. 23.

¹⁰² НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3110. Л. 1—20.

¹⁰³ Там же. Л. 2.

новую эпоху в тюркологии и «в ученых занятиях Казанского университета».

Сохранившиеся архивные материалы и ряд публикаций отечественных историков освещают интересную полемику, которая шла между российскими востоковедами Ф.И.Эрдманом, Х.Д.Френем и Я.И.Шмидтом в 1830—1834 гг. о принципах и практике составления татарского словаря.¹⁰⁴ Ее содержание составляет незабываемую страницу истории университетского и академического востоковедения в России.

В истории отечественной тюркологии, иранистики и арабистики программы, учебники и хрестоматии И.Хальфина, А.К.Казем-Бека и И.Н.Березина сыграли созидательную роль. В подготовке учебных изданий принимали участие наиболее способные студенты, прикрепленные к кафедрам арабско-персидской и турецко-татарской словесности.

В 1838 г. старшим учителем Первой Казанской гимназии М.Б.Первухиным была составлена «Грамматика и синтаксис арабского языка». Профессор А.Казем-Бек, рассмотрев учебное пособие, писал: «господин Первухин составил их из обширного труда барона Сильвестра де Саси, цель которого была не столько гимназическое преподавание, сколько ученый и философический взгляд на богатый и плодovitый язык арабский. Чтобы сделать грамматику и синтаксис, составленные учителем Первухиным, полезными и удобными для гимназического преподавания, необходимо сократить это обширное сочинение и выкинуть из него те места, которые не столь полезны для воспитанников, сколько утомительны и излишни».¹⁰⁵

В октябре 1835 г. профессор Александр Казем-Бек изложил план составления «полного учебного пособия, необходимого для успешного хода учения турецкого языка в ...университете и гимназии».¹⁰⁶ Он планировал составить в течение

¹⁰⁴ Там же. Л. 12—20; Рахим А. Проект составления толкового словаря татарского языка 100 лет тому назад // Вестник научного общества татароведения.—1930.—№ 9—10.—С. 88—104; Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. (Первая половина XIX в.).—Казань, 1972.

¹⁰⁵ НА РГ. Ф.92. Оп.1. Д. 4833. Л. 2.

¹⁰⁶ Там же. Л. 2 об.

4 лет грамматику, хрестоматию и словарь турецкого языка. Первый учебник должен был состоять из правил турецкой грамматики. Мирза Казем-Бек предполагал обратить особое внимание «на отклонение от сих правил, существующие в других главнейших наречиях тюркских, изъясняя по возможности причины такого изменения».¹⁰⁷

Хрестоматия, состоящая из 3-х отделений, должна была включить «легкие места турецких авторов (1-ое отделение), «трудные места сочинений Катиба-Челебия Сали-афанди, Ниамы, Гезир... и других (2-ое отделение) и «статьи из самых труднейших прозаических сочинений, с прибавлением к ним постепенно трудных образцов из стихотворений известных поэтов» (3-е отделение).¹⁰⁸ По заключению адъюнкта Казем-Бека, словарь составлялся для хрестоматии «с подробным изъяснением всех слов арабских, персидских и турецких, встречаемых во всех отделениях хрестоматии».¹⁰⁹

План предполагаемых учебных пособий был рассмотрен по поручению конференции Академии наук Х.Френем, признавшим «всю важность, пользу и необходимость вышесказанного предприятия не только для Казанского университета, но и для всех прочих учебных заведений России, где преподается турецкий язык...»¹¹⁰

В феврале-мае 1837 г. Мирза Александр Казем-Бек был командирован в г. Санкт-Петербург, где работал в фондах тюркских рукописей императорской публичной библиотеки, библиотеке императорской академии и Румянцовского музея. Позднее ряд тюркских рукописей — «Китаби Сеид Бетал», «Диванчеи Неваи», «Фюзули», «Габус-намэ» и другие из императорской академии наук и Румянцовского музея были отправлены в Казань для работы Казем-Бека над турецкой хрестоматией.¹¹¹

В 1840—1842 гг. Казем-Бек закончил работу над первой частью турецко-татарской хрестоматии. Выпуск этой хресто-

¹⁰⁷ НА РГ. Ф.92. Оп.1. Д. 4833. Л. 3.

¹⁰⁸ Там же. Л. 3—3 об.

¹⁰⁹ Там же. Л. 4.

¹¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹¹ Там же. Л. 44—44 об.

матии задержался в связи с подготовкой второго издания «Грамматики турецко-татарского языка» и работой над «Конкордансом Корана» и «Дербент-наме».

Из планируемых учебных изданий Мирза Казем-Бек в Казани опубликовал известную в истории тюркологии «Грамматику турецко-татарского языка». Первый вариант текста грамматики Мирзы А.Казем-Бека с его примечаниями и дополнениями основывался на известной «Грамматике турецко-татарского языка» Жобера, переведенной Ильей Березиным.¹¹² Преподаватель арабского языка в Петербургском университете О.И.Сенковский (1800—1858) в апреле 1837 г. написал рецензию на этот текст. Он писал: «Отдавая полную справедливость труду г. профессора Мирзы Казембека, который обогатил этот перевод отличными примечаниями о духе турецкого и татарского языков и об их грамматических свойствах, и во многом исправил или переделал самый текст сочинения Г.Жобера...»¹¹³ О.И.Сенковским были высказаны ряд замечаний «для улучшения турецко-татарской грамматики»: о возможности А.Казем-Бека написать «грамматику гораздо лучше Жоберовой»; в основу грамматики взять «оттоманское и стамбульское общеупотребительное произношение, показывая под данную фразу, каким образом ее должно читать по училищному оттоманскому произношению и как станет произносить ее казанский, дербенский или азербайджанский татарин, киргиз, башкир, узбек...; обратить особое внимание на разговорный и ученый (книжный) язык и др.»¹¹⁴

По свидетельству современного историка А.К.Рзаева, на «Грамматике турецко-татарского языка» (1839 г. и 1846 г.) М.Казем-Бека «была воспитана блестящая плеяда не только русских, но и западноевропейских востоковедов и преподавателей восточных языков».¹¹⁵ Подобные учебные пособия, посвященные другим восточным языкам, публиковались и позднее. В 1841 г. магистр университета Илья Березин составил

¹¹² НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4833. Л.42—42 об.

¹¹³ Там же. Л. 36.

¹¹⁴ Там же. Л. 38—38 об.

¹¹⁵ Рзаев А.К. Мухаммед Али М.Казем-Бек.—М., 1989.—С. 12.

«Грамматику персидского языка», которая рассматривалась профессором Казем-Бекем и была напечатана только в 1853 г.¹¹⁶ Высокие научные оценки значения учебно-методических изданий казанских университетских востоковедов, посвященных мусульманским языкам, даны в отечественной историографии истории ориенталистики в России.

Профессора разряда восточной словесности университета рецензировали учебники и пособия, связанные с мусульманскими языками и издаваемыми в России и Европе. В сентябре 1842 г. профессором А.Казем-Бекем была рассмотрена «Краткая грамматика персидского языка» (напечатана в 1841 г.), составленная Аббас Кули-ага Бакихановым. Мирзой Казем-Бекем была дана строго научная рецензия русской версии грамматики персидского языка.

В 1846 г. профессор Мирза А.Казем-Бек по прошению совета Санкт-Петербургского университета рассмотрел «Хрестоматию и словарь татарского языка» Л.З.Будагова (1812—1878), выпускника разряда восточной словесности 1840 г.¹¹⁷ Мирза Александр Казем-Бек хрестоматию и словарь Л.Будагова считал «вполне достойными для издания» и высказал ряд замечаний, относящихся «к общей системе расположения статей хрестоматии», а также изменений «в переводе статей Саади» и т.д.¹¹⁸

В классическом университетском востоковедении в г. Казани наибольшее развитие получила научная традиция поиска, сбора и в дальнейшем текстологического изучения восточных рукописей и текстов. Профессора и преподаватели разряда восточных языков университета активно комплектовали библиотеку университета мусульманскими рукописями, оте-

¹¹⁶ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5213. Л. 1; Березин И.И. Грамматика персидского языка, составленная И.Березиным, проф. Казанского ун-та.—Казань, 1853.

¹¹⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 491. Л. 1—4. Преподаватель факультета восточных языков Петербургского университета Л.Будагов (1844—1870) стал автором «Турецко-татарского букваря» (1844 г.), «Практического руководства турецко-татарского азербиджанского наречия» (1857 г.), «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий» (1869 г. и 1871 г.).

¹¹⁸ Там же. Л. 2.

чественной и западноевропейской литературой по востоковедению.¹¹⁹

В 1811 г. Х.Д.Френ в газете «Казанские известия» обращается с объявлением о покупке рукописей на арабском языке и древних восточных монет.¹²⁰ В 1807—1818 гг. университетской библиотекой было приобретено более 70 книг и рукописей на арабском, сирийском, еврейском, персидском, турецком и татарском языках.¹²¹

В 1822 г. по поручению Совета университета Ф.Эрдман и К.Фукс готовят свои предложения для инструкции путеше-

¹¹⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1901. «О выписке рукописей для восточной словесности. 11 июля 1825 г.» 9 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2301. «О подписке на издание трех сочинений о вере и истории буддистов в Цейлоне. 25 октября 1827 г.» 4 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2319. «О приобретении книг по части Восточной словесности для библиотеки Казанского университета. 20 октября 1827 г.» 3 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2696. «О покупке для Казанского университета восточных книг. 7 февраля 1828 г.» 70 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2711. «О дозволении подписаться на получение издаваемых Лондонским азиатским обществом книг Восточной словесности. 30 марта 1828 г.» 21 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4527. «О приобретении через посредство муллы Бердиева разных восточных книг. 7 января 1836 г.» 52 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4719. «О мерах к приобретению для Казанского университета рукописей на Восточных языках. 27 апреля 1837 г.» 1 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5472. «О печатных сочинениях по восточной словесности, имеющихся в библиотеке Казанского университета. 18 октября 1843 г.» 25 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5871. «О доставлении экстраординарному профессору турецкой рукописи «Болгарские повествования». 25 апреля 1846 г.» 10 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6157. «О покупке восточных книг и рукописей для главной библиотеки Казанского университета от 14 февраля 1848 г. 1848 г.» 73 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6747. «О составлении каталогов сочинениям университетской библиотеки на восточно-азиатских языках от 11 ноября 1851 г.» 3 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7997. «О недоставлении в С.-Петербургский университет и 1-й гимназии книг и рукописях по восточным языкам от 16 августа 1861 г.» 15 лл. и др.

¹²⁰ Казанские известия.—1811.—№ 32.—С. 7.; Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века).—Казань, 1972.—С. 29.

¹²¹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 197. «Отчет об императорском Казанском университете за 1807 г.» 5 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 250. «Отчет по Казанскому университету и гимназии за 1808 г.» 10 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 765. «Отчет по учебной части Казанского университета за 1817 г. 28 января 1818 — 15 февраля 1818 гг.» 28 лл.; Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века).—Казань, 1972.—С. 54.

ственников по России и Армении, которые должны заниматься собиранием «отечественных и татарских древностей в памятниках, рукописях, медалях, преданиях».¹²²

Вторая половина 20-х — первая половина 50-х гг. XIX в. ознаменована значительными приобретениями, каталогизацией и изучением письменных памятников мусульманских народов зарубежного Востока и России. Востоковедные книги, журналы и восточные рукописи по истории и культуре мусульманских народов поступали из Европы (Англия, Ирландия, Дания, Германия), Азии (Персия, Индия, арабские страны и Османская империя) и азиатских регионов Российской империи (Средняя Азия, Астрахань, Кавказ и Крым).

В 1835—1836 гг. по инициативе старшего учителя Астраханской гимназии Сергея Матвеева при посредничестве персидского поданного Маулям Бердиева в Казанский университет был отправлен ряд мусульманских рукописей и сочинений.¹²³ Учитель гимназии С.Матвеев 24 декабря 1835 г. писал в письме попечителю: «Астрахань относительно литературы восточной есть для университета Казанского то место, на которое должно быть обращено его преимущественное внимание... В ней можно получить все, что есть в Персии и Бухаре...» Отмечая о своем знакомстве с Муалемом Бердиевым, — «человеком прекрасных дарований, отлично-ученым, знаемым и уважаемым азиатцами и приезжими и постоянно живущими в Астрахани, — С.Матвеев обращал внимание М.Н.Мушина-Пушкина: «Я говорил ему, что университет казанский имеет нужду в разных восточных сочинениях; убедил его недавно, чтобы он взял на себя доставлять университету такие сочинения если найдутся или у него самого или в городе или от учеников его живущих в Бухаре, имеющих с ним переписку.»¹²⁴ В дальнейшем М.Бердиев принес в дар университету «Толкования на Гюлистан Саадия, сочиненная Сарвари» и

¹²² В фонде университета (НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 61. Л. 2—3) сохранился латинский текст инструкции путешественникам по отечественным и татарским древностям «в памятниках, рукописях, медалях и преданиях» Ф.Эрдмана.

¹²³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4527. Л. 1—42.

¹²⁴ Там же. Л. 1.

содействовал приобретению университетской библиотекой рукописей «Кюллияти-Амир-Хюсреви-Дехлеви», «Нигаристан» и «Тарихи Надири», которые получили высокую оценку профессора Мирзы Александра Казем-Бека.¹²⁵ В 1836 г. М.Бердиев по рекомендации Казем-Бека был приглашен лектором татарского языка в Казанский университет и приступил к подготовке работы «О татарской словесности».¹²⁶

Профессор университета Мирза Александр Казем-Бек в 1837 г. писал: «Беспрестанные сношения магометанских жителей Казани и Астрахани с племенами независимой Азии и соседственной Персии могут доставить удобнейший случай приобретать весьма редкие рукописи на восточных языках для библиотеки нашего университета».¹²⁷

В 1836 г. профессорами Ф.Эрдманом и Мирзой Казем-Бек были составлены списки наиболее важных мусульманских сочинений с целью приобретения их для университетской библиотеки. Список М.Казем-Бека включал 32 наименования произведений арабо-мусульманских авторов: «Историю правителей...» ат-Табари, «Завоевания стран» ал-Балазури, «Записку Ахмеда ибн Фадлана», «Историю ат-Табари» Мухаммада ибн Джарира, «Вести времени (эпохи)» ал-Масуди, «Историю Хорезма» Кады Ахмада, «Историю Самарканда» Джафара Мустагфари, «Историю Багдада» ал-Хатыба ал-Багдадий, «Историю Булгара» Ягкуба ибн Нугмана ал-Булгари, «Историю Табаристана» Мухаммада ибн Хасана, «Мировую историю» ал-Джувейни, «Историю ибн Халдуна», «Историю ибн Халликана» «Историю Челеби-Зада», «Историю Субхи» и другие.

Сохранившийся список названий произведений мусульманских авторов, составленный Ф.Эрдманом, включает 33 наименования. Среди представленных сочинений, помимо уже указанных М.Казем-Бек, выделяются следующие: «Книга истории народов» ал-Исфакани, «Золотые луга (пастбища)» ал-Масуди, «Вести стран...» Юсефа ад-Димешки, «Книга пре-

достережения и благородных» ал-Масуди, «Книга путей и государств» ибн-Хаукаля, «Взгляд на правителей бану Сасан» и другие.¹²⁸ Эти списки казанских востоковедов-ближневосточников опирались на известное источниковедческое издание Х.Д.Френа.¹²⁹

В 1843 г. в восточном отделе университетской библиотеки насчитывалась 61 книга (в том числе и рукописи) на арабском языке, 62 — на персидском, 23 — на турецком, 3 — на еврейском и 1 на коптском языке. Через 10 лет, в 1853 г., в библиотеке уже было 206 книг и рукописей на арабском, 157 — на персидском, 43 — на турецком, 11 — на татарском и 1 на зендском языке.¹³⁰ Всего к 1851 г. библиотека университета включала около 50 тысяч томов на 35 языках народов мира.¹³¹

По свидетельству Г.Ф.Шамова, в 1847 году библиотека университета «имела, причем после пожара 1842 года, уже 670 наименований восточных книг и рукописей, а к моменту закрытия восточного разряда (1855 г.) было дополнительно приобретено еще около 1200 названий рукописей и книг».¹³²

В апреле 1837 г. профессор Мирза Александр Казем-Бек просил попечителя казанского учебного округа М.Н.Мусина-Пушкина в своем рапорте ходатайствовать о выделении министерством народного просвещения «на каждый год ограниченной суммы, единственно для покупки манускриптов на арабском, персидском и турецком языках и даже некоторых весьма редких сочинений, изданных в магометанских типографиях».¹³³

¹²⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4527. Л. 8—9.

¹²⁹ Френ Х.Д. Хронологический список ста сочинений, преимущественно исторического и географического содержания, на арабском, персидском и турецком языках, недостающих большей частью в европейских библиотеках, коих отысканием в оригиналах или в верных копиях следовало бы заняться для пользы наук особам, имеющим свое пребывание на Востоке.—СПб., 1834.

¹³⁰ Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века).—Казань, 1972.—С. 57.

¹³¹ Романов Я.С. Краткий очерк истории Научной библиотеки Татарской республики при Казанском гос.университете. 1809—1839 гг.—Казань, 1940.—С.12.

¹³² Шамов Г.Ф. Профессор О.М.Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности.—Казань, 1983.—С.90.

¹³³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4719. Л. 2.

¹²⁵ Там же. Л. 31—39.

¹²⁶ Там же. Л. 42.

¹²⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4719. Л. 1.

Историк Н.А.Мазитова отмечала, что «большая роль в пополнении библиотеки восточными книгами и рукописями принадлежала восточным корреспондентам университета из Средней Азии, Астрахани, Кавказа, Персии и Индии». ¹³⁴ В августе 1840 г. ординарный профессор Мирза Казем-Бек на вакансии умершего члена-корреспондента университета Аджи Казем-Бека предложил персианина Аджи Муллу Таки из Дербента, который, по мнению казанского востоковеда, «может приносить Университету ожидаемую пользу, доставляя редкие рукописи, монеты». ¹³⁵ Предложение было принято и в 1841 г. М.А.Казем-Бек, рассматривая сочинение «главного ахунда Дербента Аджи Муллы Таки» под названием «Нанизанные перлы увещания народного», ¹³⁶ писал: «Долгом считаю прибавить, что при настоящем положении обстоятельств в Дагестане, распространение подобного сочинения между муллами, управляющими умами народа, может иметь весьма полезные следствия, а похвальное усердие Аджи Муллы Таки может увенчаться желаемым успехом, тем более, что беспрестанные и столь тягостные опустошения в тех краях без сомнения приуготовляли уже многих следовать голосу истины». ¹³⁷

Мусульманские рукописи университета по просьбе российских востоковедов отправлялись в другие научные центры. В сентябре 1841 г. адъюнкт Академии наук Б.А.Дорн, «имея надобность для ученого труда, ...в Истории Сафидов Искандера Мунши, писанной на персидском языке под заглавием Тарих-Алем-арай-Аббазии», просил прислать рукопись из университетской библиотеки. ¹³⁸

В конце 1846 — начале 1847 г. экстраординарный профессор И.Н.Березин был командирован в Москву для работы в архиве Министерства иностранных дел с целью обзора восточных фондов. Он обследовал материалы Ф.И.Миллера (1705—1783), И.Э.Фишера (1697—1771), Г.Я.Кера (1692—1740) «о скифах и татарах на латинском языке и немецком».

¹³⁴ Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века).—Казань, 1972.—С. 55.

¹³⁵ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5077. Л. 1—1 об.

¹³⁶ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5214. Л. 1—4 об.

¹³⁷ Там же. Л. 4—4 об.

¹³⁸ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5223. Л. 9.

По замечанию И.Н.Березина, «некоторые из сих сочинений неизвестны ученому свету и остались неоконченными или неотделанными, хотя и заслуживают внимания по обширности источников, которыми, при составлении их, пользовались авторы». ¹³⁹ Казанским востоковедом были рассмотрены «собрания монгольских и тибетских рукописей» и арабские, персидские и тюркские рукописи «числом до 40». И.Н.Березин рассмотрел мусульманские монеты, присланные в архив из Рязанской губернии и обследовал «у князя Оболенского турецкую историю без конца с родословными таблицами, и цикл тюркский с каталогами, манджурскими, монгольскими и русскими названиями животных» и т.д. ¹⁴⁰

В истории отечественного востоковедения наследие казанских университетских тюркологов, арабистов и иранистов в области собирания, изучения и издания арабо-мусульманских текстов имеет неоценимое историко-научное и историко-культурное значение. ¹⁴¹

¹³⁹ НА РГ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 388. Л. 36.

¹⁴⁰ Там же. Л. 36, 56—56 об.

¹⁴¹ Бабер-намэ, или Записки султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н.И.(Ильминским).—Казань, 1857; Березин И.Н. Библиотека восточных историков, издаваемая И.Березиным, профессором.—Казань, 1849; Его же. «Шейбаниада». История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с переводом, примечаниями и прилож., издан. И.Березиным, проф.—Казань, 1849; Его же. Ханские ярлыки. И.Н.Березина. 1—3.—Казань, 1850—1851: I. Ярлык хана Золотой орды к польскому королю Ягайлу. 1592—1595 г. Изд. кн. М.А.Оболенским, 1850; II. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур Кутлука и Саадет-Гирея, с введением, переписью, переводом и примеч. издан. И.Березиным, 1851. III. Внутреннее устройство Золотой орды. (По ханским ярлыкам), 1850; Его же. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея, с введением, переписью, переводом и примечаниями, изданные И.Березиным, проф. Казан. ун-та.—Казань, 1851; Казем-Бек А.К. Мухаммадие.—Казань, 1845; Казем-Бек А.К. Мюхтесерул-вигкает, или сокращенный вигкает. Курс мусульманского законовещения.—Казань, 1845; Назарианц С. Абул-Касем Фердауси Тусский, творец книги царей, известной под названием Шах-намэ. С присовокуплением краткого обзора истории персидской поэзии до исхода XV столетия по Р.Х. Кн. 1—2.—Казань, 1849—1851; Назарианц С. Розовый кустарник Шейха Муслехеддина Саади Ширазского, славный под названием Гулистан.—М., 1857; Холмогоров И.Н. Фахри «Правила для государей и рассказы о мусульманских династиях. Сочинение Мухаммеда-бен-Али-бен Табатаба, известного под именем Ибн-Тиктака. С арабского подлинника перевод на русский язык и дополненный замечаниями Н.Холмогорова.—Казань, 1863; Его же. Гулистан (Цветник роз). Творение шейха Мослихуддина Саади Ширазского. С персидского подлинника перевод И.Холмогорова.—М., 1882.

В инструкции для И.Березина и В.Диттеля было особо подчеркнуто: «Как путешествие по Востоку представляет обширные виды приобретения для университета разных редких восточных рукописей и книг, то с этой целью будет отпускаться вам ежегодно, обоим вместе, по триста рублей. А дабы вы положительно знали, каких именно сочинений приобретение наиболее важно и желательно, то... (прилагаются — Р.В.) а) печатный хронологический список ста восточных рукописей, составленный г.академиком Френом; б) печатный... хронологический список некоторых армянских историков и рукописных сочинений других литератур грузинского и кавказского краев; в) рукописный дополнительный список, составленный гг. профессорами Эрдманом и Казембеком.»¹⁴²

В 1821 г. Ф.Эрдман предложил напечатать перевод «сокращенной Арабской истории Таккеддина Мугамеда, в рукописи находящуюся в библиотеке Тихсена».¹⁴³ В марте 1830 г. лектор восточных языков Александр Казем-Бек представил «перевод с персидского языка Гюлистана, соч. Шейха Мюслихиддина Садиа Ширазского с подлинником...»¹⁴⁴

Казанская университетская школа востоковедения продемонстрировала тесное соприкосновение с арабо-мусульманской, тюркской и центрально-азиатскими цивилизациями на основе предпринятых путешествий на зарубежный Восток. Научные путешествия, направляемые из университетских центров России (Казань, Санкт-Петербург и др.) в первой половине — середине XIX века, обозначили перелом в обществе и развитии российского востоковедения. История отечественного востоковедения второй половины XIX — начала XX вв. пройдет под знаком этой передовой научной традиции — непосредственного восприятия и изучения цивилизаций Востока.

Научное путешествие в 1842—1845 гг. в страны и регионы мусульманского Востока: Кавказ, Ирак, Иран, Сирию, Палестину, Египет и Турцию воспитанников разряда восточной

¹⁴² НА РГ. Ф. 977. Оп.ИФФ. Д. 388. Л. 3.

¹⁴³ НА РГ. Ф. 977. Оп.ИФФ. Д. 52. Л. 1—2.

¹⁴⁴ НА РГ. Ф. 977. Оп.ИФФ. Д. 163. Л. 1.

словесности И.Березина (1818—1896) и В.Диттеля (1816—1848) получили освещение в российской историографии.¹⁴⁵

Путешествия университетских востоковедов первой половины — середины XIX в. — это не только продолжение известных традиций «хождений» на мусульманский Восток, характерных для российского и европейского обществ XVI—XVIII вв. На первом плане для путешественников стало уже не увлечение экзотичностью и романтикой истории и культуры мусульманских народов, а социокультурные потребности научного исследования мира ислама и исламской цивилизации. Н.А.Мазитова справедливо отмечает, что поездка Березина и Диттеля готовилась как научное путешествие, «имеющее целью не только изучение языка, но и истории, литературы, культуры, быта, нравов, архитектурных памятников и природы Востока».¹⁴⁶ В университетские кафедры первой половины XIX в. был привнесён живой, неповторимый и уникальный Восток, хорошо знакомый по личным наблюдениям и впечатлениям.

В связи с этим отметим оригинальное сочинение О.И.Сенковского «Способности и мнения новейших путешественников по Востоку» (1835), который оказал огромное влияние на развитие казанского университетского востоковедения первой половины XIX в. Оценивая описания европейских путешествий на Восток, О.И.Сенковский писал: «Во всех этих бесчисленных томах нет ни одного наблюдения, которое бы показывало, что ум сочинителя был в состоянии чувствовать важность современных фактов Востока и необходимость найти для них настоящее объяснение».¹⁴⁷ Обращаясь к исследователям Османской империи, он отмечал: «Чтобы понять Тур-

¹⁴⁵ Шофман А.С., Шамов Г.Ф. Восточный разряд Казанского университета (краткий очерк) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. — М., 1956. — С. 429—430; Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века). — Казань, 1972. — С. 86—96; Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. — М., 1973. — С. 200—203 и др.

¹⁴⁶ Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века). — Казань, 1972. — С. 91.

¹⁴⁷ Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). — СПб., 1858. — Т. 6. — С. 72.

цию, надобно сперва освободиться от огромной тяжести своих предрассудков. Выражения, которые он употребляет в Европе... очень неверно изображают различные части общественного порядка на Востоке, так что... он должен выучиться мыслить на чуждом ему языке... Оценивая восточное общество, вы должны разыскать и определить их, создать новую науку и привыкнуть рассуждать по другим началам и другой логике».¹⁴⁸ Эти и другие научные принципы профессиональных востоковедов из университетских центров России обозначили появление новой информации и знаний об азиатских народах, кардинальное изменение статуса Востока в историческом мировидении и формировании парадигмы российского классического востоковедения. Появление в конце XVIII — XIX в. плеяды ученых-востоковедов и просветителей из немцев, поляков, азербайджанцев, арабов, татар, русских, армян, бурят и других народов оказалось назревшей потребностью самой гуманитарной науки и складывания социокультурной общности в России. Это обстоятельство во многом объясняет феномен российских центров востоковедения XIX — XX вв., в том числе Казанского университета. В России, тесно сплетенной с западноазиатским, южноазиатским и восточноазиатским культурно-географическими ареалами и включающей сложные конгломераты религий, разные традиции и обычаи, востоковеды: ученые и практики синтезировали историко-культурное взаимодействие России-Востока-Запада.

В первой половине — середине XIX века в казанском университетском востоковедении история и культура народов Центральной и Южной Азии стали объектом научного исследования. В Казанском университете сформировались и развивались монголоведение, калмыковедение, китаеведение, маньчжуроведение и санскритология. Благодаря трудам востоковедов — О.М.Ковалевского (1800—1878), А.В.Попова (1808—1865), архимандрита Даниила (1798—1871), И.П.Войцеховского (1793—1850), В.П.Васильева (1818—1900), П.Я.Петрова (1814—1875), Ф.Ф.Боллензена (род. ок. 1813 г.) и др. преподавание и изучение языков, истории, этнографии и культурного

наследия народов Монголии, Калмыкии, Бурятии, Китая и Индии получили систематический и интенсивный характер. Кроме того, были предложены организационные и учебные мероприятия для изучения тибетского языка и письменности, новоиндийских языков. В частности, в апреле 1835 г. в связи с определением в Первую Казанскую гимназию пяти молодых бурят, в том числе ламы Г.Никитуева, отмечалось, что «Россия приобретет ту славу, что ученые ее первые в Европе начнут разрабатывать богатую, но еще неприступную для изысканий сокровищницу языка тибетского».¹⁴⁹

Формирование и развитие научных дисциплин в Казани, связанных с центрально-азиатскими и южноазиатскими ареалами, были обусловлены общим уровнем востоковедных исследований в академических и университетских центрах России, подготовкой специалистов в данных областях и научными интересами казанских монголоведов, китаеведов и санскритологов. В их учебной и научной деятельности наиболее заметны изучение и преподавание языков, сбор материалов по географии и страноведению, знакомство и текстологическое исследование рукописей и сочинений, контакты с носителями языков, путешествия в регионы и государства Центральной Азии, составление грамматик, словарей и хрестоматий. Эти основные направления исследований определялись не только внешнеполитическими и практическими интересами Российской империи, но и научными целями.

Истоки университетского научного монголоведения в Казани тесно связаны с именами О.М.Ковалевского и А.В.Попова, воспитанников разряда восточной словесности. Историк Г.Ф.Шамов в научной биографии монголоведа О.М.Ковалевского писал: «С именем Ковалевского связано возникновение и развитие в России научного монголоведения. Более двадцати лет он возглавлял в Казанском университете первую и единственную в Европе кафедру монгольской словесности, явился создателем новых учебных пособий по монгольскому языку и уникального «Монгольско-русско-французского сло-

¹⁴⁸ Указ. соч.—С. 74—75.

¹⁴⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 3 об.

варя», сохранившего свое научное и практическое значение до настоящего времени».¹⁵⁰

В отечественной историографии монголоведческому наследию О.М.Ковалевского уделено значительное внимание.¹⁵¹ К сожалению, казанский и петербургский периоды деятельности профессора А.В.Попова в области монголоведения и калмыковедения освещены слабо.

В июне 1833 г. О.Ковалевский и А.Попов были проэкзаменованы академиком Я.И.Шмидтом и в июле 1833 г. назначены адъюнктами монгольского языка в Казанском университете.¹⁵² По итогам экзамена кандидатов университета академик Я.И.Шмидт записал: «Итак я могу не только по доброй совести, но и с полным убеждением рекомендовать обоих гг. Ковалевского и Попова на звание преподавателей монгольского языка, в случае, если при Казанском университете учреждена будет для сего языка кафедра. Это первые питомцы Русского

¹⁵⁰ Шамов Г.Ф. Профессор О.М.Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности.—Казань, 1983.—С. 3.

¹⁵¹ Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения.—М., 1977.—С.48—49, 74—106, 181, 452—453; Российские монголоведы (XVIII — начало XIX вв.).—Улан-Удэ, 1997; Талько-Грыцкевич Ю.Д. К 100-летию рождения О.М.Ковалевского.—Иркутск, 1902; Фролов Е. Вильнюсский период жизни и деятельности О.М.Ковалевского // Ученые записки Вильнюсского государственного университета им.В.Капсукаса. Серия историко-филологическая. Т. 4, 1958.—С.151—182; Чимитдоржиев Ш.Б. Фонд О.М.Ковалевского в библиотеке Вильнюсского университета // Цыбиковские чтения.—Улан-Удэ, 1989.—С. 142—145; Шамов Г.Ф. Монгольская кафедра Казанского университета (история открытия) // Ученые записки КГУ. Т. 114. Кн. 9, 1954.—С. 171—183; Шамов Г.Ф. Научная деятельность О.М.Ковалевского в Казанском университете // Очерки по истории русского востоковедения. Т. 2.—М., 1956.—С. 118—180; Шамов Г.Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая (первая половина XIX века): Дис. ...канд. ист. наук.—Казань, 1956; Его же. Профессор О.М.Ковалевский: Очерк жизни и деятельности.—Казань, 1983; Шастина Н.П. Ученая корреспонденция монголоведа О.М.Ковалевского // Советское востоковедение.—1956.—№ 1; Шастина Н.П. Из переписки О.М.Ковалевского с бурятскими друзьями // Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. Труды. Вып. 16. Серия востоковедения. Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып.2.—Улан-Удэ, 1965.—С. 210—221; Наследие монголоведа О.М.Ковалевского и современность. Доклады и сообщения международной научной конференции.—Казань, 2002 и др.

¹⁵² НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3829. Л. 7—8.

университета, которые с успехом шествовали сею стезею, первые которые могут явиться наставниками по такому предмету, на который не было обращено внимания, потому что недовольствовало людей, которые могли бы служить руководителями».¹⁵³

Они сыграли исключительную роль в постановке преподавания монгольского языка в Первой Казанской гимназии и университете, комплектации библиотеки рукописями и сочинениями, подготовке и издании учебных пособий, составлении программ и совершили научные путешествия в Сибирь, Бурятию, Монголию и Китай. В Казани они опубликовали работы, посвященные языкам, быту, нравам, истории, этнографии, религии монголоязычных народов зарубежной Азии и России.¹⁵⁴ В 1836 г. Министерство внутренних дел пыталось определить А.В.Попова председателем в калмыцком суде Зарго. Но попечитель Казанского учебного округа М.Н.Мусин-Пушкин отказал в увольнении А.В.Попова из Казанского университета, сославшись на специальную подготовку его для преподавания монгольского языка.¹⁵⁵

Масштабы личности и творчества крупного ученого-востоковеда О.М.Ковалевского в Казани несколько заслонили фигуру и наследие профессора-монголоведа А.В.Попова. В 1835 г. адъюнкт А.В.Попов в связи с составлением «Монгольской хрестоматии» писал: «Чтобы ближе ознакомиться с народом, надобно знать язык его. Простые исследования о про-

¹⁵³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3829. Л. 7 об.

¹⁵⁴ Ковалевский О.М. Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям, в библиотеке Имп. Казанского университета хранящимися // УЗКУ, 1834.—Т. II.—С.263—292; Его же. Содержание монгольской книги под заглавием «Море притч».—Казань, 1834; Его же. О китайском календаре.—Казань, 1835; Его же. Краткая грамматика монгольского книжного языка.—Казань, 1835; Его же. Буддийская космология.—Казань, 1837; Его же. Монгольская хрестоматия. Т. 1.—Казань, 1836; Т. II.—Казань, 1837; Попов А.В. Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку.—Казань, 1836.—Ч. I—II; Его же. Краткие замечания о приволжских калмыках // ЖМНП.—1839.—Ч. 22.—Отд. 2; Его же. Грамматика калмыцкого языка, сочиненная А.Поповым.—Казань, 1847; Его же. Ответ на рецензию проф. Ковалевского, присланную им на «Граматику калмыцкого языка» // ЖМНП.—1850.—Ч.67 и другие.

¹⁵⁵ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4459. Л. 1—6.

исхождении и распространении народов и языков их, основанные большею частью на догадках или на аналогических выводах без помощи языковедения, не должны иметь места в истории. Весьма часто один и тот же народ является под различными наименованиями и поколения его, хотя и сохраняют родовой свой отпечаток, принимаются иногда за отдельные и самобытные племена; точно так же, как и наречия какого-нибудь языка, несколько уклонившиеся от своего корня, считаются языками особенными, первоначальными. От сего происходит темнота и сбивчивость в истории народов и их литературе, что доказывают нам древние сказания о Гуннах, Монголах, Татарах и вообще племенах, населяющих Среднюю Азию».¹⁵⁶

В 1835 г. подготовленные О.М.Ковалевским и А.В.Поповым монгольские грамматики и хрестоматии получили высокую оценку академика Я.И. Шмидта, который предложил «напечатать... на казенный счет, с тем только, чтобы в таком случае одна и та же статья не встречались в обеих хрестоматиях».¹⁵⁷

В сентябре 1835 г. Министерство народного просвещения в связи с необходимостью составления «на монгольско-татарском языке собрания элементарных книг по части арифметики, географии и нескольких других» предложило О.М.Ковалевскому и А.В.Попову подготовить «руководство для изучения начальных правил арифметики».¹⁵⁸ В ноябре 1836 г. А.В.Попов представил монгольскую арифметику, составленную на основе учебника Буссе. Ученый писал: «Хотя монголы и имеют у себя науку счисления, переданную им тибетцами вместе с религией, но она ограничивается только первыми четырьмя арифметическими действиями, изложенными по сбивчивым теориям индийских математиков-астрологов. Следовательно, с этой стороны представляла мне трудности в выборе технических слов; для этого я перечитал почти все известные мне астрологические сочинения буддистов и оттуда почерпнул уже нужные для себя пособия. И так термины арифметические я не выдумывал и не определил сам собою, но извлекал их из

духа языка и основываясь на употреблении».¹⁵⁹ В 1837 г. монгольская арифметика была напечатана в типографии Казанского университета.¹⁶⁰

В 1833—1835 гг. в целях издания учебных пособий и других материалов по монголоведению были отлиты в типографии Академии наук и получены университетом монгольские шрифты.¹⁶¹

Изучая казанское монголоведение до середины XIX в., не следует ограничиваться только наследием О.М.Ковалевского. В появлении плеяды российских монголоведов: Г.Никитуева (род. около 1808-?), Г.Гомбоева (1822—1863), Д.Банзарова (ок.1822—1855), К.Ф.Голстунского (1831—1899), В.П.Васильева (1818—1900), А.А.Бобровникова (1821—1865) и др. значима научно-педагогическая роль А.В.Попова.

В марте-апреле 1833 г. О.Ковалевский и А.Попов разбирали коллекцию монгольских рукописей и книг, привезенных из научного путешествия, отмечая «на каждом сочинении монгольское заглавие русскими буквами, присовокупляя вкратце содержание на русском языке; далее разделили все книги и рукописи, числом до 179 сочинений на четыре отделения..., составили оным полный каталог...»¹⁶²

Университет в 1835 г. приобрел коллекцию О.М.Ковалевского. Данное собрание, состоящее из 1272 наименований, включало в себя китайские, маньчжурские, монгольские сочинения и этнографическую коллекцию (костюмы лам, буддийские божества, монеты, картины и др.).¹⁶³ Основу книжной коллекции составляли монгольские, маньчжурские и китайские календари, китайский перевод «Нового завета» Моррисона, китайский библиографический каталог, грамматики, рукописи на маньчжурском языке.

Определение для обучения в гимназии молодых бурят: Доржи Банзарова, Цокто Чимитова, Гырыла Бадаева, Доржи Бумитуева и ламу Галсана Никитуева имело неоценимое зна-

¹⁵⁶ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4195. Л. 5—6.

¹⁵⁷ Там же. Л. 12 об.

¹⁵⁸ Там же. Л. 29—29 об.

¹⁵⁹ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4195. Л. 87 об—88.

¹⁶⁰ Там же. Л. 126.

¹⁶¹ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4030. Л. 1—28.

¹⁶² НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3829. Л. 17—17 об.

¹⁶³ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4251. Л. 6—17.

чение для развития образования и культуры бурятского народа. В отечественной литературе данному событию уделено большое внимание.¹⁶⁴ Учеба Доржи Банзарова на разряде восточной словесности и его научные труды являются ярким свидетельством формирования в Казанском университете национальных научных гуманитарных школ.¹⁶⁵ Ламе Г. Никитуеву с первых дней в Казани было предложено «заниматься преподаваемыми в гимназии предметами по его собственному усмотрению; в особенности же возложить на него практические упражнения в разговорах с воспитанниками, обучающимися монгольскому языку и с двумя казеннокоштными студентами университета Васильевым и с Навроцким, которые для этой цели помещены... в Первую гимназию... С Васильевым Лама сверх того должен заниматься и языком тибетским».¹⁶⁶ С августа 1836 г. Г. Никитуев занимался практическим монгольским языком с действительным студентом Сергеем Протопоповым.

Казанская университетская монголоведческая школа получила высокую оценку в современной отечественной историографии: «Сравнительно непродолжительный казанский этап в развитии научного монголоведения в России оказался очень важным для дальнейшей судьбы этой отрасли ориенталистики. За время существования монгольской кафедры в Казанском университете были определены основные направления в

¹⁶⁴ Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. (Первая половина XIX в.).—Казань, 1972; Шамов Г.Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая (первая половина XIX века): Дис. ...канд. ист. наук.—Казань, 1956.

¹⁶⁵ Банзаров Доржи. Собрание сочинений.—М., 1955; К столетию со дня смерти Доржи Банзарова // Материалы научной сессии и статьи.—Улан-Удэ, 1955; Петров Л.А. Доржи Банзаров. Первый бурят-монгольский ученый.—Улан-Удэ, 1943; Петров Л.А. Доржи Банзаров.—Иркутск, 1975; Российские монголоеды (XVIII — начало XIX вв.).—Улан-Удэ, 1997; Тезисы и доклады научной конференции «Банзаровские чтения», посвященная 170-летию со дня рождения Доржи Банзарова.—Улан-Удэ, 1992; Тезисы и доклады Международной научно-теоретической конференции «Банзаровские чтения-2», посвященной 175-летию со дня рождения Доржи Банзарова.—Улан-Удэ, 1997; Шофман А.С. Казанский период жизни и деятельности Доржи Банзарова.—Улан-Удэ, 1956.

¹⁶⁶ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 42 об.

изучении истории, культуры, литературы монгольских народов».¹⁶⁷ Кафедра монгольского языка Казанского университета обозначила начало развития монголоведческих исследований в университетских центрах России и Европы, наряду с практическим и академическим монголоведением, сформировавшимся в XVII—XVIII вв.

Формирование университетского китаеведения, маньчжуроведения и тибетоведения в Казани до 1855 г. тесно связано с членами Пекинской духовной миссии — архимандритом Даниилом (1798—1871, Пекин, 1821—1830), И.П. Войцеховским (1793—1850, Пекин, 1819—1831) и воспитанником восточного разряда, также участником миссии в 1839—1850 гг. В.П. Васильевым (1818—1900). Языковедческие, литературоведческие и историко-этнографические работы ученых в казанский период творчества, как опубликованные, так и оставшиеся в рукописях, внесли существенный вклад в изучение истории и культуры народов Центральной Азии.¹⁶⁸ Университетская кафедра китайского языка и словесности (1837 г.), преобразованная в 1844 г. в кафедру китайско-маньчжурской словесности, и исследования казанских востоковедов олицетворяли истоки и развитие университетской традиции изучения в России дальневосточных цивилизаций и государств.

В начале 1837 г. на должность ординарного профессора китайского языка учреждаемой кафедры разряда восточной

¹⁶⁷ История отечественного востоковедения до середины XIX века.—М., 1990.—С. 283—284.

¹⁶⁸ Даниил (Сивиллов). Перевод с китайского языка из книги под заглавием «Драгоценное зеркало для просвещенного ума // УЗКУ.—1837.—Кн. II—III; Его же. Всеобщая история Китая // УЗКУ.—1837.—Кн. IV; 1838.—Кн. II и IV; ОРРК НБ КГУ.—№ 4478. Даниил Сивиллов. Лао-цзы. Философия. Перевод иеромонаха Даниила. Рукопись. 19 в. 36 п/л.; Там же.—№ 4485. Даниил Сивиллов Любомудрие Конфуция. Черновая тетрадь переводов о. Даниила. 19 в. Тет. 8+4+5 лл.; Васильев В.П. О китайской траве Му-суй // Казанские губернские ведомости.—1851.—№ 50; Его же. Китайская трава Му-суй // Библиотека для чтения.—1852.—Т. 113; Его же. Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях // ЖМНП.—1852.—Ч. 73; Его же. О существовании огнедышущей горы в Маньчжурии // Вестник Географического общества.—1855.—Ч. 15.—отдел «Смесь»; Его же. Буддизм. Его догматы, история и литература.—СПб., 1857.—Ч. 1; Его же. Записки о восточных книгах в С.-Петербургском университете В.П. Васильева // Русский вестник.—1857.—Т. 9.—Кн. 2; Русский вестник.—1857.—Т. 11.—С. 309.

словесности был приглашен архимандрит Московского Златоустовского монастыря Даниил, прослуживший в университете до 1844 г.¹⁶⁹ Именно эти годы стали начальным этапом постановки преподавания китайского, маньчжурского и основ тибетского языков в гимназии и университете. Постепенно формируется фонд рукописей и книг в библиотеке университета, создаются программы и учебные пособия, осуществляется ряд переводов литературных китайских текстов и т.д.

В феврале 1837 г. архимандрит Даниил написал и направил в университет подробный «Конспект для преподавания китайского языка».¹⁷⁰ Система преподавания китайского языка архимандрита Даниила состояла из изучения ключевых иероглифов; «переводов легчайших сочинений, изданных на простом языке (су-хоа), а потом из переводов классических книг, писанных ученым стилем (вэнь-хуа)...»; чистописания «по примеру китайцев»; «практическим разговором или живым языком преподавателя»; использования классических книг — «Троесловие», «Драгоценное зеркало для образования ума и сердца» и других канонических текстов; объяснения «красоты ученого языка, степени его возвышенности»; «разделения... на древнюю и новейшую словесность»; замечаний «о характере иероглифов... в древнем их начертании»; «о употреблении и свойствах известных у китайцев пяти звуков или ударений (у-инь), которые для их языка составляют чрезвычайную важность и необходимость»; сведений «в правилах риторики и логики»; указаний «на некоторые издания китайских грамматик, сочиненных на европейских языках, сравнений их с сочинениями сего рода на китайском языке» и др.¹⁷¹

В это же время архимандрит Даниил предложил библиотеке университета свою «китайскую библиотеку», состоящую из 156 названий классических, учебных, философских, литературных, исторических, религиозных и других книг, словарей и ландкарт.¹⁷² В письме от 22 февраля 1837 г. попечителю учеб-

ного округа М.Н.Мусину-Пушкину он отмечал: «Сбудутся ли Ваши мудрые предположения об открытии класса китайского языка в Вашем университете или нет, помещение китайской библиотеки в числе прочего собрания книг библиотеки университета ни в том, ни в другом случае не потеряет своего значения».¹⁷³ В сохранившихся отзывах членов Академии наук и переводчика китайского и маньчжурского языков С.В.Липовцева (1770—1841) высоко оценивается значение и достоинство «китайской библиотеки» архимандрита Даниила.¹⁷⁴ В июне 1837 г. это собрание было принято в университетскую библиотеку.

В 1837 г. архимандрит Даниил в «Ученых записках Казанского университета» опубликовал первые переводы китайских текстов.¹⁷⁵ В октябре 1839 г. ученый представил «Китайскую хрестоматию» со словарем.¹⁷⁶ «Китайская хрестоматия» была рассмотрена профессорами А.В.Поповым и М.А.Казем-Бекком, которые отмечали, «что труд ученого нашего профессора, при настоящих обстоятельствах и нынешнем взгляде начальства на пользу преподавания азиатских языков, будет весьма полезным руководством для занимающихся эти языком».¹⁷⁷ В 1840 г. «Китайская хрестоматия» была дважды рассмотрена по просьбе Министерства народного просвещения членом-корреспондентом академии (с 1828 г.) Н.Я.Бичуриным (монахом Иакинфом). Он оценил хрестоматию «с должным вниманием, какового требовал сей предмет, как по своей новосте в России, так и по цели его назначения».¹⁷⁸ Отметив основательное раскрытие внутреннего состава китайского языка, автор обратил внимание и на отдельные погрешности в переводах, необходимость изменения китайского словаря к хрестоматии и точного следования словарю «Кхинь-си-цзы-дянь».¹⁷⁹

¹⁷³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4599. Л. 1 об.

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 5. Л. 11—11 об.

¹⁷⁵ Даниил (Сивиллов). Перевод с китайского языка из книги под заглавием «Драгоценное зеркало для просвещенного ума // УЗКУ. — 1837. — Кн. II—III; Его же. Всеобщая история Китая // УЗКУ. — 1837. — Кн. IV; 1838. — Кн. II и IV.

¹⁷⁶ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5007. Л. 1—2 об.

¹⁷⁷ Там же. Л. 6.

¹⁷⁸ Там же. Л. 11.

¹⁶⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4599. «Об учреждении при Казанском университете кафедры китайского языка. 1 марта 1837 г.» 32 лл.; РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 5. Л. 3.

¹⁷⁰ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4599. Л. 17—25.

¹⁷¹ Там же. Л. 18 об.—25.

¹⁷² Там же. Л. 1—2 об.

Особый интерес вызвал подготовленный к октябрю 1841 г. профессором китайского языка архимандритом Даниилом «перевод с китайского языка на русский философии Конфуция в трех книгах». Данная работа, по замечанию автора, была связана с недостатком «в пособиях в изучении китайского языка» и могла «служить руководством для переводов с сего языка для занимающихся по сей части словесности».¹⁸⁰ Тексты переводов философии Конфуция сохранились в библиотеке Казанского университета.¹⁸¹

В феврале 1844 г. в связи с прошением архимандрита Даниила об увольнении «для поступления по другим должностям духовного ведомства» на должность профессора китайского и маньчжурского языков приглашается И.П.Войцеховский, прежде служивший в Азиатском департаменте МИДа и штатным лекарем в Петербургской духовной академии. Попечитель Казанского учебного округа писал 26 февраля 1844 г. министру народного просвещения: «г. Войцеховский будет для Казанского университета и для восточного отделения его несравненно полезнее Архимандрита Даниила, потому что, зная китайский язык, без всякого сомнения, также хорошо как Даниил, обладает сверх того маньчжурским, преподавание которого ощутительно необходимо для обучающихся китайскому языку...»¹⁸² В апреле 1844 г. И.П.Войцеховский утверждается профессором китайского языка с поручением преподавания маньчжурского языка. В августе 1844 г. он прибыл в Казанский университет, где преподавал до своей смерти в 1850 г. В одном из писем И.П.Войцеховский еще до приезда в Казань отмечал, что «занялся собранием и приготовлением для студентов, обучающихся китайскому и маньчжурскому языкам необходимо нужных учебных пособий..., в особенности старался еще дополнить составленный... в Пекине китайско-маньчжурский лексикон...»¹⁸³ За этот период ему удалось на-

¹⁷⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5007. Л. 11—11об., 18—19.

¹⁸⁰ Там же. Л. 1 об.

¹⁸¹ ОРРК НБ КГУ.—№ 4478. Даниил Сивиллов. Лао-цзы. Философия. Перевод иеромонаха Даниила. Рукопись. 19 в. 36 п/л.; Там же.—№ 4485. Даниил Сивиллов Любомудрие Конфуция. черновая тетрадь переводов о. Даниила. 19 в. Тет. 8+4+5 лл.

¹⁸² РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 5. Л. 36.

¹⁸³ Там же. Л. 66.

писать только несколько учебно-методических программ и пособий, которые использовались в преподавании китайского и маньчжурского языков в гимназии и университете. В Казани И.П.Войцеховский закончил составление «Китайско-маньчжурско-русского словаря».¹⁸⁴ Ученый относится к числу первых представителей отечественного научного маньчжуроведения. Он положил начало университетской школе маньчжурской филологии и языкознания в России.

Нельзя не отметить и казанский период учебы на разряде восточной словесности и научно-педагогической деятельности В.П.Васильева (1834—1855 гг.), ставший важной страницей в истории отечественной монголистики, китаеведения, буддологии и тибетологии XIX в.¹⁸⁵

¹⁸⁴ История отечественного востоковедения до середины XIX века.—М., 1990.—С. 124, 274.

¹⁸⁵ Отечественная историография научной биографии выдающегося востоковеда В.П.Васильева представлена оригинальными работами и публикациями. См.: Алексеев В.М. Наука о Востоке: Статьи и документы.—М., 1982.—С. 56—68, 97—99, 122, 146, 161—170; Бартольд В.В. Исторические и географические труды В.П.Васильева. Речь, произнесенная в пуб. заседании РАН 20 февраля — 5 марта 1918 г. // Изв. Росс. АН.—1918.—Т. 12.—№ 7.—Сер. VI.—С. 549—560; Завадская Е.В. В.П.Васильев — родоначальник буддологии в России // История и культура Китая. Памяти В.П.Васильева.—М., 1974; Иванов А.И. В.П.Васильев, как синолог. Речь, произнесенная в публ. засед. РАН 20 февраля — 5 марта 1918 г. // Изв. Росс. АН.—1918.—Т. 12.—№ 7.—Серия 6.—С. 561—566; Илларионов В.Т. Русский синолог В.П.Васильев. 1918—1900 гг.—Горький, 1959; История отечественного востоковедения до середины XIX века.—М., 1990.—С. 305—317; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года.—М., 1997; Козин С.А. Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В.П.Васильева по данным Азиатского музея Академии наук СССР. К 30—летию со дня смерти В.П.Васильева: 27 апреля 1900 — 27 апреля 1930 г. // Известия Академии наук СССР. ООН.—1931.—С. 759—774; Ольденбург С.Ф. Памяти Василия Павловича Васильева. Чит. в заседании Общего собрания Импер. АН. 13 мая 1900.—СПб., 1900; Ольденбург С.Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. 1818—1918. Речь, произнесенная в публ. заседании РАН // Известия Российской академии наук.—Сер. VI.—1918.—Т. 12.—№ 7.—С. 531—548; Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения.—М., 1977; Тубянский М.И., Шербатский Ф.И., Ольденбург С.Ф. О рукописном наследии В.П.Васильева // Известия Академии наук СССР. Серия VI.—1926.—18.—С. 1815—1818; Тубянский М.И. Предварительное сообщение о буддологическом наследии В.П.Васильева и В.В.Горского // Доклады Академии наук.—Серия В.—1927.—3.—С. 59—64; Шамоу Г.Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая (первая половина XIX века): Дис. ...канд. ист. наук.—Казань, 1956.

В 1845—1847 гг. на базе разряда китайской и монгольской словесности университета по запросу Академии наук в 1843 г. готовился к занятию места адъюнкта академии «по части китайской литературы» студент Николай Зоммер, «отличающийся успехами в преподаваемых ему предметах и одаренный прекрасными способностями к продолжению с пользою занятий на ученом поприще».¹⁸⁶ Архимандрит Даниил и О.М.Ковалевский подготовили «Инструкцию Казанского университета казеннокоштному студенту Зоммеру», которая была рассмотрена академиками Х.Д.Френем, Я.И.Шмидтом и М.И.Броссе. Окончательный текст инструкции, утвержденной 29 января 1845 г., с учетом замечаний академических востоковедов, был составлен О.М.Ковалевским. Она представляла собой учебную и исследовательскую программу подготовки китаевода, монголоведа, маньчжуроведа и япониста. После окончания университетского курса Н.Зоммер, обучаясь в течение одного года в университете, должен был «раздвинуть пределы своих знаний как в языке, так и в истории Китая».

Сохранившиеся отчеты профессоров И.Войцеховского и О.Ковалевского и самого кандидата свидетельствуют об интенсивных занятиях Н.Зоммера историей китайской литературы и маньчжурской письменности, извлечениями сведений о географии и статистике «Китая и земель соседних с ним» из китайских источников, исследованиями мифологии, современного законодательства, составлением «словаря китайской терминологии буддийской философии» и т.д.¹⁸⁷ Предметом исследования будущего магистра китайско-маньчжурской словесности Н.Зоммера стала тема: «Взгляд на успехи философии в Китае с древнейших времен до настоящего времени, на борьбу школ философских и на влияние их на жизнь Китая».

К сожалению, преждевременная смерть Н.И.Зоммера в сентябре 1847 г. не позволила реализоваться потенциалу этого талантливого отечественного китаевода и маньчжуроведа, воспитанника Казанского университета.

Становление санскритологии в Казанском университете относится 30—50-м гг. XIX в. Преподавание санскрита, фор-

мирование фонда литературы и рукописей и исследование санскритских текстов в 1842—1856 гг. проводилось известными представителями отечественной и европейской санскритологии — П.Я.Петровым (1841—1851) и Ф.Ф.Боллензоном (1852—1856). С их именами связано педагогическое и лингвистическое направления — постановка преподавания и изучения санскрита, подготовка и издание программ, каталогов и санскритских текстов и др.¹⁸⁸ Казанский университет стал в ряд крупных учебных центров после Дерптского и Петербургского университетов, где началось преподавание санскритского языка в России. Открытие первой отечественной кафедры санскритской словесности в 1842 г. в Казанском университете обозначило новый период в развитии санскритологических и индологических исследований в России в середине — второй половине XIX в.¹⁸⁹ В 50-х гг. XIX в. кафедры санскритского языка были открыты в Московском и Петербургском университетах, где традиции санскритологии получили дальнейшее развитие.

Деятельность О.М.Ковалевского и В.П.Васильева в Казанском университете свидетельствует об их роли в формировании лингвистического и буддологического направлений российской санскритологии и индологии. В целом в казанском

¹⁸⁸ Петров П.Я. Программа для преподавания санскритского языка и литературы при Имп. Казанском университете // УЗКУ.—1842.—Кн. 2.—С. 77—95; Его же. О свойствах и составе санскритского языка // ЖМНП.—1842.—Ч. 33; Его же. Гъата-карпам или Разбитый сосуд. Лирическая поэма.—Казань, 1844; Его же. О духовной литературе индусов // ЖМНП.—1845.—Ч. 48.—№ 11; Его же. Санскритская антология. Изд. исправ. должность адъюнкта П.Петрова.—Казань, 1846; Его же. О музыке древних индусов // С.-Петербургские ведомости.—1849.—№ 18.

¹⁸⁹ Об истории открытия кафедры санскритского языка в Казанском университете см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д.289. «Дело об учреждении в КУ кафедры Санскритского яз. и о назначении воспитанника Дерптского профессорского института кандидата П.Я.Петрова адъюнктом по этой кафедре. 13 ноября 1841 — 12 сентября 1842 г.» 10 лл.; НА РТ. Ф.92. Оп. 1. Д. 5181. «О назначении кандидата Петрова преподавателем санскритского языка в Казанский университет. 8 сентября 1841 г.» 63 лл.; Шамоу Г.Ф. Санскритология в Казанском университете в первой половине XIX в. // Проблемы востоковедения.—1959.—№ 3.—С. 117—122; Шофман А.С. Русский санскритолог П.Я.Петров // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 3.—М., 1960.—С. 126—146 и др.

¹⁸⁶ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 501. Л. 1—35.

¹⁸⁷ Там же. Л. 15—18.

университетском востоковедении I пол. XIX в. шло становление индологии, прерванное закрытием разряда восточной словесности.

Судьба первых отечественных санскритологов Р.Ленца и П.Петрова в 30-х гг. XIX в. и в целом развитие новой научной дисциплины в университетах России было связано с «посещением главных библиотек и назидательным знакомством с известнейшими знатоками санскритской литературы в чужих краях» — Берлине, Париже, Лондоне.¹⁹⁰

В августе 1841 г. министерство народного просвещения в связи с отсутствием должностей преподавателей санскритского и персидского языков в Петербургском и Московском университетах для кандидата П.Петрова, в 1840 г. возвратившегося из двухгодичной командировки из Европы, обратилось к попечителю Казанского учебного округа с просьбой определить его «в Казанском университете преподавателем санскритского или персидского языков».¹⁹¹ В сентябре 1841 г. М.Н.Мусин-Пушкин дал согласие на назначение П.Петрова преподавателем санскритского языка и 30 октября 1841 г. он был утвержден «исправляющим должность адъюнкта по кафедре санскритского языка» с содержанием из экономических сумм университета.¹⁹² П.Я.Петров приехал в Казань в декабре 1841 г. Его лекции по санскриту для студентов монгольско-татарского и китайского разрядов университета начались с 13 января 1842 г.¹⁹³

Уже 21 января 1842 г. П.Я.Петров, просмотрев «каталог санскритских сочинений», доносил М.Н.Мусину-Пушкину: «Библиотека содержит в себе несколько очень любопытных и полезных книг по части санскритской словесности, относящихся и к изучению самого языка и к произведениям изящным. В отношении к первым замечательны особенно: грамматики Уилькинса и Боппа и словарь Уильсона — пособия ка-

¹⁹⁰ Мсерианц Л. К истории санскритологии в России. Неизданные материалы к биографии Роберта Ленца и проф. Павла Як.Петрова // Новый Восток. — Кн. 1. — 1922. — С. 314.

¹⁹¹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5181. Л. 1—1 об.

¹⁹² Там же. Л. 4.

¹⁹³ Там же. Л. 9.

ких лучше нельзя желать ни в каком учебном заведении. Из последних заслуживают внимания: Рагуванса, Хитопадэша, Упанишады, Ригведа и многие другие. Собрание нельзя назвать богатым, но выбор вообще прекрасен. Есть даже несколько сочинений и для диалектов индусских...»¹⁹⁴

В октябре 1842 г. П.Я.Петров составил «Программу для преподавания санскритского языка в Первой Казанской гимназии» в связи с планируемым введением изучения воспитанниками санскрита. Преподавание планировалось начать с шестого или седьмого класса гимназии. П.Я.Петров намеревался воспитанников «познакомить... с письменами и каллиграфией; потом... изложить систему склонений и спряжений, именно столько, сколько это нужно для того чтобы приступить к переводу, который, при постоянном разборе слов, будет некоторым образом практическим повторением правил грамматических».¹⁹⁵ Им было обращено внимание на отсутствие учебных пособий и санскритских текстов. Однако в ноябре 1842 г. введение обучения учащихся гимназии санскритскому языку не было разрешено министром просвещения С.Уваровым.

Известная в истории отечественной ориенталистики «Программа для преподавания санскритского языка и литературы» (1842 г.) П.Я.Петрова была ориентирована на подготовку специалиста в области древнеиндийского языка и литературы на основе традиций европейской санскритологии. В программе было обращено внимание на курсы по этимологии, диалектам, фонетике, каллиграфии санскрита, древнеиндийской литературе, истории народов Индии, индийской философии, буддизму и т.д.¹⁹⁶

С первых дней педагогической деятельности в университете П.Я.Петров начал комплектовать в библиотеке сочинения «по части санскритской литературы», продолжая работу О.М.Ковалевского, начатую в середине 30-х гг. XIX в. В начале 1842 г. адъюнкт П.Петров составляет «Список сочинений

¹⁹⁴ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5181. Л. 10.

¹⁹⁵ Там же. Л. 43—43 об.

¹⁹⁶ История отечественного востоковедения до середины XIX века. — М., 1990. — С. 338—339.

по части санскритской литературы, назначаемых к выписке для библиотеки императорского Казанского университета». Этот «Список» включал «Санскритскую антологию» (1838), произведения выдающегося индийского поэта и драматурга V в. Калидасы, некоторые части эпоса «Махабхараты» и другие древнеиндийские литературные тексты.¹⁹⁷ В 1843—1844 гг. санскритская литература и тексты, изданные европейскими санскритологами, поступили в библиотеку университета.¹⁹⁸

В 1842 г. для научной работы П.Я.Петрова в университет были направлены из Азиатского музея несколько санскритских рукописей и текстов, изданных в Европе и Индии.¹⁹⁹ Как известно, до приезда в Казанский университет П.Я.Петров работал в Азиатском музее с санскритскими рукописями и с восточными фондами библиотеки Московского университета.²⁰⁰

В феврале 1842 г. министр народного просвещения разрешает напечатать в типографии университета дипломную работу П.Я.Петрова. Это санскритский текст и перевод «Ситаранама» («Похищение Ситы»), подготовленный им еще в 1837 г.²⁰¹ С приобретением для университета в 1843 г. санскритского шрифта деванагри из Берлина появилась возможность печатания научных текстов и работ казанских санскритологов. В 1844 г. П.Я.Петров опубликовал санскритский текст с предисловием и грамматическим разбором лирической поэмы «Гхата-Карпарам» («Разбитый сосуд»).²⁰²

В казанский период научно-педагогической деятельности П.Я.Петров подготовил и издал в 1846 г. первую в истории

¹⁹⁷ НА РГ. Ф.92. Оп.1. Д.5181. Л.10—10 об, 20—20 об.

¹⁹⁸ Там же. Л.48—52.

¹⁹⁹ Там же. Л.34—41.

²⁰⁰ Петров П.Я. Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском музее в С.-Петербургской академии наук // ЖМНП.—Т. XII.—1836.—С.194—198; Его же. Обзорение арабских, персидских и турецких рукописей, находящихся в библиотеке Императорского Московского университета // ЖМНП.—Т. XIII.—1837.—С. 549—555.

²⁰¹ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5181. Л. 17; История отечественного востоковедения до середины XIX века.—М., 1990.—С. 336.

²⁰² Петров П.Я. Гъата-карпарам или Разбитый сосуд: Лирическая поэма.—Казань, 1844.

русской санскритологии и индологии «Санскритскую антологию».²⁰³ В марте 1845 г. П.Я.Петров писал А.А.Кунику: «Печатание моей антологии идет очень медленно и я не надеюсь скоро его окончить. Если же Вам угодно будет сделать какие-нибудь замечания касательно плана, то будьте уверены, что я приму их с величайшею благодарностью. Впрочем, я сам уже несколько изменил его, потому что не вижу причины увеличивать объем своей книги, перепечатывая тексты уже изданные в Германии. Словарь стоит мне чрезвычайных усилий, ... я надеюсь приготовить его к концу года».²⁰⁴ В Казани пионером отечественной санскритологии были опубликованы и оригинальные статьи, посвященные истории и культуре Индии.²⁰⁵

Все эти годы П.Я.Петров оставался только исправляющим должность адъюнкта санскритской словесности. Эпистолярное наследие П.Я.Петрова, относящееся казанскому периоду, подтверждает то, что он тяготился своим положением. П.Я.Петров жаловался в письмах на бесконечные препятствия и плохое здоровье, писал о трудностях и хлопотах, трудах и издержках.²⁰⁶

В июне 1851 г. декан историко-филологического факультета К.Фойгт в своем донесении попечителю Казанского учебного округа ходатайствовал о представлении П.Я.Петрова к исправляющему должность экстраординарного профессора кафедры санскритской словесности. Оценивая деятельность П.Я.Петрова, декан факультета писал: «Назначение русского санскритолога превосходно отвечало частной и общей цели историко-филологического факультета; выбор был тем удачнее, что г. Петров сверх того соединял в себе основательное

²⁰³ Петров П.Я. Санскритская антология. Изд. исправ. должность адъюнкта П.Петрова.—Казань, 1846.

²⁰⁴ А РАН в Петербурге. Ф. 95. Оп. 2. Д. 683. Л. 1.

²⁰⁵ Петров П.Я. О священной литературе народов Загангесской Индии // ЖМНП.—1841.—Ч. 31.—№ 7; Петров П.Я. О свойствах и составе санскритского языка // ЖМНП.—1842.—Ч. 33; Петров П.Я. О духовной литературе индусов // ЖМНП.—1845.—Ч. 48.—№ 11; Петров П.Я. О музыке древних индусов // С.-Петербургские ведомости.—1849.—№ 18.

²⁰⁶ А РАН в Петербурге. Ф. 95. Оп. 2. Д. 683. Л. 1 об., 3, 5—6.

знание многих других восточных языков и главнейших европейских, и этот обширный запас сведений был довершен истинно-редким трудолюбием».²⁰⁷

В апреле 1850 г. П.Я.Петров подает прошение управляющему Казанским учебным округом Н.И.Лобачевскому с просьбой ходатайствовать перед министерством народного просвещения об увольнении в связи «с телесными и душевными страданиями».²⁰⁸

Историк науки А.С.Шофман, оценивая роль востоковеда П.Я.Петрова, писал: «Преподавательская деятельность Петрова продолжалась 34 года и принадлежала двум русским университетам: Казанскому и Московскому. Талантливый востоковед был одним из пионеров в области внедрения санскрита в университетском преподавании. Он указал пути изучения санскрита, которым следовали затем Кассович в Петербурге, Боллензен в Казани, В.И.Шерцль в Харькове».²⁰⁹

В январе 1852 г. П.Я.Петров был переведен адъюнктом кафедры восточных языков Московского университета.²¹⁰ С февраля 1852 г. ординарным профессором на кафедру санскритского языка университета был назначен Ф.Ф.Боллензен.²¹¹

Во второй половине XIX — начале XX вв. учебная и научная традиция изучения санскритологии в Казанском университете была сохранена.

В июне 1853 г. ординарный профессор В.Григорович предложил «ввести в круг наук историко-филологического факультета преподавание санскритского» языка.²¹² Он писал: «Обратив внимание ученых на усиливающуюся связь исторического исследования языков с сравнительным, осмеливаюсь предложить мнение свое о возможном поощрении филологических наблюдений. Историко-филологический факультет, усиливая постепенно познание языков, тем самым внушает

потребность следовать за успехами теории их, основанной на методе сравнительной грамматики индоевропейских языков. Изучение ее кажется мне, будет облегчено, если его сопровождать будет ознакомление с главным языком индоевропейского круга».²¹³

В 1854—1855 гг. обсуждался вопрос о сохранении кафедры санскритского языка с ординарным профессором Ф.Ф.Боллензеном, присоединив ее к разряду общей словесности историко-филологического факультета университета.²¹⁴ Ф.Ф.Боллензеном были представлены «Программы преподавания санскритского языка в историко-филологическом факультете». Преподавание санскрита он планировал начать со второго курса словесного разряда. Ученый в декабре 1854 г. писал: «Я полагаю первоначально занимать студентов элементарным учением, чтобы сколь возможно скорее приступить к разбору короткого и простого текста и познакомить слушателей с синтаксическим значением форм. В 3-м курсе начинается собственно преподавание сравнительной Грамматики санскритского языка при разборе одного из древних сказаний. Наконец в 4-м будут преподаваться теория корней, словопроизводство, разбор некоторых важных гимн Ригведы...»²¹⁵

В мае 1856 г. в Министерство народного просвещения было направлено представление попечителя Казанского учебного округа об оставлении кафедры санскритского языка с присоединением ее «к предметам историко-филологического факультета и с включением ее в число штатных кафедр» университета. В ответе министерства было указано, что кафедра санскритского языка была учреждена «собственно для полного развития изучения восточных языков, то, за упразднением в сем университете отделения таковых языков, Его Высочайшее превосходительство не считает себя вправе дать разрешение на оставление означенной кафедры при университете...»²¹⁶

²⁰⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 644. Л. 6 об.

²⁰⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5181. Л. 60.

²⁰⁹ Шофман А.С. Русский санскритолог П.Я.Петров // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 3.—М., 1960.—С.146.

²¹⁰ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 644. Л.1.

²¹¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 676. Л.1—2.

²¹² НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 702. Л.2.

²¹³ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 702. Л. 2.

²¹⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 726. Л. 64; НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 750. Л. 1.

²¹⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 726. Л. 65—65 об.

²¹⁶ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 750. Л. 3—3 об.

В связи с этим профессору Ф.Ф.Боллензену планировалось другое назначение или увольнение от службы.

В дальнейшем направление преподавания санскрита прослеживается в педагогической и научной деятельности представителей Казанской лингвистической школы: Бодуэна де Куртенэ, Крушевского, Богородицкого и др. Например, в одном из писем Ламанскому Бодуэн де Куртенэ от 19 октября 1875 г. писал: «Буду читать 1) введение в языковедение — 1 час в неделю, 2) сравнительную грамматику санскритского (древне-индийского), литовского и славянского языков — 2 часа в неделю».²¹⁷ Они читали курсы сравнительной грамматики и санскрита по отделам классической филологии и славяно-русской филологии на историко-филологическом факультете. В этот период изучение санскрита было подчинено и стало вспомогательной дисциплиной общего языкознания и сравнительной филологии.²¹⁸

ГЛАВА IV

ПРЕПОДАВАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧ. XX ВВ.

Перевод «Восточного разряда» историко-филологического факультета Казанского университета в 1854—1855 гг. и мероприятия по централизации изучения Востока в С.-Петербурге повлияли на характер и объем преподавания восточных языков и направления исследовательской работы представителей «казанского ориентализма» во второй половине XIX — нач. XX вв. Университетское востоковедение как самостоятельная организационная форма официально перестало существовать. Тем не менее в конце XIX — начале XX вв. предпринимались меры по воссозданию востоковедных кафедр и преподаванию восточных языков.

В 60—80-х гг. XIX в. указом Александра II с 1861/1862 учебного года в Казанском университете для «желающих» студентов было введено преподавание арабского и турецко-татарского языков. «Общий устав императорских российских университетов» (1863 г.) в составе историко-филологического факультета университета допускал кафедру сравнительного языковедения и санскритского языка, а устав 1884 г. наряду с этой кафедрой включал кафедру тюркских языков с двумя экстраординарными профессорами. В 1885 г. приказом министра народного просвещения И.Д.Делянова на историко-филологическом факультете Казанского университета было введено «необязательное преподавание тюркско-татарских и финских наречий». В 1916 г. измененный устав университетов сохранил в штатах Казанского императорского университета

²¹⁷ Архив РАН в Петербурге. Ф. 35. Оп. 1. Д. 240. Л. 13.

²¹⁸ НА РГ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1370. Л. 4; НА РГ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1642. Л. 1—5.

должности экстраординарных профессоров восточных языков.²¹⁹

Это переломное событие в казанском университетском востоковедении было отмечено в ряде работ, посвященных отечественной ориенталистике. Биограф Н.Ф.Катанова тюрколог С.Н.Иванов отмечал, что «значение Казанского университета как востоковедного центра заметно упало» и «преподавание восточных языков в Казани и научная работа в области востоковедения не имели непрерывной традиции».²²⁰ В работе «Ближний Восток в русской науке и литературе: Дооктябрьский период» историк науки Б.М.Данциг заключал: «После закрытия Восточного разряда Казанского университета научное изучение Востока в Казани по существу прекратилось».²²¹

В работах по истории российского востоковедения, в том числе казанской школы востоковедов второй половины XIX — начала XX веков, опубликованных в 1980—90-х гг., заметен более взвешенный подход к роли и значению востоковедных исследований в Казани. Например, историк С.М.Михайлова отмечает: «Перевод Восточного разряда Казанского университета в Петербург, конечно же, серьезно ослабил позиции казанского востоковедения, однако не смог остановить его развитие».²²² Она обратила внимание на значимость деятельности В.В.Радлова, Н.Ф.Катанова, И.А.Бодуэна де Куртенэ, Ш.Марджани, К.Насыри, М.Г.Махмудова, Ш.Ахмерова, И.Ф.Готвальда и других. В «Истории отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года» подчеркивается: «Тем не менее продолжавшееся в Казани изучение ряда востоковедных дисциплин заслуживает внимания. Поздняя школа казанского востоковедения, практически не получившая освещения в научной литературе, внесла значительный вклад

²¹⁹ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.—1917 г.).—СПб., 1994.—С. 217—218.

²²⁰ Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов (Очерк жизни и деятельности). 2-е изд.—М., 1973.—С. 33.

²²¹ Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе: Дооктябрьский период.—М., 1973.—С. 360.

²²² Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России (XIX век).—Казань, 1991.—С. 200.

в изучение Востока, несмотря на отличавший ее миссионерский исламоведческий подход».²²³

Оригинальные материалы свидетельствуют, что существовавшие объективные историко-географические и социокультурные условия, а также научно-исследовательские традиции, заложенные в первой половине XIX века, обеспечили устойчивое преемственное развитие востоковедения в Казани во второй половине XIX — первые десятилетия XX вв. В этом процессе важную роль играл Казанский университет. К сожалению, после «легкомысленного уничтожения» (В.В.Бартольд) Восточного разряда Казанского университета востоковедение как предмет университетского преподавания и науки в Казани уже не имел полноправного статуса по сравнению с другими ориентальными центрами России.²²⁴

В 60—80-х гг. XIX в. Министерство народного образования пыталось восстановить казанское научное востоковедение некоторыми организационными мероприятиями в университете. Эти новации прежде всего коснулись введения преподавания арабского, персидского, турецко-татарского и финно-угорских языков на историко-филологическом факультете.²²⁵ Практика преподавания восточных языков только

²²³ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года.—М., 1997.—С. 35.

²²⁴ Азиатский музей-Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.—М., 1972; Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения.—М., 1973; Григорцевич С.С. Из истории отечественного востоковедения (Владивостокский восточный институт в 1899—1916 гг. // Советское востоковедение.—1957.—№ 4.—С. 131—140; Данциг Б.М. Русские путешественники на Ближнем Востоке.—М., 1965; Его же. Изучение Ближнего Востока в России (XIX — начало XX в.).—М., 1968; Его же. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года.—М., 1997; Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики.—М.-Л., 1950; Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.—1917 г.).—СПб., 1994; Лукин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историографический очерк.—Ташкент, 1979; Московское востоковедение: Очерки, исследования, разработки. Памяти Н.А.Иванова.—М., 1997 и др.

²²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 48. Д. 91. «Дело о ревизии министром народного просвещения ун-та и др. учеб. заведений Казанской, Нижегородской и Владимирской губ.; о введении преподавания восточных языков в Казанском

«для желающих» в 80-х гг. XIX — начале XX вв. не позволила полностью возродить уникальное комплексное историко-филологическое и источниковедческое наследие казанского университетского востоковедения. Преподаватель восточных языков в звании экстраординарного профессора Н.Ф.Катанов в 90-х гг. XIX в. — начале XX в. наиболее полно ощутил в своей педагогической деятельности отсутствие статуса востоковедения как предмета университетского преподавания и науки. С его именем будет связано несколько проектов возрождения востоковедения в Казани.

По итогам ревизии министра народного просвещения была поставлена задача введения преподавания для желающих в Казанском университете с начала 1861/62 академического года арабского и турецко-татарского языков. Кроме того, в официальной инструкции было предложено, чтобы для «достижения возможно большего успеха от введения в Казанском университете преподавания восточных языков, изучение их было сделано обязательным для тех из студентов, которые уже обучались в гимназиях: Оренбургской, Астраханской и Первой Казанской, с назначением для них стипендии».²²⁶

В 60-х — начале 70-х гг. XIX в. преподавание арабского и персидского языков, чтение курсов «История аравитян» и «История персидского государства от завоевания Персии арабами и введения исламизма до настоящей, современной эпохи» вел бывший воспитанник Первой Казанской гимназии и «Восточного разряда» университета И.Н.Холмогоров (1818—1891). В эти же годы в университете до перехода в 1872 г. на должность директора Казанской инородческой учительской семинарии читал курс турецко-татарского языка известный

университете, о списании недоимки с типографии университета. 21 июля 1860 — 13 ноября 1861 г.» 151 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7754. «О восстановлении в Казанском университете преподавания восточных языков и об определении преподавателями Холмогорова и Ильминского от 1 октября 1860 г.» 48 лл.; НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1249. «Об учреждении кафедры финско-тюркских наречий, о назначении лектором по этой кафедре приват-доцента В.В.Радлова и о представлении ему 15 печатных листов в «Ученых записках» университета для помещения его научных работ. 30.03.1883 — 27.04.1884 гг.» 11 лл.

²²⁶ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 807. Л. 2—2 об.

востоковед и миссионер Н.И.Ильминский (1822—1891). Отчеты И.Н.Холмогорова и Н.И.Ильминского дают полное представление о методике изучения языков мусульманского Востока, учебных пособиях и других учебно-методических новшествах. Профессор И.Н.Холмогоров считал «необходимым ознакомить слушателей... с употребительными у мусульман..., в арабской письменности — почерками древними и новыми...», руководствовался «в чтении, письме и арабской грамматике по известным творениям Сильвестра де Саси, Эвальда, Розенмюллера и других ученых», читал «Историю аравитян» и т.д. Экстраординарный профессор Н.И.Ильминский писал, что «предмет турецко-татарской кафедры... разрабатывать... сообразно с нынешним направлением и приемами языкознания, можно не иначе как сравнительно чрез анализ точных и подлинных фактов представляемых письменными памятниками древними и новыми и изустною речью тюрков разных племен», «центральный наречием и основанием в исследовании и изучении Турецко-татарского языка избираю так называемое наречие Джагатайское...», в наступившем семестре (январь, 1862 г. — Р.В.) я буду... читать сочинения Мир Алишера, Бабера, Рабгузи и Абулгази» и т.д.²²⁷

Преподаватели восточных языков университета столкнулись с проблемой отсутствия слушателей и острой необходимостью пополнения библиотеки рукописными сочинениями и изданиями мусульманской печати. В своем прошении И.Н.Холмогоров от 19 августа 1861 г. просил вернуть арабские, персидские и турецкие сочинения из Санкт-Петербургского университета, которые «... окажутся дублетами одного и того же творения, а равно и дублетов печатных сочинений по части истории, литературы и юриспруденции мухаммеданского Востока, также дублетов куфических, Золотой Орды и др. мусульманских монет, принадлежавших некогда Казанскому университету».²²⁸ И.Н.Холмогоров и Н.И.Ильминский в своем представлении от 15 марта 1862 г. для того, «чтобы следить за современным состоянием мусульманских языков и ча-

²²⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 807. Л. 4; Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 775. Л. 57; Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 810. Л. 5—5 об.

стью за явлениями политической жизни мусульманских держав», просили выписать газеты: «Джадеи-хавадис» (Константинополь), «Рузнамэ-Вакиги-иттифакии» (Тегеран) и «Ахбару-заман» (Бейрут).²²⁹ Н.И.Ильминский в связи с отсутствием слушателей по курсу турецко-татарского языка писал: «Залог будущего положения и процветания тюркской филологии в здешнем Университете — в слушателях арабского и турецко-татарского языка. Но из трехсот студентов здешнего Университета никто не заявил желания научно заниматься восточными языками». ²³⁰ В последующие десятилетия XIX — начала XX вв. подобное положение с преподаванием восточных языков в университете будет сохраняться.

Продолжением традиции научных путешествий на зарубежный Восток преподавателей разряда восточной словесности Казанского университета стала командировка И.Н.Холмогорова в Персию. Совет Казанского университета 20 декабря 1866 г. рассмотрел вопрос о командировании преподавателя арабского языка И.Н.Холмогорова «за границу с ученой целью в Персию на срок с 1 апреля 1867 г. по 1 апреля 1868 года». ²³¹ Эту поездку по значимости можно поставить в один ряд с известными путешествиями по Ближнему и Среднему Востоку в 1842—1845 гг. выпускников Казанского университета И.Н.Березина и В.Диттеля. Во время своего путешествия И.Н.Холмогоров писал: «...все лето провел в Закавказьи над изучением диалектов талышинского и тат(ского).; прошел путь менее посещаемый, именно от Астрабада к западу через Сари..., пройдя Деливендские горы» и приобрел для Казанского университета разнообразные рукописные и печатные издания, а также этнографические и нумизматические источники. ²³² Интересными являются его путевые заметки, изложенные в письмах в адрес Совета Казанского университета. Они затрагивают современное политическое и культурное состояние Персидского государства эпохи Каджарской династии. Путешественник писал: «Телеграфное сообщение суще-

ствует лишь от Тегерана к Тифлису; оно продолжилось и к Астрабаду, но персияне постоянно обрывают проволоки, думая видеть здесь посягательство русских на счет Персии». Далее он отмечал, что «путешествие по Персии крайне затруднительно, сколько по фанатизму народонаселения, столько же и по какой-то запустелости края» и особо выделял тот факт, что «...археологические находки в Персии становятся год от году реже и что иностранные ученые не жалеют средств для их приобретения, равно как и рукописей; зная это, персияне выжидают покупателей и запрашивают очень большие цены...». ²³³

В конце 60-х — начале 70-х гг. XIX в. в связи с уходом в отставку И.Н.Холмогорова (1868) и назначением Н.И.Ильминского директором Казанской учительской семинарии (1872) преподавание мусульманских языков в университете было временно прекращено. ²³⁴ Основная причина заключалась не только в уходе университетских преподавателей восточных языков. Как справедливо отмечал И.А.Бодуэн де Куртенэ в 1883 г.: «Это произошло вероятно вследствие, с одной стороны, невыгодного положения самих преподавателей, представлявших нечто среднее между лектором и профессором и лишенных возможности рассчитывать на ординатуру, с другой же стороны, вследствие того, что преподаваемые ими предметы были для всех студентов необязательными и поставленными, так сказать, между небом и землею». ²³⁵

В январе 1871 г. Н.И.Ильминский зачитал доклад на историко-филологическом факультете, в котором обосновал необходимость приглашения В.В.Радлова «на имеющуюся в Казанском университете вакансию одного из положенных по штату двоих преподавателей восточных языков». ²³⁶ Основная часть доклада была посвящена описанию научных поездок В.В.Радлова по Алтаю (1860), Восточной киргизской степи (1862), Хака-

²²² НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 864. Л. 3—12.

²²³ Там же. Л. 7—13 об.

²²⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 897. «Об увольнении от службы магистра Холмогорова. 22.05.1868 — 22.01.1871 гг.» 22 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10685. «О назначении экстраординарного профессора Казанского университета Ильминского директором открываемой в Казани учительской семинарии от 3 июля 1872 г.» 10 лл.

²²⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1249. Л. 1—1 об.

²²⁶ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 897. Л. 22.

²²⁸ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 807. Л. 4 об.

²²⁹ Там же. Л. 12.

²³⁰ Там же. Л. 10 об.—11.

²³¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 864. Л. 1.

сии (1863) и Семиречью (1868—1869) и оценке его основных лингвистических, фольклорных, этнографических работ.

Н.И.Ильминский отмечал: «Я перечислил труды г. Радлова далеко не обстоятельно и не все, потому что не имею под руками полных к тому данных. Но полагаю, что и вышенаписанного достаточно для убеждения в научных достоинствах его работ и в его ученом призвании. Со своей стороны могу смело утверждать, что по богатству, основательности и разнообразию знания в тюркских наречиях, приобретенного притом из первичных, непосредственных источников, — г. Радлов не имеет себе равных».²³⁷ Этот материал — яркое свидетельство неоднократных встреч Н.И.Ильминского в 60-х гг. XIX в. с В.В.Радловым в период его алтайской деятельности в 1859—1871 гг. Тюрколог Н.И.Ильминский особо подчеркивал тот факт, что «в последнее... свидание мое с г. Радловым он мне между прочим высказал, что теперь Барнаул не может уже служить удобным местом для его лингвистических экскурсий, потому что почти все тюркские наречия Сибири и соседственных с нею местностей им обследованы, — по ходу его занятий, поле его изысканий должно переступить по сю сторону Урала...».²³⁸

В докладе Н.И.Ильминским была высказана идея о передаче В.В.Радлову турецко-татарской кафедры. При этом докладчик просил оставить за ним преподавание арабского языка в университете. В конце своего доклада Н.И.Ильминский писал: «Масса наречий и подречий тюркских в европейской России нашла бы в г. Радлове неумолимого и опытного исследователя. Работы ему еще много даже по собиранию материалов, а затем он имеет в виду составить сравнительный лексикон для тюркских наречий и наконец сравнительную грамматику их».²³⁹ В 1884 г. член-корреспондент Академии наук Н.И.Ильминский (с 1871 г.) открывшуюся вакансию ординарного академика по части ориентализма уступил В.В.Радлову.²⁴⁰ А.Н.Кононов, обращаясь к казанскому периоду жизни

В.В.Радлова (1878—1884), отмечал, что «жизнь в Казани, в одном из главных центров научного языкознания тогдашней России, участие в кружке И.А.Бодуэна де Куртенэ не могли не пробудить у Радлова интереса к проблемам общего языкознания, которые, однако, он неизменно рассматривал через призму хорошо известного ему тюркского лингвистического материала».²⁴¹

В 80-х гг. XIX в. обозначился новый этап в преподавании учебных востоковедных дисциплин в университете и в целом в развитии востоковедения в Казани. Этот важный и интересный многими оригинальными материалами период продолжался до 20-х гг. XX в. В эти годы исключительную роль в возрождении востоковедения в университете сыграли — И.Ф.Готвальд (1813—1897), В.В.Радлов (1837—1918), Н.В.Крушевский (1851—1887), И.А.Бодуэн де Куртенэ (1845—1829), М.П.Веске (1843—1890), Н.Ф.Катанов (1862—1922), Н.И.Андерсон (1845—1905), В.А.Богородицкий (1857—1941), И.Н.Смирнов (1856—1904), Н.И.Ашмарин (1870—1933), Н.В.Никольский (1878—1961), Я.Г.Калима (род. в 1884 г.) и другие. С их именами связаны востоковедные исследования в Казани в конце XIX — первых десятилетиях XX вв. и тесные научные контакты с российскими и зарубежными востоковедами.

У истоков воссоздания востоковедческих кафедр Казанского университета в середине 80-х гг. XIX в. — угро-финской и турецко-татарской филологии стоял профессор И.А.Бодуэн де Куртенэ. В марте 1883 г. И.А.Бодуэн де Куртенэ обратился с представлением руководству историко-филологического факультета. Он писал: «В Казанском университете полагаются по уставу две кафедры восточных языков. Устанавливая эти кафедры, законодатель имел в виду исключительные условия, в которые поставлен наш университет, как самый восточный и, вследствие этого, долженствующий служить посредником между русскою наукой и между образованностью инородческих племен тюркско-финской отрасли. И действительно, которому же из высших учебных заведений России быть подобным посредником, если не Казанскому университету?

²³⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 897. Л. 22.

²³⁸ Там же. Л. 22.

²³⁹ Там же. Л. 22 об.

²⁴⁰ Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Докладный период. 2-е изд.—М., 1989.—С. 103—104.

²⁴¹ Кононов А.Н. В.В.Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. 1971.—М., 1972.—С. 12.

Это взгляд на Казанский университет вовсе не новость. Ведь раньше существовал здесь целый восточный факультет, только по частным соображениям и недоразумениям перенесенный в Петербург. Для сохранения ... за Казанским университетом его восточной миссии, после сокращения его на полный восточный факультет, в нем были основаны две упомянутые кафедры восточных языков».²⁴² Одна из главных идей профессора И.А.Бодуэна де Куртенэ заключалась в развитии финско-тюркской филологии, «которая дала бы Казанскому университету возможность стать во главе лингвистическо-этнографических исследований восточных областей России».²⁴³ Возглавить кафедру «языков тюркских» Казанского университета он предложил В.В.Радлову, который в казанский период научной и административной деятельности занимал пост инспектора татарских, башкирских и киргизских (точнее казахских) школ Казанского учебного округа.²⁴⁴

²⁴² НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1249. Л. 1.

²⁴³ Там же. Л. 2.

²⁴⁴ В Национальном архиве Республики Татарстан сохранился уникальный источниковедческий материал, характеризующий казанский период научной и общественной деятельности востоковеда-тюрколога В.В.Радлова См.: НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10290. «Об учреждении при управлении Казанского учебного округа должности инспектора татарских, башкирских и киргизских школ и об определении на эту должность Радлова от 10 марта 1871 г.» 34 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10908. «О командировании инспектора татарских, башкирских и киргизских школ Радлова за границу для осмотра учебных заведений от 7 ноября 1872 г.» 11 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10967. «Об инородческих училищах Казанского учебного округа от 22 февраля 1872 г.» 97 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10972. «О татарских школах по донесению инспектора татарских, башкирских и киргизских школ Радлова от 12 апреля 1872 г.» 32 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11513. «О татарских школах по донесению инспектора татарских, башкирских и киргизских школ Радлова от 6 января 1873 г.» 32 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11933. «О татарских школах, башкирских и киргизских школ Радлова. 24 октября 1874 г.» 35 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11938. «О передаче в ведение Министерства народного просвещения башкирских, киргизских и татарских школ. 18 декабря 1874 г.» 160 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12347. «О татарских школах Казанского учебного округа по донесениям инспектора Радлова. 8 февраля 1875 г.» 86 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12722. «О татарских школах Казанского учебного округа по донесениям инспектора Радлова. 5 февраля 1876 г.» 14 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 15128. «О назначении помощника к инспектору татарских школ Радлову. 19 апреля 1882 г.» 6 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 15539. «О недоразумениях, возникших вследствие циркуляра инспектора татарских школ Радлова указным муллам г. Казани. 10 февраля 1883 г.» 45 лл. и др.

В.В.Радлов согласился на переход в университет в марте 1883 г. и заявил И.А.Бодуэну де Куртенэ, что «его побуждает к этому главным образом желание, освободившись от разных занятий чисто административного характера, совершенно отвлекающих его от науки, посвятить себя всецело своей специальности, а в частности, кроме преподавательской деятельности, постепенной окончательной обработке и изданию собранных им материалов и основанных на них трудов».²⁴⁵

25 апреля 1884 г. историко-филологический факультет принял решение ходатайствовать перед Советом Казанского университета: «1) об учреждении кафедры... финско-тюркских наречий, 2) о дозволении г. Радлову чтения в звании приват-доцента по означенной кафедре в будущем учебном году, и 3) о представлении г. Радлову 15 печатных листов в ученых записках Каз. у-та для его ученых работ».²⁴⁶ В июне 1883 г. комиссия историко-филологического факультета, созданная для окончательного обсуждения вопроса «о введении преподавания... в университете восточных языков», предложила в качестве «необязательных предметов курсы «тюркско-татарских наречий» и «финских наречий», а также присоединив «обозрение истории и этнографии племен, живущих в империи и говорящих на этих наречиях».²⁴⁷ Избрание В.В.Радлова ординарным академиком по литературе и истории азиатских народов (июнь 1884 г.) помешало осуществлению перспективных мероприятий в университете по преподаванию восточных языков, в частности тюркских. Возрождение традиции тюркологических исследований в университете началось только через десять лет и будет связано с именем выпускника арабско-персидско-турецко-татарского разряда факультета восточных языков Петербургского университета Н.Ф.Катанова.²⁴⁸

²⁴⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1249. Л. 3 об.

²⁴⁶ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1249. Л. 7.

²⁴⁷ Там же. Л. 10.

²⁴⁸ Гордлевский В. А. Памяти Н.Ф.Катанова. 1862—1922 // Новый Восток. —Кн. 1.—М., 1922.—С. 448—451; Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов. Очерк жизни и деятельности. 1862—1922).—М.-Л., 1962; Исхаков Г.И. Тюркологическая деятельность профессора Казанского университета Н.Ф.Катанова (1862—1922) // Проблемы тюркологии и истории русского востоковедения. Тезисы докладов и сообщений на межвузовской научной конференции, посвященной 40-летию ТАССР (6, 7, 8 июня 1960 года).—Казань, 1960.—С. 87—90.

В конце 80-х гг. XIX в. началось преподавание финно-угорских языков в университете, связанное с педагогической деятельностью лектора эстонского языка Дерптского университета доктора философии М.П.Веске. Он был назначен благодаря содействию В.В.Радлова и И.А.Бодуэна де Куртенэ преподавателем Казанского университета приказом Министра народного просвещения 8 февраля 1886 г.²⁴⁹ В период 1887—1890 гг. М.П.Веске преподавал финские наречия. Тема его вступительной лекции, прочитанной 3 сентября 1887 г., была сформулирована следующим образом: «О значении и успехах финнологии».²⁵⁰ Он был представителем Лейпцигской лингвистической школы в казанском востоковедении, получившим европейскую подготовку по сравнительно-историческому языкознанию. Научная и преподавательская деятельность М.П.Веске в Казани будет связана уже с новым этапом развития финно-угроведения, когда наметилось сближение методов исследования финно-угорских языков со строгими

²⁴⁹ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1363. «О назначении лектора эстонского языка Дерптского университета доктора Веске преподавателем финских наречий в Казанский университет. 23.02.1886 — 24.08.1887 гг.» 13 лл. Архивные материалы позволяют уточнить биографию М.П.Веске. Он родился в 1843 г. в крестьянской усадьбе волости Гольстферсгоф Лифляндской губернии. Закончил Дерптскую гимназию (1866), учился в миссионерском доме в Лейпциге с целью последующей деятельности среди «Ост-Индийских язычников». С 1867 г. стал вольным слушателем Лейпцигского университета, где слушал предметы — немецкую грамматику и историю литературы, историю немецкой культуры, новейшую историю, начала санскритского языка, объяснение санскритских текстов, объяснение гимнов Ригведы, объяснение Бхагавад-гиты, начала Зендского языка, начала сравнительного языковедения, арабскую грамматику с упражнениями, письмо и язык древних египтян, историю древнего Египта, введение в философию и логику и многие другие. В 1870 г. был приглашен Максом Мюллером в Англию для помощи ему в издании санскритских памятников, которая не осуществилась. В 1872 г. защитил диссертацию на тему «Исследования по сравнительной грамматике финских наречий». Планировал поехать в С.-Петербург, чтобы «продолжать теоретические занятия финским языком и приобрести практические познания в русском языке». В сентябре 1874 г. был избран лектором эстонского языка в Дерптский университет. В период работы в университете совершал научные поездки в эстонские приходы, в 1880 г. в Финляндию. В 1885 г. был командирован в Венгрию «для исследования мадьярского языка» и должен был совершить поездку на Волгу и Урал для изучения «восточно-финских языков». В Казань прибыл 10 августа 1887 г. и работал в университете до 1890 г.

²⁵⁰ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1363. Л. 12.

методами сравнительно-исторического индоевропейского языкознания.²⁵¹ В казанский период научно-педагогической деятельности им был опубликован ряд работ, посвященных актуальным проблемам финно-угроведения.²⁵²

Казанские университетские угро-финноведы М.П.Веске и И.Н.Смирнов в 80-90-е гг. XIX в. совершили научные этнографические поездки в Нижегородскую и Симбирскую губернии (М.П.Веске) и Вятскую, Пермскую, Нижегородскую и Пензенскую губернии (И.Н.Смирнов).²⁵³

М.П.Веске в своем отчете о результатах этнографической поездки, совершенной летом 1889 г., обобщая посещение «западных черемис Козмодемьянского уезда» и «мордву-терюхан — Нижегородской и Симбирской губерний, писал: «...я занимался... собиранием текстов черемисских (песен — Р.В.), каких собрал более ста»; «подбирал лексикологический материал, обращая особенное внимание на термины, которыми обозначаются у черемисс различные явления окружающей их природы»; «Мордовский край я посетил в сопровождении учителя инородческой семинарии М.Е.Кобаева, природного мордвина»; «производили наблюдения над обрусевшей мордвой-терюханами. Терюхане в настоящее время только по костюму отличаются от русских, но от стариков (особенно в дер. Мокрой) мне удалось собрать несколько забытых еще ими мордовских слов...»; в уездах (Арзамасской и Сергачской) Нижегородской губернии и уездах (Ардатовской и Алатыр-

²⁵¹ Бубрих Д.В. Финно-угорское языкознание в СССР // Финно-угорский сборник. — Л., 1928. — С. 107—112; Насилов Д.М. Взгляды акад. Ф.И.Видемана и проф. М.П.Веске на урало-алтайскую проблему // Финно-угорские народы и Восток. Труды по востоковедению. IV. — Тарту, 1978. — С. 48—59; Смирнов И. М.П.Веске (Некролог) // Этнографическое обозрение. — 1890. — № 3. — С. 149—155.

²⁵² Веске М. Исследование о наречиях черемисского языка. Доктора М.Веске. 1. — Казань, 1889; Веске М. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. — Казань, 1890.

²⁵³ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1500. «О командировании проф. И.Смирнова и преподавателя финских наречий Веске в этнографическую экспедицию. 22.02.—25.05.1890г.» 5 лл.; Там же. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1530. «О командировании орл. проф. И.Н.Смирнова в губернии Нижегородскую, Пензенскую и др. для этнографических исследований мордвы и составления коллекции, характеризующей быт мордвы. 7.02.—25.05.1891 г.» 5 лл.

ской) Симбирской губернии «производил наблюдения над произношением мордовских звуков и собирал слова. Результатом этих наблюдений оказалась возможность отметить несколько еще неизвестных звуковых законов и факт существования в эрзя-мордовском наречии нескольких говоров»; «во время описанного путешествия мне удалось приобрести для факультетского музея женский мордовский костюм...» и т.д.²⁵⁴

В последней четверти XIX в. — 1920-х гг. в Казанском университете традиции отечественного финно-угроведения получили свое дальнейшее развитие. В середине 90-х гг. XIX в. — первых десятилетиях XX в. кафедра финно-угорских наречий Казанского университета замещалась Н.И.Андерсоном в 1894—1905 гг. и с 1917 г. Я.Г.Калима. С их именами связано преподавание финно-угорских наречий и исследование истории и культуры финно-угорских народов Поволжья и Приуралья.²⁵⁵

В феврале 1891 г. попечитель Казанского учебного округа предложил ректору университета рассмотреть прошение учителя Минской гимназии Николая Андерсона о предоставлении ему кафедры угро-финских языков и направил рекомендацию ираниста, экстраординарного академика (с 1889 г.) Академии наук К.Г.Залемана (1849—1916).²⁵⁶ В октябре — декаб-

²⁵⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1500. Л.2—3

²⁵⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1540. «Переписка в связи с прошением учителя Минской гимназии Андерсона о представлении ему кафедры угро-финских языков. 14.02.1891 — 25.08.1894 гг.» 34 лл.; Там же. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1706. «Об оставлении в университете после 25 летней службы преподавателя финских наречий Андерсона. 6.10.—16.10.1897 г.» 1 л.; Там же. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1973. «О кончине Андерсона. 7.04.1905 г.»; Там же. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2406. «По вопросу о наилучшем способе замещения вакансии на кафедре сравнительного языкознания, вообще о замещении вакантных кафедр и профессур, об избрании на кафедре угро-финских наречий Калима и на кафедру истории русской литературы Зеленина. 23.11.1915 — 22.11.1919 гг.»

²⁵⁶ К сожалению, в архивных делах мы не смогли обнаружить письмо-автограф академика К.Г.Залемана, которое было возвращено попечителю Казанского учебного округа. Прошения Н.Андерсона и письмо с рекомендацией К.Залемана изложены в протоколах Совета историко-филологического факультета университета. См.: НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1540. «Переписка в связи с прошением учителя Минской гимназии Андерсона о представлении ему кафедры угро-финских языков. 14.02.1891 — 25.08.1894 гг.». Л. 3—15.

ре 1891 г. кандидатура магистра сравнительного языковедения Н.И.Андерсона и его работы, связанные с сравнительно-историческим изучением финно-угорских и индоевропейских языков, были рассмотрены профессорами университета И.Н.Смирновым и А.И.Александровым. В декабре 1891 г. Совет Казанского университета сообщал попечителю учебного округа: «Историко-филологический факультет, принимая во внимание 1) недостаточную научность г. Андерсона в приделах и выводах как в области лингвистических, так и в области культурно-исторических исследований и 2) возможность найти более подготовленных кандидатов среди питомцев Гельсингфорского университета, если в этом будет надобность, — не считает возможным, на основании рассмотренной работы, поддержать просьбу г.Андерсона и рекомендовать его для замещения вакантной должности преподавателя финских наречий».²⁵⁷ Большинство преподавателей и профессоров факультета — Д.Ф.Беляев, А.И.Смирнов, Д.И.Нагуевский, Д.А.Корсаков, Ф.А.Курганов, И.Н.Смирнов, Ф.Г.Мищенко, В.А.Богородицкий и А.И.Александров на заседании факультета 22 ноября 1891 г. не нашли достойным Н.Андерсона «занять в нашем университете должность преподавателя финских наречий». Профессор С.Ф.Опацкий поддержал ходатайство ираниста К.Г.Залемана и просил пригласить Н.Андерсона на кафедру угро-финских языков. В ходе заседания профессор В.А.Богородицкий обращал внимание на то, что «он не разделяет затруднения проф. Опацкого. Если г.Залеман ничем себя не зарекомендовал в области угро-финской филологии, то этого никоим образом нельзя сказать о нашем почтенном сотоварище проф. И.Н.Смирнове. Ряд крупных монографий (Черемисы, 1889г.; Вотяки, 1890 г.; Пермь, 1891), вышедших из-под пера проф. Смирнова относятся именно к области угро-финской филологии и доставили ему известность среди русских финнологов».²⁵⁸

В марте 1893 г. Н.Андерсон в новой докладной записке на имя ректора Казанского университета с просьбой занять ка-

²⁵⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1540. Л. 20 об.

²⁵⁸ Там же. Л. 15.

федру угро-финских языков представил свою работу, посвященную сравнительной фонетике финских языков и опубликованную в 1893 г. в Санкт-Петербурге. В декабре 1893 г. отзывы на данное исследование написали профессора университета — В.А.Богородицкий и А.И.Александров.²⁵⁹ В своем заключении В.А.Богородицкий отмечал, что «тщательное монографическое исследование специального вопроса при возможно полном собрании материала, масса частных замечаний, рассеянных в труде, достаточная строгость при сопоставлении слов, состоящая в различении слов родственных и заимствованных, самостоятельность выводов, — все это сообщает интерес и значение труду г. Андерсона».²⁶⁰ Профессор А.Александров в своем отзыве замечал, что труд Н.Андерсона «представляет результат обширного и обстоятельного сравнительно-фонетического анализа 140 номеров примеров из области языков угро-финской группы с указанием в некоторых случаях сопоставления с татарским и отношении к русским словам — случаю финского влияния».²⁶¹

В январе 1894 г. магистр Н.Андерсон был утвержден преподавателем Казанского университета по финским наречиям и 7 мая 1894 г. прибыл в Казань.²⁶² 1 сентября 1894 г. он прочитал вступительную лекцию по курсу сравнительной грамматики угро-финских языков на тему: «Краткий обзор угро-финских племен и их взаимных отношений». Преподаватель финских наречий в звании экстраординарного профессора Н.И.Андерсон занимался научной и преподавательской деятельностью в университете вплоть до своей смерти весной 1905 г.²⁶³

В 1905—1917 гг. кафедра оставалась вакантной, хотя постоянно находились желающие получить место преподавателя

финно-угорских наречий.²⁶⁴ 20 апреля 1905 г. подал прошение лектор Юрьевского университета А.М.Герман, который просил зачислить его «кандидатом на открывшуюся должность преподавателя финских наречий с правами экстраординарного профессора».²⁶⁵

В апреле — мае 1905 г. известный языковед и профессор Санкт-Петербургского университета И.А.Бодуэн де-Куртенэ рекомендовал на должность преподавателя финских наречий Казанского университета магистра Гельсингфорского университета Оскара Калмаса.²⁶⁶ В мае 1911 г. И.А.Бодуэн де-Куртенэ вновь рекомендовал кандидатуру К.Рамстеда «на кафедру финнологии» на должность экстраординарного профессора финно-угорских языков в Казанском университете. В одном из своих писем профессору В.А.Богородицкому он писал: «Какова там профессорская среда? Не слишком ли напряжены взаимные отношения. Не слишком ли дает себя чувствовать т.н. «черносотенство» и узкий национализм? Как финну,

²⁶⁴ НА РТ. Ф.977. Оп.ИФФ. Д.1967. «Прошение Германа о назначении его преподавателем финских наречий. 26.08.1905 — 30.11.1906 гг.»; Там же. Ф.977. Оп.ИФФ. Д.2211. «Прошение Глея на должность преподавателя финских наречий. 1911 г.»; Там же. Ф.977. Оп.ИФФ. Д.2322. «Объявление конкурса на вакантное место по кафедре угро-финских наречий. 25.01.— 23.11.1913 г.»

²⁶⁵ Лектор эстонского языка Императорского Юрьевского университета Герман Август Михайлович родился 11 сентября 1851 г. в деревне Выхма Лифляндской губернии. Первоначальное образование получил в Оберпалене Лифляндской губ. В 1868—1869 гг. выдержал учительские экзамены и до 1871 г. был учителем приходской школы в Оберпалене. В январе 1871 г. получил должность учителя немецкого языка при Английской гимназии в Санкт-Петербурге, а также здесь преподавал французский язык. В 1875—1878 гг. был студентом богословского факультета Дерптского университета. В 1878—1880 гг. «слушал лекции в Лейпцигском университете: у Габеленца — китайского, манджурского и монгольского, у Лескина — церковно-славянского и южно-славянских языков, у Царнке — *privatissime* — по германским и у Флейшара — также *privatissime* — по еврейскому и арабскому языкам». В своем прошении обращал внимание о своих занятиях в Будапеште по угро-алтайским и угро-финским языкам «под руководством профессоров-академиков Буденца и Гунфальва». С 1889 г. работал лектором эстонского языка в Юрьевском университете. Герман А.М. в 1870—1890 гг. опубликовал научные и литературные сочинения по эстонской грамматике и литературе. См.: НА РТ. Ф.977. Оп.ИФФ. Д.1967. Л.1—2.

²⁶⁶ НА РТ. Ф.977. Оп.ИФФ. Д.1967. Л.3.

²⁵⁹ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1540. Л. 23—26 об., 27—28.

²⁶⁰ Там же. Л. 26—26 об.

²⁶¹ Там же. Л. 27.

²⁶² Там же. Л. 30—31.

²⁶³ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1973. Л. 2.

г. Рамстеду было бы неприятно попасть в общество, относящееся с презрением к «чухонцам» и прочим «нехристям».²⁶⁷ В связи с тем, что в сентябре 1905 г. был объявлен конкурс «для замещения кафедры финских наречий, допущением на настоящий конкурс и лиц, имеющих ученую степень магистра», в апреле 1906 г. подал прошение лектор немецкого языка Томского университета, магистр сравнительного языковедения Артур Глейе.²⁶⁸

В ноябре 1906 г. ординарный профессор В.А.Богородицкий сделал представление в историко-филологический факультет по вопросу о «замещении вакантной кафедры угро-финских наречий». Он писал: «...я должен сказать, что все его работы (А.Глейе — Р.В.) в совокупности никоим образом не дают ему основания выступать в качестве специалиста в области совершенно другого языкового семейства (угро-финского). В целях большей осмотрительности в важном вопросе о лучшем замещении кафедры угро-финской филологии в нашем университете, я обратился к известному профессору Гельсингфорского университета Микколе с просьбой высказать свое мнение о г. Глейе, равно как и его предшественнике по конкурсу — г. Германе, причем я указал и свою точку зрения по вопросу о научных требованиях от кандидата; я писал, что желательно иметь лицо не только с соответствующею подготовкою и владеющее в достаточной для преподавателя степени русским

²⁶⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 898. Оп.2. Д.12. Л.20.

²⁶⁸ Лектор немецкого языка Томского университета Глейе Артур Карлович родился 9 октября 1867 г. в г. Риге (Лифляндская губерния). В 1887 г. закончил классическую гимназию в г. Гольдингенге и поступил в 1888 г. в Дерптский университет. Также изучал германский и славянский языки в Юрьевском и Лейпцигском университетах. В 1893—1896 гг. прошел испытания на магистра и был удостоен степени магистра сравнительного языковедения Советом Юрьевского университета. В 1897—1900 гг. работал приват-доцентом по сравнительному языковедению в Императорском Новороссийском университете (с 3 марта 1897 г.) и преподавателем немецкого языка в Кутаисском реальном училище (8 августа 1897 — 31 декабря 1900 гг.). С 1 января 1901 г. был утвержден лектором немецкого языка Томского университета. Он был автором ряда работ, посвященных сравнительному языкознанию, которые были опубликованы в 1890—1900 гг. в Тифлисе, Гельсингфорсе и Будапеште. См.: НА РТ. Ф.977. Оп.ИФФ. Д. 1967. Л.11—13 об.

языком, но и обнаружившее склонность и умение исследовать живые финские языки, которыми богат наш край; в то же время я спрашивал проф. Микколу, не может ли он порекомендовать со своей стороны такого ученого. От проф. Микколы я получил вполне определенный ответ на мои запросы, являющийся вместе с тем до некоторой степени общим голосом крупных финнологов Гельсингфорса».²⁶⁹ Оценки профессора Гельсингфорского университета заключались в том, что «Глейе... вполне некомпетентный», а доктор «Герман вероятно хороший лектор эстонского языка, профессором финских языков он нигде не мог бы быть назначенным, у него нет лингвистически-научной подготовки». Эти характеристики сыграли основную роль в отклонении кандидатур по кафедре финских наречий А.М.Германа и А.К.Глейе. Своё представление профессор В.А.Богородицкий заканчивал словами: «Во всяком случае, лучше временно не иметь представителя кафедры, чем заместить ее лицом неподходящим, которое впоследствии будет служить лишь помехою к приглашению действительно достойного кандидата».²⁷⁰ Бесспорны роль и значение профессора В.А.Богородицкого, продолжавшего традицию своего учителя И.А.Бодуэна де Куртенэ в возрождении востоковедения в Казани.²⁷¹

В 1911—1915 гг. в связи с обращением А.К.Глейе в Казанский учебный округ (июнь, 1911 г.) и Министерство народного просвещения (декабрь, 1914 г.) профессора историко-филологического факультета вновь обсуждали его кандидатуру на вакантное место «преподавателя восточных языков в должности экстраординарного профессора».²⁷² В октябре 1911 г. по заключению декана историко-филологического факультета Д.И.Нагуевского и профессоров В.А.Богородицкого, М.М.Хвостова было определено: «Так как факультет не име-

²⁶⁹ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1967. Л. 16—16 об.

²⁷⁰ Там же. Л. 17.

²⁷¹ О научно-педагогической деятельности профессора В.А.Богородицкого см.: Памяти В.А.Богородицкого: К столетию со дня рождения. 1857—1957 // Сборник статей.—Казань, 1961.

²⁷² НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2211. «Прошение Глейе на должность преподавателя финских наречий. 1911 г.»

ет никаких новых данных для пересмотра вопроса о назначении г. Глейе преподавателем финских наречий, имевшего место 27 ноября 1906 г., то постановил просителю в ходатайстве отказать».²⁷³

В своем представлении заслуженный ординарный профессор В.А.Богородицкий писал 2 декабря 1911 г.: «Кафедра угрофинского языкознания была учреждена в Казанском университете главным образом с целью изучения живых угрофинских наречий и говоров, которыми так богат Волжско-Камский край и которые отчасти уже вымирают. Соответственно этому представителем нашей университетской кафедры угрофинского языкознания должно быть лицо, непосредственно знакомое с финскими языками и зарекомендовавшее себя в этой области хорошими трудами, особенно диалектологическими. Всем этим требованиям удовлетворяли прежние представители названной кафедры — профессора М.П.Веске и Н.И.Андерсон, из которых первый был особенно известен работами по угрофинской диалектологии, а второй — в области сравнительной фонетики тех же языков...»²⁷⁴ Заканчивая свое представление оценкой основных трудов А.К.Глейе, профессор В.А.Богородицкий отмечал, что «...автор проявил незнание с сравнительно-историческим методом, давно получившим уже свои применения в области угрофинского языкознания, г. Глейе не имеет ни одного исследования специально в области угрофинских языков (его магистерская диссертация относится к области индоевропейского, а не угрофинского языкознания). Ввиду всего сказанного я считаю совершенно невозможным видеть в г. Глейе лицо, которое имело бы право на замещение кафедры угрофинских наречий в нашем университете».²⁷⁵

В декабре 1914 г. — феврале 1915 г. историко-филологический факультет вновь отказал на занятие вакансии преподавателя угро-финского языкознания в Казанском университете А.К.Глейе, который обращался в разряд ученых учреждений и

высших учебных заведений Министерства народного просвещения. В «Проекте ответа о кандидатуре г. Глейе» профессор В.А.Богородицкий 10 февраля 1915 г. писал: «Ввиду сказанного, мнение г-на Глейе о том, что он является почти единственным в России ученым по исследованию угро-финских языков, должно считаться странным недоразумением, тем более, что г. Глейе не может не знать о том, что в Гельсингфорском университете существует строгонаучная школа финно-угорского языкознания, представители которой известны ценными исследованиями по своей специальности и даже издают специальные лингвистические журналы; кроме того, и в других университетах России можно назвать видных ученых (напр., академика А.А.Шахматова или проф. Харьковского университета А.Л.Погодина), сделавших научные вклады в область угрофинского языкознания. Что касается жалобы г-на Глейе на излишнюю суровость и пристрастность оценки его труда, сделанной историко-филологическим факультетом Казанского университета, то необходимо указать, что оценка эта нашла себе подтверждение в серьезной и не менее суровой рецензии приват-доцента Петроградского университета г. Фасмера (см. ЖМНП, 1913 г., янв.), который с очевидностью доказал отсутствие у г. Глейе элементарных познаний по сравнительно-грамматическому методу и неосведомленность г. Глейе в области угро-финского языкознания».²⁷⁶

В январе 1913 г. в связи с представлением преподавателя турецко-татарских наречий в звании экстраординарного профессора Н.Ф.Катанова заявления о необходимости возобновления конкурса на замещение вакантной кафедры угро-финских наречий состоялось заседание историко-филологического факультета университета. В обсуждении участвовали профессор факультета Н.М.Петровский, В.А.Богородицкий, Е.Ф.Будде и другие. Эти материалы имеют особое значение, поскольку именно в это время были предприняты попытки радикально изменить статус восточных языков и в целом востоковедения как учебной дисциплины в Казанском университете.

²⁷³ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2211. Л. 4.

²⁷⁴ Там же. Л. 10.

²⁷⁵ Там же. Л. 11.

²⁷⁶ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2211. Л. 19 об.—20.

В своем выступлении В.А.Богородицкий, оценивая положение востоковедов в университете, сообщал: «По действующему уставу представители кафедры угро-финских наречий носят звание преподавателей восточных языков в звании экстраординарного профессора и получают соответствующее содержание (2000 руб.); звания ординарного профессора они быть удостоены не могут, как не могут получать и содержания...» Он предложил, что «в связи с возобновлением конкурса на замещение... кафедры необходимо ходатайствовать об уравнении кафедры угро-финских наречий с другими кафедрами, существующими на историко-филологическом факультете, так чтобы представители кафедры угро-финских наречий, обладающие необходимыми учеными степенями, получили право на приобретение званий экстраординарного и ординарного профессора с присвоенным им содержанием». Далее известный языковед-филолог особо указывал: «...кафедра угро-финских наречий приобретает все большее значение для индо-европейского языкознания вообще и для русского языка и русской литературы в частности». В.А.Богородицкий и Н.М.Петровский отметили, что «учреждение полноправия кафедры угро-финских наречий именно в Казани имеет за себя чрезвычайно веские основания, так как Казанский край дает главный и обильный материал для финноведения».²⁷⁷

Ординарный профессор Е.Ф.Будде, напомнив участникам заседания о своей записке об организации отделения языковедения на историко-филологическом факультете, высказал мнение, что ходатайство «об улучшения преподавателей угро-финских наречий встретит серьезные формальные препятствия: нигде, даже в С.-Петербурге, нет полноправной кафедры угро-финских наречий; кто-же будет оценивать труды преподавателей их и удостаивать эти труды ученой степени?» Он предложил ходатайствовать «о восстановлении при Казанском университете восточного отделения».²⁷⁸

Профессор Н.М.Петровский, завершая заседание сообщил, что «Императорская Академия наук озабочена изыска-

нием средств и путей поднять финноведение в России на должную высоту, и что таким образом факультет будет иметь возможность получать вполне подготовленных финноведов, обладающих требуемыми учеными степенями».²⁷⁹

По итогам данного обсуждения 14 февраля 1913 г. заслуженный профессор В.А.Богородицкий представил проект ходатайства историко-филологического факультета «об учреждении ординатуры угро-финской и турецко-татарской филологии при Казанском университете». Образование кафедр угро-финских и турецко-татарских языков в университете он мотивировал тем обстоятельством, «что прилегающий Волжско-Камский район изобилует народностями, принадлежащими к указанным языковым семействам, причем некоторые говоры уже вымирают вследствие ассимиляции к русскому языку. Это обстоятельство делает неотложным возможно полное и незамедлительное обследование этих народностей со стороны языка, словесного творчества и быта».²⁸⁰ В последующем Совет университета ходатайствовал перед Министерством народного просвещения «об изменении в законодательном порядке положения преподавателей угро-финского и турецко-татарского языкознания при Казанском университете».

Министерство народного просвещения 2 июля 1913 г. известило, что возведение преподавателей восточных языков в звание ординарных профессоров со всеми правами и преимуществами «не может быть удовлетворено, как не имеющее оснований в законе».²⁸¹ Прошение об изменении в законодательном порядке положения преподавания угро-финского и турецко-татарского языкознания в Казанском университете также было отклонено министерством «в виду наличности более неотложных нужд в деле высшего образования» в России.

Таким образом, в 1905—1917 гг. кафедра угро-финской филологии в Казанском университете оставалась вакантной. Между тем кафедра турецко-татарской филологии Казанско-

²⁷⁷ НА РГ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2322. Л. 3—3 об.

²⁷⁸ Там же. Л. 4.

²⁷⁹ НА РГ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2322. Л. 4.

²⁸⁰ Там же. Л. 1.

²⁸¹ Там же. Л. 5.

го университета с 1894 г. была представлена профессором Н.Ф.Катановым вплоть до его смерти в 1922 г.²⁸²

Появлению выпускника восточного факультета Санкт-Петербургского университета Н.Ф.Катанова в Казанском университете предшествовала попытка представителей петербургского университетского востоковедения в 1893 г. вновь перенести на факультет восточных языков университета «из Казани кафедр финских и тюркско-татарских наречий».²⁸³ Как справедливо указывает В.В.Бартольд, только особое мнение востоковеда В.Р.Розена о нежелательности подобной меры сохранило восточные кафедры в Казанском университете.

Целая эпоха в истории казанского востоковедения 90-х гг. XIX — первых двух десятилетий XX вв. связана с педагогической и научной деятельностью выдающегося востоковеда-мыслителя и просветителя Н.Ф.Катанова (1862—1922). Его труды, по мнению академика А.Н.Кононова, вошли в «золотой фонд мировой тюркологии».²⁸⁴ Многогранная востоковедческая деятельность доктора сравнительного языкознания Н.Ф.Катанова способствовала сохранению и развитию ориентального образования и науки в Казани. Роль и значение его в возрождении Казанского университета и Казани как крупного российского и мирового востоковедческого центра неопределима. С его именем связано дальнейшее развитие российской тюркологии на рубеже двух веков.

Тюркология в Казанском университете в первые десятилетия XX в. была представлена выпускником арабско-персид-

ско-турецко-татарского разряда факультета восточных языков С.-Петербургского университета (1909 г.) С.Е.Маловым.²⁸⁵ Изучение тюркских языков С.Е.Маловым началось в Казанской духовной семинарии и академии, в которой он учился в 1900—1904 гг. Первые его тюркологические занятия шли под руководством отца Е.А.Малова и профессора Н.Ф.Катанова. В 1917—1922 гг. С.Е.Малов вел в Казани преподавательскую и научную деятельность в области востоковедения.

19 января 1917 г. магистр С.Е.Малов, который был оставлен при Петроградском университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре турецкой словесности, подал прошение о допущении к чтению пробных лекций на звание приват-доцента Казанского университета по кафедре турецко-татарских наречий. Наряду с прошением он сообщал краткие сведения о себе и приложил список опубликованных научных сочинений.²⁸⁶

Первая пробная лекция молодого ученого на тему «Турецкие наречия Западного Китая», состоялась в библиотеке университета 10 марта 1917 г. в 14 часов дня. Следующая лекция по теме «Древние енисейско-орхонские письмена и их дешифрование» была выслушана преподавателями и студентами 17 марта 1917 г.²⁸⁷ Эти учебные лекции С.Е.Малова были оценены «весьма удовлетворительно» и ему выдано свидетельство от историко-филологического факультета на «право преподавания по кафедре турецко-татарских наречий в звании приват-доцента». В марте 1917 г. университет возбудил ходатайство перед попечителем учебного округа о зачислении С.Е.Малова приват-доцентом по кафедре турецко-татарских наречий. Его вступительная лекция «Уйгурская письменность», прочитанная 30 сентября 1917 г. на историко-филологическом факультете университета, положила начало учебной

²⁸² Педагогическая и научная деятельность профессора Н.Ф.Катанова в Казанском университете освещена в отечественной востоковедной историографии. См.: Гордлевский В. Памяти Н.Ф.Катанова // Новый Восток. — 1922. — № 1. — С. 448—451; Покровский Н.М. Памяти профессора Н.Ф.Катанова // Известия общества археологии, истории и этнографии. 1923. Т. XXXII. Вып. 2. — С. 245—259; Малов С.Е. Н.Ф.Катанов, проф. Казанского университета // Вестник АН Казахской ССР. — 1958. — № 5; Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов (Очерк жизни и деятельности). Изд. 2-е. — М., 1973; Кокова И.Ф. Н.Ф.Катанов: Документально-публицистический эссе. — Абакан, 1993. Катановские чтения. Сб. ст. — Казань, 1998 и др.

²⁸³ Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Сочинения. Т.9. Работы по истории востоковедения. — М., 1977. — С. 195.

²⁸⁴ Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. 2-е изд. — М., 1989. — С. 120.

²⁸⁵ О научной и общественной деятельности С.Е.Малова см.: Тенишев Э.Р. С.Е.Малов (к столетию со дня рождения) // Советская тюркология. — 1980. — № 6. — С. 56—63; Тюркологический сборник. — М.-Л., 1951. — С. 22—29; Тюркологический сборник. 1975. — М., 1978 и др.

²⁸⁶ НА РГ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2487. Л. 4.

²⁸⁷ Там же. Л. 7—10.

и научной тюркологической деятельности известного востоковеда и общественного деятеля.

В ноябре — декабре 1917 г. С.Е.Малов читал студентам университета лекции на темы: «Старо-турецкая письменность. Руническая письменность» (8 ноября 1917 г.), «Чтение большой надписи... на памятнике Кюль-тегина» (13 ноября 1917 г.), «Уйгурский алфавит» «Перевод уйгурских документов» (20 и 22 ноября 1917 г.) и другие.²⁸⁸

В январе — марте 1918 г. лекции приват-доцента кафедры турецко-татарских наречий С.Е.Малова были посвящены «турецкому манихейству», переводам «манихейских уйгурских текстов», «предисловия «Золотого блеска» и др.²⁸⁹

В 1919—1921 гг. С.Е.Малов совершил четыре научные экспедиции с целью сбора лингвистических и фольклорных материалов по Казанскому и Малмыжскому уездам ТАССР.

В казанский период С.Е.Малов работал преподавателем и секретарем Совета мусульманских трехгодичных педагогических курсов (1918—1919 гг.), профессором Высшего института народного хозяйства (1918—1922 гг.), профессором словесного отделения Восточной академии (1921—1922 гг.), зав. нумизматического музея при Казанском университете (1921—1922 гг.) и преподавателем Восточного педагогического института.²⁹⁰

Истоки тюркологической деятельности выдающегося тюрколога, члена-корреспондента Академии наук СССР С.Е.Малова (1880—1957) — преподавание тюркских языков, изучение древнетюркских памятников и исследование современных тюркских языков тесно связаны с традициями казанского востоковедения. «Расцвет научно-исследовательск(ой) и пед(агогической) деятельности Малова приходится на послеоктябрьский период. М(алов) вошел в историю тюркологии как выдающийся знаток древнетюрк.-руническ(их) и уйгурск(их) памятников и как выдающийся педагог-тюрколог, из школы

к(ото)рого вышли почти все современные тюркологи старшего и среднего поколения».²⁹¹

Преподавателем угро-финских наречий по выбору Совета от 28 января и утверждению Министерства народного просвещения от 18 апреля 1917 г. стал Я.Г.Калима.²⁹² Профессор В.А.Богородицкий, рекомендуя его на кафедру угро-финской филологии, 27 октября 1916 г. писал: «...в лице г-на Я.Калимы мы имеем серьезного ученого и энергичного работника, с специальным знанием финских языков и в то же время хорошо знакомого с русским языком. Г-ну Калима принадлежат уже 34 работы, в том числе перевод на финский язык повести Л.Толстого «Казак». Можно быть вполне уверенным, что Казанский университет, единственный из русских университетов с кафедрой угро-финских языков, приобретет в лице г-на Калимы такого же неутомимого и полезного научного деятеля, каким был М.П.Веске, первый по времени преподаватель по данной кафедре в нашем университете».²⁹³ Вступительная лекция преподавателя угро-финских наречий в звании экстраординарного профессора Я.Г.Калимы была на тему «Отношение финно-угорских языков к другим языковым группам».²⁹⁴

В одном из своих писем В.А.Богородицкому профессор финно-угорских языков Гельсингфорского университета Х.Пасонен (1865—1919) в мае 1916 г. высоко отзывался о претенденте на кафедру финно-угорских языков: «...г. Калима, по-моему мнению, в своих научных исследованиях доказал, что он вполне владеет современным лингвистическим мето-

²⁹¹ Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. 2-е изд. — М., 1989. — С. 155.

²⁹² Калима Ялло Гугонович родился в 1884 г. Он закончил курс историко-филологического факультета Императорского Александровского университета в Финляндии. В 1907 г. в этом университете сдал экзамен на степень магистра. В 1915 сдал экзамен на степень доктора и защитил докторскую диссертацию. С 1911 г. был переводчиком при Императорском Финляндском Сенате, а с 1916 г. стал преподавать финский язык в Гельсингфорском университете. Автор филологических работ, посвященных угро-финской филологии. См.: НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2406. Л. 47—48 об.

²⁹³ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2406. Л. 48 об.

²⁹⁴ Там же. Л. 76.

²⁸⁸ СПб. филиал АРАН. Ф. 1079. Оп. 2. Д. 77. Л. 1—2.

²⁸⁹ Там же. Л. 2.

²⁹⁰ СПб. филиал АРАН. Ф. 1079, оп. 1—4. «Малов С.Е. — лингвист, фольклорист, этнограф. 1880—1957 гг.»

дом. Из восточных финно-угорских языков он пока ближе всего знаком с зырянским языком; однако не подлежит сомнению, что этот даровитый лингвист, если ему представится возможность в Казани лучше ознакомиться и с другими финно-угорскими языками, в скором времени будет в состоянии столь основательно их изучить, что деятельность его в качестве профессора во всех отношениях будет плодотворною».²⁹⁵ Надо отметить, что финский лингвист Хеikki Паасонен в период 1889—1902 гг. посетил Поволжье, побывав в мордовских населенных пунктах. Итогом его научных путешествий явились научные исследования, посвященные народной поэзии мордовского народа и диалектологии мордовского языка.²⁹⁶

На протяжении последней четверти XIX — первых десятилетий XX вв. преподавание и изучение истории, языка и культуры финно-угров Евразии шло благодаря преподавательской и научной деятельности представителей европейского и российского угро-финноведения — М.П.Веске, Н.И.Андерсона, Я.Г.Калимы. Они занимали одну из первых отечественных кафедр угро-финской филологии, созданную в Казанском университете в XIX в. Исторические и филологические проблемы финно-угорских народов Урало-Поволжья были в центре внимания казанской школы востоковедов конца XIX — начала XX вв. Актуальные проблемы взаимоотношений языковых семей и групп — финно-угорских, восточных и индоевропейских языков, истории, этнографии, археологии финно-угорских народов Волго-Уральской территории освещались в работах казанских ученых и преподавателей. Истоки отечественного финно-угроведения — комплексной дисциплины, изучающей языки, историю, этнографию, фольклор, археологию финно-угорских народов, также связаны с казанскими учебными заведениями и обществами. Ученые Казани изучали финно-угорские языки вместе с этнографией, фольклором

и историей мордовского, марийского и удмуртского народов Волго-Камья.²⁹⁷

Только в конце 1920-х гг. ослабевают традиции финно-угорских исследований и прекращаются тесные научные отношения Казани с известными центрами «Finno-Ugrici» — Дерптским и Гельсингфорским (Александровским) университетами. Советское финно-угроведение 20—30-х гг. будет развиваться с учреждением в Ленинградском университете кафедры финно-угорской филологии (1925 г.), созданием комплексных научно-исследовательских институтов в республиках с финно-угорским населением в Карельской, Мордовской, Удмуртской, Марийской республиках. Основателем советского финно-угроведения явился член-корреспондент АН СССР, профессор Д.В.Бубрих (1890—1949).²⁹⁸

Во второй половине XIX в. — начале XX вв. в Казанском университете сохранялись традиции преподавания восточных языков, существовали объединения востоковедов, развивались основные направления преподавательской и исследовательской деятельности казанских ориенталистов. Казанские востоковеды собирали и изучали огромный лингвистический, исторический, археологический и этнографический материал, связанный с народами Востока. Научный фундамент востоковедческих исследований в Казани, сформировавшийся в первой половине XIX в., получил преемственное развитие. В то же время во второй половине 20-х гг. XX в. начался новый этап развития казанского востоковедения. Данная тенденция наиболее точно определена была А.Н.Самойловичем: «Для

²⁹⁷ Веске М. Исследование о наречиях черемисского языка. Доктора М.Веске. 1.—Казань, 1889; Веске М. Славяно-финские культурные отношения по данному языку.—Казань, 1890; Вихман Г. Письма из Гельсингфорса.—Казань, 1893; Катанов Н.Ф. Некролог. Проф. И.Н. Смирнов, живший с 1856 по 1904 г. // ЖМНП.—1904.—№ 9.—С.133—134; Катанов Н.Ф. О трудах И.Н.Смирнова по этнографии инородцев Восточной России // Ученые записки имп. Казанского университета, 1904.—Т. 71.—Кн. IX.—С. 48—51; Смирнов И.Н. Мордва.—Казань, 1895; Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время.—Казань, 1869.

²⁹⁸ Бубрих Д.В. К 100-летию со дня рождения: Сборник статей.—СПб., 1992.

²⁹⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2406. Л. 17 об.

²⁹⁶ Керестеш Л. Х.Паасонен и классификация мордовских диалектов // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2.—М., 1990.—С. 94—95.

восстановления в Казани прочной научной базы востоковедения с целью обслуживания культурных интересов не только ТССР, но и других восточных советских республик, необходимо дать наиболее выдающимся начинающим татарским ученым высшую востоковедную подготовку в крупнейшем востоковедном центре СССР — Ленинграде, где с прошлого года при состоящем в ведении ЦИК СССР Институте живых восточных языков создан туркологический семинарий со специальной целью готовить высококвалифицированных культурных работников из коренного населения восточных республик нашего Союза».²⁹⁹

ГЛАВА V

«ВОСТОЧНОЕ ОБЩЕСТВО» (1855) И «ОБЩЕСТВО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ» (1878—1929) ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В истории российского востоковедения XIX — начала XX вв. научные общества сыграли исключительную роль. Организационная структура отечественного востоковедения включает академические и вузовские научные общества, международные научные сообщества и специализированные общественные научные организации и т.д.³⁰⁰ На протяжении развития российского востоковедения в XIX—XX вв. эти научные сообщества имели в научной и культурной жизни народов России колоссальное значение. Заслуги востоковедче-

³⁰⁰ Берг Л. Всесоюзное Географическое общество за сто лет: 1845—1945.—М.-Л., 1946; Веревкин И. Краткий очерк возникновения и деятельности Общества русских ориенталистов // Вестник Азии.—1909 — № 1; Веселовский Н.И. История имп. Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования: 1846—1896.—СПб., 1900; Двадцатипятилетие имп. Географического общества.—СПб., 1872; Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882—1907).—СПб., 1907; Каталог библиотеки «Известий Палестинского Православного общества».—СПб., 1903; Лукин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане: Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.).—Ташкент., 1958; Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в.—Ташкент, 1962; Императорское Московское Археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914).—М., 1915; Мсерианц Л. Десятилетие Восточной комиссии имп. Московского Археологического общества // Известия Калужской архивной комиссии, 1898.—Т. 1; Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении.—М., 1992 и др.

²⁹⁹ Самойлович А. Двадцать дней в Казани (12 апреля — 3 мая 1925 г.) // Вестник научного общества татароведения.—1925.—№ 1—3.—С. 28.

ских обществ перед отечественным образованием, наукой культурой огромны. В академическом издании «История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года» отмечено: «В истории востоковедения дооктябрьского периода заметную роль сыграли научные общества, объединявшие профессиональных ориенталистов (ученых, преподавателей), студентов, краеведов, а также людей различных специальностей, интересующихся Востоком, его историей, культурой, достижениями современной науки в этой области».³⁰¹

В истории российского востоковедения заметный вклад в изучение Востока оставили научные общества — Русское Географическое общество, Восточная комиссия Московского археологического общества, Русский комитет для изучения Средней Азии и Восточной Азии, Православное палестинское общество, Общество востоковедения, Общество русских ориенталистов, Туркестанский кружок любителей археологии и другие. Сегодня изучение самобытных форм организации востоковедного образования и науки в России имеет историко-научное, историографическое и культурологическое значение. Их исследование позволит полнее осветить определенные этапы исторического развития ориенталистики, общественной и научной мысли в регионах и центрах России.

В процессе развития научного изучения Востока в середине XIX века в Казани достойно внимания оформление специализированного «Восточного общества». Образование востоковедного общества в Казани в 1855 г. было связано с известными деятелями казанского востоковедения середины — второй половины XIX в. профессорами И.Ф.Готвальдом, Г.С.Саблуковым, бакалавром Н.И.Ильминским и преподавателем татарского языка в университете М.-Г.Махмудовым.

³⁰¹ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. — М., 1997. — С. 85.

В предварительной записке от 5 ноября 1855 г. казанские востоковеды И.Ф.Готвальд, Г.С.Саблуков и Н.И.Ильминский высказали свое мнение: «Казань в черте и окрестностях своих заключает множество татар с их самородным бытом, их мусульманскими улемами, медресями и мечетями; в уездах ее и смежных губерниях обитают инородцы финского племени; казанские купцы и ученые мусульманские состоят в непрерывных сношениях с Бухарией, Самаркандом и другими городами Мавараннегра (Мавераннахар — Р.В.), и доселе сохраняющего остатки развивавшегося там некогда просвещения. Таким образом, Казань представляет счастливое соединение условий к основательному фактическому изучению татарско-финской филологии, мусульманства и некоторых других предметов, относящихся к восточной науке. Посему мы и предположили основать в Казани Восточное общество».³⁰² Объяснительная записка позволяет рассмотреть усиление ориентации востоковедных исследований и научных интересов ученых Казани с середины XIX в. на изучение культурно-исторического прошлого и настоящего народов востока России. «Восточное общество» в Казани было образовано в переломный период казанского востоковедения — в год перевода разряда восточной словесности в С.-Петербургский университет.

Основная цель «Восточного общества» определялась как «исследование и раскрытие Востока относительно филологии, правоведения и истории».³⁰³ По замыслу основателей востоковедного общества выполнение цели предполагалось решением ряда актуальных научных задач: «...чрез обнародование подлинных текстов, именно оригинальных сочинений джагатайского языка, равно народных рассказов, песен, поговорок, загадок и т.п. на языках: татарском, чувашском и других; чрез перевод мусульманских и других книг и статей на русский язык; чрез обработку словаря и грамматики татарско-финских языков, и, наконец, чрез самостоятельные ис-

³⁰² НА РГ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

³⁰³ Там же.

следования на основании преимущественно восточных данных». ³⁰⁴ Поставленные исследовательские задачи, сформулированные членами общества, позволяют высоко оценить научное начинание казанских востоковедов. Признания заслуживает пункт проекта «Восточного общества» проводить на ежемесячных собраниях прослушивание оригинальных статей и переводов, а также научных новостей «по восточной науке в России и за границей». ³⁰⁵ «Восточное общество» в Казани стало одним из первых провинциальных научных востоковедных общественных организаций, созданных в России в XIX в.

Архивные сведения позволяют отметить, что усилиями членов состоялось несколько заседаний «Восточного общества». В одном из них принял участие известный монголовед О.М.Ковалевский, в то время ректор Казанского университета.

Для истории дореволюционной отечественной тюркологии второй половины XIX в. интересен факт, что на двух состоявшихся заседаниях общества рассматривался и обсуждался известный труд по татарскому языкознанию М.Г.Махмудова. ³⁰⁶ Скупые строки архивного материала свидетельствуют, что 5 декабря 1855 г.: «г.Махмудов читал составленный им учебник татарского языка, причем члены по местам делали свои замечания». Далее в дневнике заседания «Восточного общества» от 5 января 1856 г. отмечено: «Прочитано словосочинение из грамматики татарской, составленной членом Г.Махмудовым, и по местам сделались замечания и поправки». ³⁰⁷ По словам М.З.Закиева, работа тюрколога М.Г.Махмудова относится к числу основательных трудов своего вре-

мени, «в которых раскрываются основные грамматические закономерности татарского языка». ³⁰⁸

Дневник заседания общества позволяет говорить о начале научной разработки татарского словаря, «который надлежало бы составить сообразно настоящим потребностям науки...» ³⁰⁹ Исследовательская работа, намеченная членами «Восточного общества», в дальнейшем реализовывалась конкретной деятельностью представителей казанской школы востоковедов второй половины XIX в.

Известный путешественник и востоковед Г.Н.Потанин, выделяя развитие востоковедения во второй половине XIX в., писал: «В Казани мое внимание было привлечено ее татарским населением. Татарский базар, татарские мечети, татарская типография, кружок ориенталистов — все эти особенности, которые не встречаются в других городах Поволжья». ³¹⁰

Востоковедное общество казанских ученых испытало судьбу многих общественных дореволюционных центров исторической и филологической науки, которые не получали соответствующей поддержки и распадались. В письме к В.В.Григорьеву один из главных организаторов Н.И.Ильминский сообщал: «У нас сварганилось общество из Готв(альда), Саблук(ова), Махмуд(ова) и меня, писали уже протоколы, но расклеилось, потому что я смотрел... на общество как на представителя и исследователя факта, а ему стали навязывать ученое значение в обширном значении. Как же это вести без гроша и без книг». ³¹¹

Эта первая ценная инициатива казанских ориенталистов в последней четверти XIX в. получила воплощение в многосто-

³⁰⁴ НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Махмудов М. Практическое руководство к изучению татарского языка, составленное старшим учителем I-й Казанской гимназии Махмудовым. — Казань, 1857. — 255 с.

³⁰⁷ НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 1. Л. 2—3.

³⁰⁸ Закиев М.З. Казанская школа тюркологов и грамматики на татарском языке (конец XIX и начало XX вв.) // TURCOLOGICA. — М.: Наука, 1976. — С. 73.

³⁰⁹ НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

³¹⁰ Потанин Г.Н. От Новочеркасска до Казани // Первый шаг. — Казань, 1876. — С. 331.

³¹¹ РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 187. Л. 12.

ронной деятельности «Общества археологии, истории и этнографии» (1878—1929) при Казанском университете.³¹²

Исследовательская работа востоковедов по своему значению и общему объему занимала большое место в «Обществе археологии, истории и этнографии» при Казанском университете на протяжении формирования и развития уникальной научно-исследовательской ассоциации.

Истоки «Общества археологии, истории и этнографии» связаны с именами российских востоковедов — И.Н.Березина (1818—1878), В.В.Вельяминова-Зернова (1830—1904), И.Ф.Готвальда (1813—1897), Н.И.Ильминского (1822—1891), П.И.Лерха (1828—1884), В.В.Радлова (1837—1918), В.Р.Розена (1849—1908), Г.С.Саблукова (1804—1880), В.Г.Тизенгаузена (1825—1902) и других. Они принимали участие в подготовке и проведении IV археологического съезда, проходившего в Казани в 1877 г. По почину съезда была решена назревшая необходимость централизации научной работы по изучению обширного региона востока России (Волжско-Камский регион, Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток) основанием «Общества археологии, истории и этнографии».

В последующие периоды работы Общества почетными, действительными и членами-сотрудниками состояли известные востоковеды России: В.П.Васильев (1818—1900), В.Р.Розен (1849—1908), Г.Н.Потанин (1835—1920), В.П.Наливкин (1852—1918), Н.П.Остроумов (1846—1930) и другие.

В члены общества были приняты представители интеллигенции народов Поволжья: Ш.Марджани (1818—1889), К.Насыри (1825—1902), Г.Ахмаров (1864—1911), Г.М.-А.Ильяс (1856—1895), Ш.Ахмеров (1853—1900), Н.Золотницкий, Н.Никольский, Н.Ашмарин (1870—1933) и другие выдаю-

³¹² История создания, основные этапы развития «Общества археологии, истории и этнографии» и изучение проблем истории народов Поволжья и Приуралья в дооктябрьский период освещены в диссертации А.А.Хабибуллина. См.: Хабибуллин А.А. Изучение истории народов Среднего Поволжья и Приуралья в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878—1917 гг.): Дис. ...канд. ист. наук.—Казань, 1979.—196 с.

щиеся деятели науки и культуры народов Поволжья и Приуралья.

В отечественной историографии уделено внимание истории образования и деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ).³¹³ Эти материалы представляют собой обзоры и отчеты организационной и исследовательской работы научного сообщества. В меньшей степени обращено на востоковедческий характер научного общества в Казани. Научная и просветительская деятельность общества отразила определенный этап изучения истории и культуры народов востока России — Поволжья и Приуралья, Центральной Азии и Сибири. Зарубежный Восток

³¹³ Гильтебрант П.А. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Древняя и новая Россия. — 1878. — № 11. — С. 257—258; Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (Обзор деятельности) // ЖМНП. — 1879. — № 11, отд. 4. — С. 13—20, 1880. — № 6, отд. 3. — С. 145—151, 1881. — № 7, отд. 3. — С. 10—14, 1882. — № 7, отд. 4. — С. 1—16; Тимаев Е.М. Общество археологии, истории и этнографии в Казани // Вестник археологии и истории. — 1888. — Вып. 7. — Отд. 3. — С. 2—4; Краткий очерк восьмилетней деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии и его задачи. — Казань, 1886; Катанов Н.Ф. Общество археологии, истории и этнографии за 30 лет (доклад председателя) // Известия общества археологии, истории и этнографии. — 1908. — Т. 24. — Вып. 3. — С. 238—246; Ильинский Л.К. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Краеведение. — 1925. — № 9. — С. 529—534; Его же. Пятидесятилетие Общества археологии, истории и этнографии // Красная Татария. — 1927. — 3 апреля; Его же. Пятидесятилетний юбилей ученого общества // Красная Татария. — 1929. — 25 января; Пионтовский С.К. 50-летие Казанского общества археологии, истории и этнографии // Историк-марксист. — 1929. — № 11. — С. 275—276; Писарев В., Устюжанин Е., Ионенко И. Назревший вопрос (предлагаем создать научное общество историков // Советская Татария. — 1956. — 2 ноября; Воробьев Н.И., Климов И.М. К истории восстановления Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете // Труды Общества истории, археологии и этнографии. — Казань. — 1963. — Т. 1. — С. 21; Аннотированный перечень докладов и сообщений, поступивших на учредительный съезд историко-археологического общества. — Казань, 1962; Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов (очерк жизни и деятельности). Изд. 2-е. — М., 1973. — С. 40—54; Хабибуллин А.А. Изучение истории народов Среднего Поволжья и Приуралья в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878—1917 гг.): Дис. ...канд. ист. наук. — Казань, 1979; Мазитова Н.А. Научные связи Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и Н.Ф.Катанова // Катановские чтения. — Казань, 1998. — С. 31—42 и др.

был менее представлен в деятельности общества и в его печатном органе — «Известиях общества археологии, истории и этнографии» (1878—1929).³¹⁴

Материалы позволяют выделить три наиболее крупных периода в деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: I. Конец 1870-х — середина 90-х гг.; II. Середина 1890-х гг. — 1917 г. и III. 1917—1929 гг.³¹⁵ На протяжении этих периодов востоковедные темы и направления занимали важное место в научном обществе. Его научная и просветительская деятельность отразила тесные связи с российскими и зарубежными ориентальными учреждениями и обществами конца XIX — первых десятилетий XX вв. Казанские востоковеды — действительные члены общества, профессора университета И.Ф.Готвальд, В.В.Радлов, И.Д.Бодуэн де Куртенэ и др. участвовали в работе международных конгрессов ориенталистов.³¹⁶ За период 1878—1904 гг.

³¹⁴ В 1878—1929 гг. было опубликовано 34 тома «Известий общества археологии, истории и этнографии». До 1892 г. «Известия» выходили по три выпуска, а в дальнейшем по шесть выпусков в год. В изданиях публиковались интересные оригинальные и переводные статьи и работы, посвященные проблемам археологии, истории, этнографии и культуры восточных народов России; напечатаны известия и хроники о находках, раскопках, археологических, антропологических, археографических и этнографических экспедициях российских и зарубежных ориенталистов; даны библиографические обзоры книг и памятников по востоковедению и т.д. Сегодня «Известия» остаются уникальным изданием и источником по истории востоковедения в России и Европе. В 1903 г. «Известия» рассылались 175 адресатам в России и 40 — за границу. (Известия общества археологии, истории и этнографии.—1904.—Т. XX.—Приложение, С. 17—19.)

³¹⁵ Хабибуллин А.А. Изучение истории народов Среднего Поволжья и Приуралья в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878—1917 гг.): — Дис. ...канд. ист. наук.—Казань, 1979.—С. 12—14.

³¹⁶ НА РТ. Ф.977. Оп. ИФФ. Д. 1187. «О командировании библиотекаря Казанского университета И.Ф.Готвальда на съезд ориенталистов в Берлин. 31.03.—23.05.1881 г.» 2 лл.; НА РТ, Ф. 977, оп. ИФФ, 1188. «О командировании инспектора татарских училищ Радлова на международный съезд ориенталистов. 16.03.—19.03.1881 г.» 2 лл.; НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2175. «Об открывающемся 25 марта 1912 г. в Афинах XVI конгрессе ориенталистов и о командировании туда проф. Богородицкого и Хвостова. 4.11.—24.11.1911 г.»; НА РТ. Ф.977. Оп. ИФФ. Д.2176. «По приглашению ректора Афинского университета на XVI конгресс ориенталистов 7 апреля 1912 г. 27.06.1911 г.»

Общество было связано с 167 лицами и учреждениями в России и 44 — из-за рубежа.³¹⁷

В 70-х — первой половине 90-х гг. XIX в. научные исследования охватывали историю и культуру народов Поволжья и Приуралья. В 1897 г. новый устав общества включил регионы Средней Азии и Сибири. Определяя роль и место востоковедов в системе исследовательской работы исторического общества, председатель «ОАИЭ» при Казанском университете С.М.Шпилевский в 1884 г. писал: «Само собою разумеется, что изучение надгробных мусульманских надписей возможно для нашего Общества только с помощью ориенталистов. Это только один пример важности и необходимости содействия нам ориенталистов, которые, по моему убеждению, должны составлять нашу важнейшую силу; я даже не могу представить наше Общество без содействия ему знатоков тюркских и финских наречий».³¹⁸

В 1896—1914 гг. секретарем (с 1896 г.) и председателем (с 1898 г.) Общества археологии, истории и этнографии был видный востоковед и путешественник, исследователь языков, истории, этнографии и культуры тюркоязычных народов Н.Ф.Катанов. Известный тюрколог С.Н.Иванов писал: «Деятельность Общества оставила заметный след в развитии русского востоковедения и, что представляется особенно важным, явила собой пример сочетания передовых достижений русской востоковедческой науки с той незаметной, но очень полезной работой, которую осуществляли лучшие представители русской провинциальной ориенталистики».³¹⁹

Опубликованное и особенно архивное наследие Н.Ф.Катанова³²⁰ — яркое свидетельство плодотворной и разносторонней организационной и научной деятельности общества в об-

³¹⁷ Известия общества археологии, истории и этнографии.—1905.—Т. XXI.—Вып. 2.—С. 26.

³¹⁸ Известия общества археологии, истории и этнографии.—Казань. Т. 3.—С. 17.

³¹⁹ Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов (очерк жизни и деятельности). Изд. 2-е.—М., 1973.—С. 53.

³²⁰ НА РТ. Ф. 969. Оп. 1—2. «Катанов Н.Ф. — ординарный профессор сравнительного языкознания». 1878—1921 гг.

ласти востоковедения. В одном из своих писем Н.Ф.Катанов критично оценил направление этой работы. В письме от 6 апреля 1901 г. А.В.Васильеву (сыну китаеведа В.П.Васильева) он писал: «Хотя я большинством голосов вновь избран Председателем Общества, однако в пользу ориентализма добиться чего-нибудь не удалось: Общество... все еще стоит за печатание сведений об инородцах, но без текстов».³²¹

Наиболее важным направлением востоковедных исследований стали история и культура тюркоязычных и финноугорских народов. Много уделялось изучению истории и этнографии народов Востока России — киргизов, казахов, якутов, монголов и др. Древняя история регионов, материальные и письменные источники по истории и культуре народов, их обычаи, нравы, фольклор, легенды и т.д. нашли свое воплощение в исследовательской деятельности членов Общества археологии, истории и этнографии.

В 1929 г. в связи со слиянием с «Обществом по изучению Татарстана» крупнейшее историко-востоковедческое «Общество археологии, истории и этнографии» при Казанском университете прекратило свое существование.

ГЛАВА VI

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В КАЗАНИ В 1917—20-е гг.

Характер изменений в советском востоковедении 1920-х гг. был весьма неоднозначен и противоречив. Революционные сдвиги в обществе и науке после Октября потребовали пересмотра философских, теоретико-методологических и особенно организационных принципов отечественного востоковедения. Именно в эти годы происходила смена основ и ключевых элементов отечественного востоковедения. «Становление советского востоковедения происходило в сложных и тяжелых условиях гражданской войны и иностранной интервенции, разрухи, а затем восстановления и реконструкции народного хозяйства. История науки знает мало примеров столь быстрой перестройки важной научной дисциплины, сопровождавшейся коренным изменением методологии и объектов исследования, структуры научных учреждений и учебных заведений».³²² В 1920-е гг. в востоковедных центрах России и Советского Союза продолжали работать представители дореволюционных востоковедных школ. В то же время формировалась новая генерация отечественных востоковедов. В это время возобновляются или начинают издаваться новые востоковедные журналы и сборники. Во второй половине 1920-х гг. востоковедение в СССР начинает испытывать нарастающее идеологическое и политическое давление.

Отечественная историография истории российского востоковедения в первые послереволюционные годы — 1920-е гг.

³²¹ ОРРК НБ КГУ.—№ 8817. «Катанов Н.Ф. А.В.Васильеву». 6 апреля 1901 г.

³²² Хейфец А.Н., Шаститко П.М. В.И.Ленин и становление советского востоковедения // Становление советского востоковедения (сборник статей).—М., 1983.—С. 3.

накопила огромный фактический материал, расширила круг тем и осветила истоки и пути развития советского востоковедческого образования и науки о Востоке.³²³ Становление советского востоковедения в 1920-е гг. представляло собой сложное и многоплановое явление. Истоки советского востоковедения отличались «революционными» реорганизациями и обновлением науки о Востоке. Несмотря на актуальность проблемы и в целом огромный интерес специалистов и общественности к истории востоковедных центров России 1920-х гг. сегодня мы не имеем исследований, посвященных изучению традиций и новаций казанской ориенталистики в 1917 — 20-е гг.

В.В.Бартольд в своей программной статье «Изучение Востока — главная задача Академии», опубликованной в «Красной газете» (сентябрь, 1925 г.), писал, что «для востоковедения необходимо широкое развитие гуманитарных наук, необходима постановка вопросов исключительно в зависимости от требования научной мысли и научной правды, без подчинения предвзятым теориям и без уступки временным тен-

³²³ Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.—М., 1972; Азиатский музей Российской академии наук: 1818—1918. Краткая памятка.—ПБ., 1920; *Алексеев В.М.* Наука о Востоке: Статьи и документы.—М., 1982; *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России.—Л., 1972; *Кононов А.Н., Иориси И.И.* Ленинградский Восточный институт: Страница истории советского востоковедения.—М., 1977; *Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Из истории советского востоковедения. 1917—1967.—М., 1970; *Лунин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении.—Ташкент, 1965; Материалы к хронике советского востоковедения. 1917—1941 гг. // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 76, 1965; *Ольденбург С.Ф.* Востоковедение в Академии наук на новых путях // Вестник Академии наук.—1931.—№ 2.—С. 10—15; *Павлович М.П.* История и задачи новых востоковедных вузов (К 5-летию Московского института востоковедения) // Новый Восток.—Кн. 10—11, 1925; Пять лет советского востоковедения. Деятельность Научной ассоциации востоковедения СССР.—М., 1927; *Саидмурадов Д.С., Мальцев Ю.С.* Зарождение советского востоковедения в Таджикистане (1920—1929) // Известия АН Тадж. ССР.—1984.—№ 3.—С. 78—86; *Сладковский М.И.* Первый центр китаеведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока.—1979.—№ 4.—С. 143—152; Становление советского востоковедения.—М., 1983; *Тимофеева Н.Н.* Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921—1925) // Народы Азии и Африки.—1976.—№ 2.—С. 47—57 и др.

денциям, особенно националистическим». И далее он особо подчеркивал, что «в Казани, некогда средоточии русского востоковедения, теперь в местной печати выражается скромное пожелание, чтобы гуманитарные науки были вновь допущены в университет».³²⁴

Востоковед А.Н.Самойлович после посещения Казани в период с 12 апреля по 3 мая 1925 г. писал следующее: «Настало уже время позаботиться и об организации молодых, преимущественно национальных научных сил и о предоставлении наиболее выдающимся работникам науки в области краеведения по дисциплинам востоковедного характера укрепить и расширить свою теоретическую базу путем командирования их в крупные востоковедные центры СССР. В Татарской Республике ведется отдельными лицами работа по собиранию памятников народной словесности, по составлению словаря казанско-татарского языка с его говорами, по изучению местной этнографии и археологии, по собиранию и исследованию исторических документов, по отысканию и сосредоточению в Казани старинных восточных рукописей, по составлению библиографии, по статистике».³²⁵ Известный востоковед наиболее точно и полно выделил основные направления востоковедных исследований в Казани в середине 1920-х гг.

Тюрколог С.Е.Малов в одном из писем 28 сентября 1926 г. отмечал, что «из Казани в тюркологический семинарий при Институте жив. вост. языков приехали сюда усовершенствоваться в тюркологии татары: Х.Бадигов — автор сборников по народной словесности, Г.Алпаров — автор татарской грамматики и Н.Хакимов (философ)».³²⁶

Послеоктябрьская эпоха в истории отечественного востоковедения отличается динамизмом и кардинальной перестройкой организационной, идейной и теоретико-методологической основы преподавания и изучения восточных языков

³²⁴ *Бартольд В.В.* Изучение Востока — главная задача академии // Сочинения. Т.IX. Работы по истории востоковедения.—М., 1977.—С. 582.

³²⁵ Двадцать дней в Казани (12 апреля — 3 мая 1925 г.) // Вестник научного общества татароведения.—1925.—№ 1—3.—С. 27.

³²⁶ АРАН. Ф. 898. Оп. 2. Д. 56. Л. 8 об.

и истории Востока. Новые внутренние и внешнеполитические задачи, поставленные Октябрем, потребовали создания новых и реорганизации системы существующих учебных заведений востоковедения в основных его центрах — Петрограде, Москве, Казани, Владивостоке. Первое десятилетие после Великого Октября отличается масштабностью и изменением научных исследований по истории, культуре и письменности народов востока России и Зарубежной Азии. В статье «Изучение Востока в современной России» И.Бороздин писал, что «новое время, новые требования жизни не только поставили новые задачи старым учреждениям, но и призвали к жизни организацию новых».³²⁷

Важными чертами этих лет становятся преемственность востоковедных исследований, конфронтация научных и политико-идейных позиций и концепций, изменение направлений изучения Востока. Этот начальный период выявляет факторы, механизм и формы становления и развития советского востоковедения. Новые организационные изменения востоковедного образования и науки о Востоке происходили и в казанском центре отечественного востоковедения. В 1920-е годы сохраняются научные и гуманистические традиции дореволюционного отечественного востоковедения.

Во второй половине 1920-х гг. казанские учебные и научные центры начинают утрачивать традиции классического востоковедческого образования и науки. Отъезд некоторых казанских востоковедов в другие университетские центры также ослабил востоковедные исследования. Отсутствие квалифицированных востоковедов, знающих восточные языки, и окончательное уничтожение определенной системы подготовки ориенталистов-языковедов в вузах стало реальностью в Казани. Археолог и историк В.Ф.Смолин (1890—1932) в своем письме к академику В.В.Бартольду 27 октября 1925 г., сообщая о найденных эпиграфических арабографических надписях во время археологических раскопок в Булгарах и у д. Ст. Шигали, писал: «Но вместе с этим я чувствую себя чрезвычай-

но беспомощным, когда у нас здесь нет никого, кто бы мог прочитать арабский текст».³²⁸

Традиции и новации в казанском востоковедении сплелись в единый узел в революционные и послеоктябрьские годы. Исторические события 1917—18 гг. и новые политические и социокультурные реальности существенно повлияли на востоковедческое образование и науку в Казани в 1920-е гг. Именно в это время прослеживаются попытки воссоздания традиций казанского востоковедения первой половины XIX и формирование новой структуры ориентального образования и науки. А.Базиянц в публикации «Из истории отечественного востоковедения» (1981 г.) в эти годы наряду с известными московской и петербургской школами востоковедения отмечает, что «еще обозначается и формируется в востоковедных центрах национальных республик» третья школа, где «востоковедная проблематика была непосредственно связана с материалами национальной истории, культуры, языка и литературы».³²⁹

В 1917—1918 гг. проект о восточном отделении историко-филологического факультета ставился и обсуждался на Совете Казанского университета. По свидетельству С.Е.Малова, 8 июня (н.с.) 1918 г. Совет университета единогласно постановил ходатайствовать перед центральным комиссариатом об учреждении на историко-филологическом факультете восточного отделения с двумя разрядами (турецким и финно-угорским) с 8 новыми профессорами и 3 доцентами «согласно с представлением о том историко-филологического факультета».³³⁰

Становление и развитие советского востоковедения в Казани тесно связано с учебной и научной деятельностью Северо-Восточного археологического и этнографического института, Восточной академии, Казанского университета, Научного общества татароведения и Общества археологии, истории и этнографии. На их базе прослеживается тенденция возрож-

³²⁷ Бороздин И. Изучение Востока в современной России // Колониальный Восток. Социально-экономические очерки.—М., 1924.—С. 349.

³²⁸ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 311. Л. 2.

³²⁹ Базиянц А. Из истории отечественного востоковедения // Азия и Африка сегодня.—1981.—№ 2.—С. 43.

³³⁰ АРАН. Ф. 1079. Оп. 2. Д. 77. Л. 3.

дения востоковедного наследия первой — второй половины XIX в. в Казани. Деятельность этих учебных заведений и научных ассоциаций — важный показатель новых организационных форм российского востоковедения в 1920-е гг. Вместе с тем научное содружество ученых-гуманитариев из представителей народов России явилось продолжением уникальной традиции, заложенной в казанском востоковедении с первой половины XIX в.

Накануне Октябрьской революции казанское университетское востоковедение переживало кризис. Наиболее ярко это отражено в письме бывшего директора Казанской инородческой учительской семинарии, попечителя Оренбургского учебного округа Н.А.Бобровникова (1854—1921) к академику Ф.Е.Коршу. По итогам встречи с С.Ф.Ольденбургом Н.А.Бобровников 30 апреля 1910 г. писал: «...я виделся с С.Ф.Ольденбургом, и он поручил мне сказать Вам, что было бы возможно еще в настоящем году возбудить вопрос об ассигновании средств... на усиление ориентализма в России. С.Ф.Ольденбург выразил предположение, что Академия наук могла бы в силу своих прав войти с представлением о внесении в смету на 1911 г. сумм на открытие некоторых кафедр на восточном факультете С.Петербургского университета, об открытии восточного отделения на историко-филологическом факультете Казанского университета, об открытии школ для практического изучения восточных языков (первая из них — Казанская, проект коей Вы изволили читать и проч.)».³³¹

Как известно, ослабление востоковедных исследований и образования прослеживается в это время и в Москве. Выдающийся востоковед и академик В.А.Гордлевский, оценивая состояние востоковедения в Москве, отмечал, что «накануне Великой Октябрьской социалистической революции московское востоковедение переживало болезненный кризис».³³²

³³¹ Баскаков Н.А. Академик Ф.Е.Корш в письмах современников: К истории русской филологической науки.—М., 1989.—С. 147—148.

³³² Гордлевский В.А. Московское востоковедение после Октября (К тридцатилетию Октябрьской революции) // Т. IV.—М., 1968.—С. 337.

Новый этап возрождения востоковедческого образования в Казани прослеживается в учебной и научной деятельности Северо-Восточного этнографического и археологического института (октябрь 1917 — июль 1921 г.) и его Восточного отделения (Отделения Восточной филологии, с 26 мая 1919 г.). Институт был открыт 4 октября 1917 г. Занятия в институте проходили в зданиях университета и бывшего коммерческого училища.

Востоковедческий институт работал с октября 1917 г. по июль 1921 г. в составе четырех отделений — археологического, этнографического, археографического и восточного. Восточное отделение включало в себя «финно-угорский разряд наук» и турецко-татарский разряд наук.

В эти годы изменяющиеся военно-политические и социальные события повлияли на развитие учебной работы института. В государственной и культурной жизни народов Поволжья и Приуралья вуз пытался играть важную преобразовательную роль.

Профессорско-преподавательский состав Северо-Восточного археологического и этнографического института был представлен С.П.Покровским, М.Бречкевичем, С.П.Шестаковым, Б.Ф.Адлером, Н.Ф.Катановым, С.Е.Маловым, Е.Ф.Будде, А.И.Емельяновым, Н.В.Никольским, Н.И.Ашмариним, П.К.Жузе, Н.Н.Фирсовым, Б.П.Денике, П.М.Дульским, В.А.Богородицким и др. Директорами института работали с 5 сентября 1918 г. С.Покровский, а с 5 января 1919 г. М.Бречкевич. Деканом археографического отделения состоял С.П.Шестаков, этнографическое отделение возглавляли Б.Ф.Адлер и Н.В.Никольский, археологическое отделение — Н.Ф.Катанов и восточное отделение — Н.И.Ашмарин и С.Е.Малов (с июля 1919 г.)

В 1919/1920 учебном году в институте работали 21 профессор и 6 преподавателей. На сентябрь 1920 г. в институте обучались 90 студентов, в том числе на первом курсе — 55, на втором курсе — 13, на третьем курсе — 22. В этом же году на археологическом отделении учились 52, на этнографическом — 16 и на восточном отделении — 22 студента.

сидского языка и персидской литературы классического периода» (Б.В.Миллер) и др.³³⁷

Эти кафедры и учебные дисциплины представляют ориентацию казанского востоковедения 1920-х гг. на усиление классических оснований образования и науки о Востоке. Проблемы возрождения востоковедного наследия в Казани заключались в организации преподавания классических литературных языков, страноведческого изучения цивилизаций Востока и формировании системы подготовки востоковедных научных и практических кадров. Хотя ориентация на географический Восток России — Поволжье и Приуралье, Сибирь и Дальний Восток оставалась доминирующей в казанском востоковедении 1917—20-х гг., в целом эти направления позволяли в последующем сформировать востоковедный центр в Казани. К сожалению, политические и социокультурные события конца 20-х — первой половины 40-х гг. XX в. не позволили возродить востоковедные исследования в казанских гуманитарных центрах.

Политические и социокультурные события начала 1920-х гг. привели к серьезным изменениям в статусе Северо-Восточного археологического и этнографического института. Именно в это десятилетие определялись новые принципы советской высшей школы и организации научно-исследовательской работы в республике. Государственные органы власти начинают активно планировать и регулировать учебно-педагогическую и научную деятельность, и подготовку специалистов.

В ноябре-декабре 1920 г. был подготовлен «Проект основных положений о Восточной Академии». Этот проект был создан комиссией в составе: Б.Н.Вишневого, Г.Ш.Шарафа, А.Максуди, М.В.Бречкевича и М.Г.Худякова.³³⁸ Пункт первый «Проекта» гласил: «Существующий в г. Казани Сев(еро)-Вост(очный) Арх(еологическо)-Этн(ографический) Институт преобразуется в Восточную Академию — ученое и высшее учебное заведение ТССР, имеющее целью всестороннее изуче-

ние Востока, распространение научных знаний на Востоке и подготовку культурных работников из народных масс Восточных Республик и областей».³³⁹ «Проект основных положений о Восточной Академии» был принят на заседании коллегии Наркомпроса от 30.XI.1920 г. и внесен на заседание Совнаркома 10.XII.1920 г.³⁴⁰

Восточная академия открывалась в составе 4 отделений: историко-археологического, этнографического, словесного с разрядами турецко-татарской и финно-угорской словесности и социально-экономического. Курс обучения в академии был трехгодичным. Восточной академии планировалась передача зданий Закабанной учительской семинарии и галеевского училища.

Осенью 1921 г. Северо-Восточный институт был преобразован в Восточную академию. Отделения (циклы) академии должны были стать новой базой востоковедческого образования и науки в Казани. Это видно по основным предметам, представленным в программах отделений: история Востока (Персии, Индии, Китая, Японии), география Азии, история религий и философских систем Востока, международные отношения на Востоке, педагогика мусульманских народов, история мусульманской культуры, османский язык и литература, арабский язык и литература, тюркский и финно-угорский языки, урало-алтайское языкознание, экономика Востока и т.д.³⁴¹

Практические задачи Восточной академии заключались в подготовке музейных работников, преподавателей восточных языков, истории и этнографии для школ, кадров ученых из народов Востока и для административной работы на Востоке. «Изучение истории, этнографии, археологии, географии и языков Восточной России вообще, Татарреспублики в частности», было сформулировано научной задачей учебного заведения.³⁴²

³³⁹ НА РТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

³⁴⁰ НА РТ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.

³⁴¹ Вишневский Б. Восточная академия, ее организация и задачи // Вестник просвещения ТССР.—1921.—№ 4—5.—Стб. 99.

³⁴² НА РТ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 8. Л. 5 об.

³³⁷ НА РТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 8. Л. 4 об.

³³⁸ НА РТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 2. Л. 18—18 об.

На 1 июля 1922 г. в Восточной академии всего было 107 студентов, в том числе на историко-археологическом — 57, этнографическом — 19, словесном отделении — 31.³⁴³

В Восточной академии языки и дисциплины народов Востока велись профессорами и преподавателями Г.Р.Али Рахимом (История татарской литературы), В.А.Богородицким (Введение в языкознание, введение в уральское и алтайское языкознание), З.З.Валидовым (Татарский язык), Г.С.Губайдуллиним (История Турции, История турецко-татарских народов), Н.Ф.Катановым (Восточная нумизматика, календарная астрономия, история и этнография турецко-татарских народов, арабский язык и литература, турецко-татарская словесность, чтение древних авторов, писавших о Востоке России, монгольский язык), С.Е.Маловым (этнография турецких племен, восточная палеография, словесность татарских народов, турецкая диалектология, турецкое языкознание, древне-турецкие языки), Б.В.Миллером (персидский язык, персидская литература, история Персии), Г.Ш.Шарафом (татарский язык), К.И.Сотониным (история философских систем Востока, психология народов), Е.Е.Поповым (общее землевладение, география Азии, география Поволжья), А.А.Хури (арабский язык) и другими.³⁴⁴

Среди кафедр Восточной академии выделялись следующие: «Международные отношения на Востоке», «История мусульманской культуры», «История финно-угорских народов», «История Индии, Китая и Японии», «Педагогика мусульманских народов», «Этнография восточных народов», «История финно-угорских народов», «История китайской и японской литературы», «История индийской литературы», «Финно-угорская словесность».³⁴⁵

В одном из протоколов заседания совета Восточной академии отмечалось: «... открывая осенью 1921 года Восточную академию в Казани, центре Поволжья и очаге культуры ту-

рецко-татарского и финно-угорских племен, татарский народ получает свое высшее учебное заведение, обеспечивающее в первую очередь изучение тех элементов народной жизни, которые являются источниками национальной культуры и обуславливают те особенности духовного и материального быта, к собиранию, сохранению и изучению которых Восточная Академия призывает широкие трудовые массы народов Поволжья и Востока».³⁴⁶

Этому важному востоковедному научно-учебному и исследовательскому проекту не суждено было воплотиться в жизнь. В 1922 г. Восточная академия и другие учебные заведения послужили основой создания Восточного педагогического института (ВПИ).³⁴⁷ Практическое и научное востоковедение в Казани в 20-е гг. XX в. не смогло в полной мере возродиться в высших учебных заведениях республики.

Исключительную роль в возрождении востоковедной работы в 1920-е гг. сыграло «Научное общество татароведения» (1923—1929), ставшее крупным востоковедческим центром Поволжья и Приуралья. Именно это общество сыграло созидательную роль в сохранении и развитии отечественной востоковедной науки в целом. «Научное общество татароведения» было образовано на базе «Общества востоковедения», которое существовало при Восточной академии с 1922 г.³⁴⁸ Официальное открытие востоковедного общества состоялось

³⁴⁶ НА РТ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 8. Л. 4 об.

³⁴⁷ Доктор исторических наук А.Л.Литвин в своих публикациях и в ходе наших бесед обратил мое внимание на педагогическую и научную деятельность в области востоковедения в Казани в 1923—29 гг. В.И.Анучина (1874—1941). Материалы архива КГБ Республики Татарстан о судьбе профессора Восточного педагогического института и Казанского университета В.И.Анучина, предоставленные А.Л.Литвиным, свидетельствуют о том, что ученый мечтал восстановить Восточный факультет Казанского университета; вел курсы этнографии восточных народов России; собрал в ходе научных экспедиций значительный историко-этнологический материал о малых народах Сибири; многое сделал для укрепления отделения востоковедения Восточного педагогического института, в том числе передав ему материалы своих экспедиций.

³⁴⁸ Обзор деятельности научного общества татароведения (1923—1929) // Вестник научного общества татароведения.—1930.—№ 9—10.—С. 201.

³⁴³ НА РТ. Ф. 225. Оп. 2. Д. 1. Л. 12.

³⁴⁴ НА РТ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 10. Л. 1—1 об.

³⁴⁵ НА РТ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 8. Л. 64.

30 мая 1923 г. при участии делегата Всероссийской научной ассоциации востоковедения, образованной декретом ВЦИК от 13 декабря 1921 г., профессора И.Н.Бороздина (зав. историко-этнологическим отделом ВНАВ), выступившего с речью «Перспективы востоковедения в России».

Образование «Научного общества татароведения» в Казани было логически обусловлено проведением в Москве 12—20 декабря 1921 г. Первой Всероссийской конференции научных обществ и учреждений по изучению местного края. Основная цель конференции состояла в координации деятельности научных обществ и учреждений, связанных с краеведением, создании общего плана научно-исследовательских работ и выяснении их организационных, финансовых и научных нужд.³⁴⁹ В связи с началом издания «Вестника научного общества татароведения» в 1925 г. отмечалось: «В интересах активной связи с современной общественностью, особенно в области краеведения, редакция ставит своей задачей дать не только материал, не только статьи научно-исследовательского характера, но в то же время и объединить работу по вопросам методологии и методики краеведения...»³⁵⁰

Истоки «Общества татароведения» связаны с деятельностью и влиянием Научной ассоциации востоковедения, образованной в 1922 г. Профессор И.Бороздин, описывая начальный этап «первого нового научного общества, возникшего в нацреспублике», вспоминал: «Осенью 1922 г. при Научной Ассоциации Востоковедения (находившейся тогда в ведении Наркомнаца) основана была Центральная комиссия по изучению татарской культуры, возникшая по инициативе заинтересованных татарских кругов и ученых специалистов, занимавшихся изучением культуры тюркских народов Советского Союза. Развернув свои работы, новая Комиссия вступила в ближайший контакт с Наркомпросом Татреспублики, наметив ряд совместных работ. Тогда уже в рядах татарских

³⁴⁹ Дневник Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края.—М., 1921.

³⁵⁰ От редакции // Вестник научного общества татароведения. 1925.— № 1—2.—С. 3.

ученых Казани возникла мысль о необходимости создания в Татарстане новой научной организации с целью широкой разработки проблем татарской культуры. Существовавшие до сих пор научные общества не могли в полной мере удовлетворить актуальным запросам; требовалась иная координация научных и практических работников по Востоку».³⁵¹

Председателем «Общества татароведения» был избран профессор Н.Н.Фирсов (1864—1934). Секретарями общества являлись М.Г.Худяков (1894—1936), Е.И.Чернышев (1894—1979) и литературовед Али (Гали) Рахим (1892—1943).

Профессор Н.Н.Фирсов в связи с образованием «Общества татароведения» писал 30 ноября 1923 г. С.Е.Малову: «Теперь... свыше решено поднять в Казани востоковедение на должную высоту, и когда это будет сделано, может быть, и Вы вернетесь на родину, которая по Вашей специальности в Вас так нуждается. Отделение Востоковедения, поддерживаемое всеми высшими учреждениями Татреспублики, и сейчас приняло бы Вас с распростертыми объятиями на самых льготных условиях. Позволю себе напомнить и другое Ваше обещание поговорить со здешними начинающими востоковедами, не поедут ли они в Казань для преподавания там своих дисциплин, и на каких условиях они могли принять это предложение. Если найдутся желающие, то благоволят обратиться ко мне для переговоров».³⁵²

На начальном этапе организации «Общества татароведения» ее членами состояли всего 53 человека (на 1 января 1925 г.). Почетными членами общества являлись петербургские востоковеды В.В.Бартольд и А.Н.Самойлович. На 1 октября 1929 г. в Научном обществе татароведения состояло уже 98 членов — 14 почетных, 74 действительных и 10 членов-сотрудников.³⁵³

³⁵¹ Бороздин И. Из культурной жизни Татреспублики // Вестник научного общества татароведения.—1930.—№ 9—10.—С. 29.

³⁵² АРАН. Ф.1079. Оп. 3. Д. 258. Л. 11 об.

³⁵³ Отчет о деятельности Научного о-ва Татароведения за период с 1 января 1928 г. по 11 октября 1929 г. // Вестник научного общества татароведения.—1930.—№ 9—10.—С. 209.

В конце 1920-х гг. с началом «великого перелома», развития административной и командной системы организации науки и в особенности идеологизацией научной деятельности «Научное общество татароведения» прекратило свое существование.

За семь лет деятельности общества было проведено 39 заседаний правления и 39 общих собраний, в том числе 7 совместно с Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете. На общих собраниях общества татароведения было заслушано 65 научных докладов и сообщений, обществом был организован ряд научных экспедиций в кантоны Татарской республики и регионы Поволжья «для изучения татар... в лингвистическом и этнографическом отношении».³⁵⁴

В уставе «Научного общества татароведения» было записано, что оно «имеет целью объединение в ТССР лиц, научно работающих в области всестороннего изучения татар и татарской культуры, а также научную разработку относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интереса к задачам Общества в общественной среде».³⁵⁵ В 1923—1927 гг. «Общество татароведения» состояло при Академическом центре Татарского народного комиссариата просвещения и с осени 1927 г. при Доме татарской культуры. В ноябре 1929 г. «Научное общество татароведения» вошло в состав «Общества изучения Татарстана» «с тем, чтобы продолжить налаженную научную работу по изучению татарской культуры не только в пределах Татарской республики, но на всей территории СССР, а также печатать результаты этой работы в особом сборнике «Татароведе-

³⁵⁴ Обзор деятельности научного общества татароведения (1923—1929) // Вестник научного общества татароведения.—1930.—№ 9—10.—С. 201—202, 210.

³⁵⁵ Устав Общества татароведения при Академическом центре Татаркомпроса // Вестник Научного общества татароведения.—1925.—№ 1—3.—С. 69.

³⁵⁶ Протоколы № 39 общего отчетного собрания членов Научного Об-ва Татароведения от 3-го ноября 1929 г. // Вестник научного общества татароведения.—1930.—№ 9—10.—С. 213—214.

ние...»³⁵⁶ Однако со слиянием с «Обществом изучения Татарстана» «Научное общество татароведения» прекратило свою организационную и научную деятельность.

Задачи нового научного общества заключались в обсуждении докладов по специальности, в организации публичных лекций, в организации сбора материалов и экспедиций, издании научно-исследовательских трудов и т.д.³⁵⁷ С первых шагов общество ориентировалось на изучение истории и культуры татарского народа Поволжья и Приуралья. В 1925—30 гг. издавался «Вестник научного общества татароведения», ставший одним из оригинальных журналов в российском востоковедении 1920-х гг.

План научной работы «Общества татароведения» включал сбор татарских рукописей, организацию архивов, монографические исследования истории и культуры татар. Ключевыми проблемами стали история и культура Волго-Камской Булгарии, формирование и развитие капиталистических отношений и революционного движения в Татарии. Также было обращено особое внимание на составление археологических карт, истории литературы и театра, этнографическим работам и составлению библиографии по татароведению.³⁵⁸

На начальном этапе деятельности программа «Общества татароведения» охватывала историю революционного движения, археологию, статистику, экономику, народное хозяйство, этнографию, фольклор, лингвистику, литературу, археографию и искусство татарского народа. В дальнейшем члены общества главным образом занимались исследованием «различных отраслей материальной и духовной культуры татарского народа».³⁵⁹ В целом программа работ «Научного общества татароведения» отразила конкретные направления истории — собрание рукописного материала, изучение архивного материала и археологических памятников; по статистике и эконо-

³⁵⁷ Устав НОТ // Вестник Научного общества татароведения.—1925.—№ 1/3.—С. 69—70.

³⁵⁸ ОРРК НБ КГУ.—№ 7597.—Л. 7.

³⁵⁹ Обзор деятельности научного общества татароведения (1923—1929) // Вестник научного общества татароведения.—1930.—№ 9—10.—С. 201—202.

мике — изучение классового состава татарского населения и изучение хозяйства, промышленности и торговли татар; по литературе — исследование истории татарской литературы и театра, изучение диалектологии и разработка татарского литературного языка, изучение народной словесности; по искусству — изучение татарского монументального и прикладного искусства; по этнографии — изучение татарского быта сравнительно с другими тюркскими народами и другие.³⁶⁰

В 1923—1925 гг. основными итогами деятельности «Научного общества татароведения» стали составленная М.Г.Худяковым археологическая карта Татарской республики; работа Г.С.Губайдуллина по составлению татарской библиографии по изучению местного края, труды Н.Н.Фирсова в архивах Москвы и Ленинграда по выявлению документов по истории поволжских татар, посвященных истории Ногайской Орды и московско-ногайских отношений в XVI—XVII вв.; этнографическая поездка Г.С.Губайдуллина и Н.О.Воробьева по татарским деревням Арского кантона и др.³⁶¹ Отсутствие финансовых средств не позволило начать археологические раскопки Казанского Кремля и центров Волжской Булгарии. В эти годы были прочитано около 20 научных докладов по следующим темам: «о борьбе Казани с Москвой», «об участии татар в Разиновщине», «о феодализме у татар и татарской историографии», «об этнографии татар Татарской республики и о татарском зодчестве», «о татарском алфавите» и т.д.

1925—1929 гг. стали заключительным этапом в организационной и научной деятельности «Общества татароведения». Последние годы деятельности общества татароведения отличаются активизацией научно-просветительской и исследовательской работы. В октябре 1928 г. при «Обществе татароведения» была организована археографическая комиссия. Целью этой комиссии стало «разыскание, приведение в извест-

ность, собирание и издание архивных материалов, касающихся истории татар».³⁶²

В 1929 г. «Общество татароведения» состояло в связи и обменивалось изданиями со 122 научными организациями и обществами Советского Союза и с 10 научными центрами Европы и Америки: Королевским азиатским обществом (Лондон), Римской археологической ассоциацией (Рим), Нью-Йоркской публичной библиотекой (США), Обществом изучения маньчжурского края (Харбин) и др.

Научная деятельность «Общества татароведения» свидетельствует о его важной роли в становлении казанского советского востоковедения. В нем объединились большинство казанских ученых-гуманитариев, проводившие татароведческие (тюркологические) исследования. Они смогли привлечь внимание отечественных и зарубежных исследователей к актуальным историческим, филологическим и культурологическим проблемам татарского народа. «Общество татароведения» стало инициатором издания первого в Казани советского востоковедного журнала — «Вестника научного общества татароведения». Этот журнал — ценный источник по истории гуманитарных наук 1920-х гг. и популяризации научных знаний об истории и культуре тюркских народов. Несмотря на короткий период существования опыт деятельности «Общества татароведения» поучителен не только с точки зрения истории гуманитарных исследований и знаний в Казани. Члены «Общества татароведения» пытались отвечать требованиям политической и культурной обстановки 1920-х гг. — добывать научные знания и писать о прошлой и современной жизни татарского народа. В работе общества были представлены исследования по археологии, истории, этнологии, литературе и языку татарского народа. Обществом были организованы научные экспедиции в районы республики. Деятельность «Общества татароведения» получила резонанс в востоковедных центрах СССР и Европы.

³⁶⁰ Программа работ научного общества татароведения // Вестник научного общества татароведения. — 1925. — № 1—3. — С. 1—3, 71.

³⁶¹ Деятельность общества татароведения (1923—1925 гг.) // Вестник научного общества татароведения. — 1925. — № 1—3. — С. 57—58.

³⁶² Отчет о деятельности Научного общества татароведения за период с 1 января 1928 г. по 11 октября 1929 г. // Вестник научного общества татароведения. — 1930. — № 9—10. — С. 210.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Изучение восточных языков в Первой Казанской гимназии (1769—1855 гг.)	6
Глава II. Разряд восточный словесности Казанского университета (1807—1855 гг.)	26
Глава III. Изучение истории и культуры народов мусульманского Востока, Монголии, Китая и Южной Азии (первая половина XIX в.)	47
Глава IV. Преподавание восточных языков в Казанском университете во второй половине XIX — нач. XX вв.	83
Глава V. «Восточное общество» (1855) и «Общество археологии, истории и этнографии» (1878—1929) при Казанском университете	113
Глава VI. Становление советского востоковедения в Казани в 1917—20-е гг.	123

Рамиль Миргасимович Валеев

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
(1769—1920-е гг.)**

Сдано в набор 13.03.2003. Подписано в печать 01.04.2003.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печ. л. 9. Тираж 150 экз. Заказ К-2

Отпечатано
в ООО «Алма-Лит»
420045, г. Казань, ул. Н.Ершова, д. 35а, т. 73-65-69

